СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Л. Колосов
Т. Молодый

Мертвый сезон

Конец легенды

Мертвый сезон
Конец легенды
Л. Колосов
Т. Молодый

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Это книга о замечательном советском разведчике-нелегале Кононе Трофимовиче Молодом. На Западе он был известен как процветающий английский бизнесмен Гордон Лонсдейл. Считается, что его биография легла в основу фильма «Мертвый сезон» и нескольких книг, но на самом деле все это не имеет практически ничего общего с нелегкой работой и трагической судьбой героя невидимого фронта.

У авторов книги — сына и друга разведчика — остались доселе неопубликованные материалы, в том числе и дневниковые записи самого полковника Молодого. Читателей ждут неожиданные сенсации, ибо пришло время рассказать все, как было на самом деле.

- Мёртвый сезон. Конец легенды
  -
  - ВЕРСИЯ. Вместо предисловия
  - ПИОНЕР ОТКРЫВАЕТ АМЕРИКУ. Трофим Молодый
  - ПИВНАЯ НАПРОТИВ ПОРТРЕТА И ПЕРВАЯ ДРЕВНЕЙШАЯ ПРОФЕССИЯ.
  - «МНЕ ПОВЕЗЛО ДВАЖДЫ».
  - ОШИБКА РЕЗИДЕНТА.
  - ЛОНДОНСКИЕ «УНИВЕРСИТЕТЫ».
  - БИЗНЕСМЕНОМ ХОРОШО, А ШПИОНОМ ХУЖЕ…
  - СУДЕБНЫЕ ИГРЫ.
  - В ТЮРЬМЕ НЕ СКУЧНО.
  - КАК МЕНЯЮТ ШПИОНОВ.
  - МОСКОВСКИЕ ТУМАНЫ.

Мёртвый сезон. Конец легенды Леонид Сергеевич Колосов. Трофим Кононович Молодый

Ложь — это всего лишь замаскированная правда.

Джорж Байрон

«Правда» об отце — это всего лишь замаскированная ложь.

Трофим Молодый

DAILY EXPR

No. 18,917 THURSDAY MARCH 23 1961 3 a.m. forecast: Cloudy; bri

LONSDALE 25 years

KROGER 20 years

HIS WIFE 20 years

SPY RING C

Lonsdale's identity still a riddle

Secrets Trial Special

LONSDALE 25

EXPRESS

3 a.m. forecast: Cloudy; bright spells Price 3d.

LONSDALE 25 years

KROGER 20 years

HIS WIFE 20 years

HOUGHTON 15 years

GEE 15 years

PAGES 6, 7, 8

SPY RING CRUSHED

Lonsdale's ident

ill a

lle

DAIL
ss
Price 3d.
18,917
THURSDAY MARCH 23 1961

GEE
15
years

LONSDALE
25
years

KRO
2
ye

USHED
on SPY RI

ts
al

LONSDALE
25
years

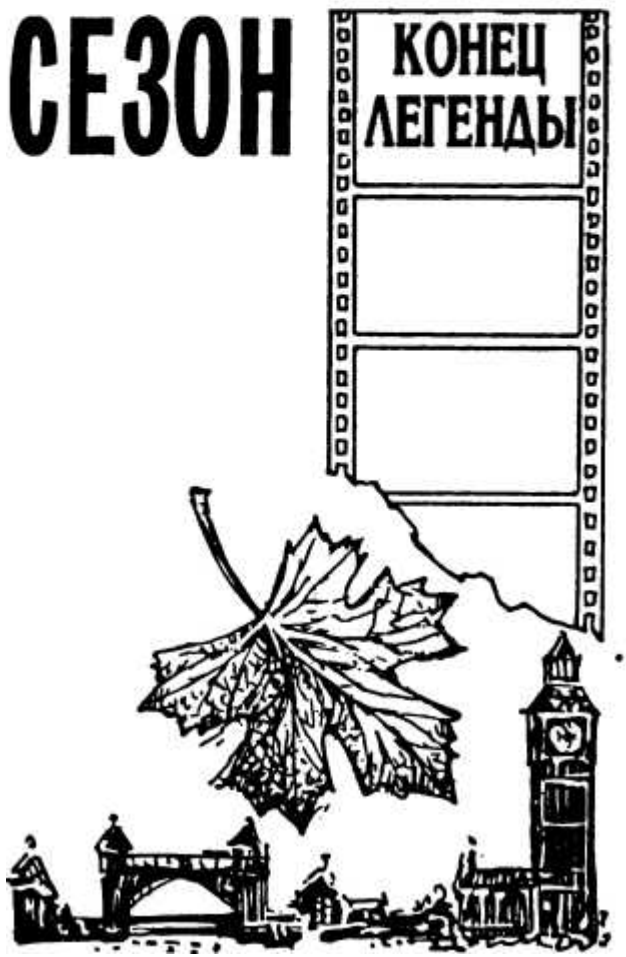
KROGER
20
years

HIS WIFE
20
years

RY RING

Л. Колосов
Т. Молодый

Мертвый сезон



В книге использованы фотографии из архивов авторов

ВЕРСИЯ. *Вместо предисловия*
Леонид Колосов

К шести часам утра бутылки на столе опустели. Из-под минеральной воды тоже. Собеседников и собутыльников на кухне было трое. Советский разведчик-нелегал Конон Молодый. Заместитель главного редактора газеты «Известия» Григорий Ошеверов, он же хозяин квартиры. И собственный корреспондент «Известий» в Италии, ваш покорный слуга Леонид Колосов.

Личность полковника Молодого окутана тайной, завеса над которой приоткроется впоследствии. Пока же нам доподлинно известно, что родился он 17 января 1922 года в Москве, где и закончил десятый класс средней школы перед самым началом Великой Отечественной войны. Прошел по ее фронтам, как говорится, от звонка до звонка. Потом поступил в Московский институт внешней торговли и после получения диплома с отличием в 1951 году вдруг исчез… Исчез до марта 1961 года, когда окружной суд Лондона приговорил советского разведчика Молодого, которого британский истеблишмент знал как процветающего бизнесмена Гордона Лонсдейла, к двадцати пяти годам тюремного заключения за шпионаж.

Что же касается Ошеверова, то был он известен в столичных журналистских кругах веселым, незлобивым нравом и, что самое главное, тесными связями с разными влиятельными лицами, начиная с партаппаратчиков высокого полета и кончая работниками советской торговли вместе с директорами всех престижных ресторанов столицы. Для него, казалось, не существовало ничего невозможного. Всем мог позвонить и со всеми договориться по самым сложным проблемам тогдашнего социализма.

Автор же этих строк только притворялся журналистом, ибо на самом деле занимался шпионскими делами в Италии как кадровый офицер Внешней разведки КГБ. Ее тогда для краткости тоже называли тремя буквами: ПГУ, то бишь Первое главное управление.

Собралась наша не святая троица по случаю того, что Ошеверов по просьбе Колосова, дружившего с Молодым еще со студенческих лет, выпросил у своего друга, министра культуры СССР Михайлова запрещенный к общественному показу кинофильм режиссера Саввы Кулиша «Мертвый сезон», где прообразом героя Ладейникова (его роль играл еще малоизвестный актер Банионис) считался Конон Молодый.

Киноленту смотрели нелегально в маленьком кинозале «Известий» близкие друзья и родственники Конона, включая его десятилетнего сынишку Трофима. Фильм понравился всем, окромя самого героя, о чем он сразу же безапелляционно заявил, как только вышеупомянутая компания уселась за кухонным столом в квартире Григория Максимовича и все выпили по первой рюмке.

— Все вранье, старики, кроме двух моментов. Донатас Банионис действительно похож на меня, особенно на фотографии, где мы, предварительно поддав, стоим в обнимку. И я так же, как и герой «Мертвого сезона», торговал игральными автоматами, на чем сколотил солидное состояние в свободной валюте, которое потом удалось перевести на счета КГБ… А все остальное вымысел, зачастую даже не очень художественный, благодаря активному участию в творческом процессе «искусствоведов в штатском» с Лубянки. Да и вообще мою биографию каждый крутит, как хочет. В одном западном журнале сообщалось, например, будто я проник в Великобританию, нырнув с подводной лодки у берегов Шотландии, в водолазном костюме с водонепроницаемым контейнером и чемоданом, прикрепленным ремнями к спине. Бред? Бред. Достаточно прочитать запись в паспортной службе Великобритании, чтобы убедиться, что сэр Гордон Лонсдейл прибыл в Англию на пароходе «Америка»… В другой публикации утверждалось, что я родился в Польше, а затем был «усыновлен» товарищами из Советского Союза, чтобы в будущем стать разведчиком-нелегалом… Или вот еще пример из области уже совершенно невероятной фантастики. Оказывается, меня, молодого диверсанта, сброшенного с самолета где-то под городом Гродно, схватили фашисты и притащили в комендатуру, которую возглавлял не кто иной, как Рудольф Иванович Абель, знаменитый советский разведчик, ибо он, оказывается, начал свою карьеру в… гестапо. И что этот советский гестаповец дал мне такого пендаля под жопу, что я бежал аж до самой Москвы, чтобы продолжить свою героическую жизнь. А потом, что самое невероятное, у нас состоялась много лет спустя тайная встреча в Вашингтоне в парке для верховой езды, где Абель выступал уже в качестве шефа нелегальной резидентуры в США, а я — его нового заместителя, приехавшего с паспортом канадского гражданина Гордона Лонсдейла. Прочитав сей отрывок, сам Абель, чуть не задыхаясь от смеха, сказал, что если у него начнется астма, то он подаст в суд на автора… Да, противно все это. Иногда у меня создается впечатление, что кто-то настойчиво пытается представить меня читающей публике в роли какого-то

детективного полуидиота, который в подметки не годится агенту 007, то бишь Джеймсу Бонду…

Помолчали. Ошеверов, который слыл большим ценителем прекрасного пола, ни к селу ни к городу спросил:

— Ну а если тебе, Конон, необходимо было сделать дорогой подарок, например, любимой женщине… И вообще как решались проблемы секса в твоем положении?

— Действительно, проблема не из простых. — Молодый улыбнулся. — Нелегал видит свою жену в лучшем случае один раз в году. В лучшем случае. Если же, находясь за границей, он в своем обществе ведет аскетический образ жизни и гордо не замечает женщин, могут начать ходить слухи о том, что сэр такой-то, видимо, имеет склонность к гомосексуализму. А это уже если не скандал, то факт, вызывающий пристальное внимание. А разведчику ни в коем случае нельзя выделяться из окружающих его людей. Но самое страшное — это настоящая, всеиспепеляющая любовь. Да, да, не смейтесь, ребята! Сколько великолепных профессионалов прошлого и не столь далекого прошлого погорели в постелях с любимыми женщинами. Поэтому если она, единственная и неповторимая, но не законная жена разведчика, скажем, в должности радистки резидентуры, то Центр ни одной минуты не потерпит вашего присутствия за рубежом. А вообще лучше всего не заводить никаких прочных связей…

— То есть как?

— Какой же ты настырный, Григорий Максимович! Ну представь себе, что ты уезжаешь на месяц в санаторий. Без жены. Что же, ты наденешь на себя пояс верности?

— Конечно, нет, — не раздумывая, ответствовал «Максимыч». — В санатории всегда найдутся незамужние женщины и дамы, которым надоели их спутники жизни. Но ведь это советский санаторий!

— Ну а почему ты думаешь, что в Англии нет таких же категорий женщин вне санаториев?

— Друг мой, — растроганно заявил Григорий Максимович, — я освобождаю Леню на три дня от работы в редакции, а ты расскажешь ему несколько новелл из своей необыкновенной жизни. Пусть их будет, скажем, пять. Договорились?

— Договорились. — Молодый грустно улыбнулся. — Только я боюсь, что у вас ничего не получится с интервью.

— Почему?

— Не все со мной так просто. Вот ведь «Мертвый сезон» и тот показали узкому кругу, да и то благодаря твоей помощи…

— Фильм — может быть. А интервью не притормозят. Кстати, в вашем ведомстве у меня много хороших друзей.

Притормозили. И надолго. Вежливый начальник пресс-бюро КГБ СССР сказал, возвращая гранки очерков автору: «Не пойдет. Не такое сейчас время, чтобы писать о советских разведчиках-нелегалах, тем более провалившихся. Странно, что это не понятно вам, нашему сотруднику. Публикуйте материалы о героях-разведчиках до 1945-го, а эти гранки лучше уничтожить». Но это было позже. А тогда, проговорив до утра, мы тепло попрощались с хозяином и вышли на улицу.

Уже начало работать метро и появились первые прохожие, спешившие на работу. Синоптики в ночных последних известиях обещали дождь, но небо было абсолютно чистым.

— Ты веришь в предсказания? — спросил я у Конона. Он улыбнулся.

— Если синоптиков, то нет, а вообще — да.

И вот тут я ему рассказал об одном странном случае из далекого прошлого, когда я вместе с родителями оказался в эвакуации в захудалом казахском городке Актюбинске. Основное ядро его населения составляли зэки, то есть отбывавшие разные сроки «враги народа» и разновозрастные профессиональные уголовники. С группой этих товарищей, многому меня научивших в ранней юности, мы оказались в марте 1943 года на актюбинском базаре. Помимо разного сброда от нищих до карманников здесь было полно цыганок, и одна из них, старая, замызганная бабка в разноцветных лохмотьях, привязалась к нашей подвыпившей компании, предлагая погадать и достоверно рассказать любому из нас о его прошлом, настоящем и будущем. Мы решили испытать правдивость гадалки.

Цыганка, внимательно изучив линии ладони, почмокала губами и довольно печально посмотрела на меня:

— Прошлое твое, касатик, вижу не бедным и не богатым. Ты — единственный и любимый сын у родителей. Мать тяжко болела, а отец очень заботился о ней. Господь призовет ее первой к себе из вас троих. Ты обязательно вернешься в то место, где родился, и поступишь в благородное учебное заведение. А жизни отведено, сынок, судьбой немало. До семидесяти точно доживешь, а там что Господь даст. Вот тот долгожитель, чья душа переселилась в тебя, дожил до семидесяти. А был он мореходом и ездил из одной заморской страны в другую, где доведется, и не раз, побывать тебе в зрелом возрасте. Две законные жены обретешь, и родят они троих дочерей. Скрасят дочери старость твою, не бросят и не забудут. Жизнь предстоит интересная, но зело неспокойная. Близко около смерти-матушки ходить будешь. Предатель в твоей жизни встретится, и не один… Но хороших, добрых людей будет больше. А доживать годы свои будешь в

окружении любящих людей, не в нищете, но в болезнях…

Конон внимательно слушал мое повествование, улыбаясь, ибо рассказывал я все с юмором. А потом вдруг стал серьезен.

— Ну и что, все исполнилось?

— В общих чертах… Благородное внешнеторговое учебное заведение окончил. В стране морехода, то бишь в Италии, чья душа, мол-де, живет во мне, побывал. Даже дважды. На опасную работу в КГБ забрали. Тяжелая автомобильная авария имела место. Вот только жена — прежняя, да и дочерей двое…

— Ну, это еще успеется. А может быть, и не надо больше. Кстати, я ведь тоже пообщался в Лондоне с одной хиромантканой. Забавная произошла история, скажу я тебе…

Нашли скамейку в скверике. Присели.

— Так вот, слушай, Ленька… Однажды в Лондоне попал я на один прием, где среди процветающих бизнесменов и дипломатов появилась очень интересная, хотя и не очень молодая леди, которую представили как хиромантку. Может, в шутку, а может, всерьез, черт его знает! Короче говоря, она начала рассматривать ладони близстоящих от нее кавалеров. Попала ей на глаза и моя ладонь — неудобно было отказаться, чтобы не вызвать у моих знакомых каких-либо подозрений. Поглядела она на меня довольно серьезно и молвила: «А вас, сэр, ждут наручники. Но ненадолго!..» После этой фразы она опять заулыбалась и перешла к другой группе гостей. А потом хиромантка подошла ко мне еще раз, когда я стоял один в углу зала. «Мне неудобно было говорить при всех, — молвила она серьезно. — Но ваша ладонь мне не нравится. У вас много друзей, но они не очень надежны, особенно в той стране, где вы родились и куда вы уедете после всех неприятностей. Не доверяйтесь им, особенно коллегам. И постарайтесь избегать врачей, они не всегда соблюдают заповедь Гиппократа… А здесь, в Лондоне, будьте осторожны, хотя с судьбой бороться почти что бесполезно». Такие вот сюрпризы нагадала мне великосветская «цыганка». Интересно, не правда ли?

— Ну, насчет «наручников» я вроде бы в курсе дела. И просидел ты в них действительно сравнительно недолго. А вот второе предостережение, насчет коллег и врачей… Оно сбывается?

— А черт его знает! Ведь коллеги — это не друзья. В разведке друзей, как правило, не бывает. Это почти что аксиома. А коллеги… на то они и коллеги, чтобы их остерегаться. Вот до меня дошли слухи, что полковника Молодого обвинили в том, что он завалил ценнейших агентов в силу своей беспечности и нарушения правил конспирации. Это — ложь. Но как доказать,

что ты не верблюд? И потом, какая-то удивительная забота о моем здоровье. Вот недавно опять направили на медицинское обследование в наш госпиталь, а тамошние ученики Гиппократа сразу же обнаружили какое-то мудреное заболевание сосудов головного мозга. Прописали кучу иноземных лекарств и курс инъекций. Ну, лекарства я утопил в унитазе, а вот курс пришлось пройти. Всю задницу искололи, и, что самое главное, взаправду начала как-то странно болеть голова. Говорят, это обычная реакция на лечение. Сначала, мол, хуже, а затем совсем… замечательно.

— А почему бы тебе, дружище, не сходить к частному лекарю? Кстати, у меня есть один знакомый терапевт широкого профиля. Специалист классный и свой парень, как-никак. Я его все время итальянскими галстуками снабжал…

— Что же, это идея. И когда ее можно осуществить?

— Послезавтра я улетаю в журналистскую командировку в Мадрид от «Известий»… Как только вернусь, так и пойдем.

— Отлично. Доверяй, но проверяй. Пора по домам. Спасибо тебе за великолепно проведенное время. Впрочем, постой. Давай сыграем с тобой напоследок в одну игру.

— В «очко»? Так ведь карт нет…

— Они не нужны. Будем фантазировать и играть в «угадайку». Итак, представь себе, что ты большой начальник и руководишь из Москвы всей нашей нелегальной сетью за рубежом. И вот один из нелегалов — твой покорный слуга, скажем так, проваливается в Великобритании в результате примитивного предательства, печальные последствия которого не сумело предусмотреть московское начальство… Меня сажают в тюрьму и, как принято повсеместно, делают всевозможные заманчивые предложения. Ну, вроде того, что, мол, поработай с нами. Все равно вместе будем воевать с китайцами и тебе это зачтется, по двойной ставке. А потом выпадает счастливое «очко», и меня через три года вместо двадцати пяти меняют на засыпавшегося в Москве английского шпиона. Вроде бы, как говорят англичане, хэппи-энд. Но ты, начальник, не уверен на сто процентов, что меня не завербовала британская контрразведка и не превратила в «двойника». А ведь в моих мозговых извилинах слишком много секретов, много имен коллег-нелегалов, агентов, явок и разведзаданий на будущее. Теперь вопрос: как бы ты, начальник, поступил со мной?

— С тобой? По-честному? Я тебе верю. Поэтому гуляй себе…

— Это частный случай. И редкий. А если подойти ординарно?

— Не знаю… В свое время фельдмаршалу Паулюсу, попавшему к нам в плен, предоставили великолепную загородную

виллу с озером, оградили ее красивым забором и поставили двойную охрану. Жилось ему неплохо, тем более что в озере развели много всякой рыбы, а фельдмаршал был заядлым рыбаком…

— Я не Паулюс, хотя двойную охрану вокруг себя ощущаю. Не верят мне коллеги, хотя на каждом шагу говорю, что я верный член КПСС и больше всего на свете люблю Советский Союз.

— Но ведь это так?

— Почти. Конечно, я верный член. И люблю Россию, ибо она моя родина. Но дорогой друг мой! Не буду ханжить, ибо ты хотя и коллега нынче, но тебе верю больше как старому институтскому товарищу. Не только ради КПСС играл я в нелегальную рулетку, а ради самого себя, ибо работа моя была тем наркотиком, без которого нынешнее существование кажется мне до удивительности нудным и никчемным. Впрочем, не внимай столь серьезно моим крамольным речам. Тебе еще трудиться. Поэтому, если нет идеала, создай его сам. И помни, что разведчики редко умирают своей смертью… Ну, поезжай спокойно в Испанию, а потом пойдем к твоему терапевту. Все-таки что-то свербит мое сердце, вернее, голову…

А накануне отлета в Испанию поздно вечером позвонил по телефону наш старый институтский товарищ и сиплым от слез голосом сказал: «Вчера ночью за городом скоропостижно умер Конон Мо-лодый. Тело в морге кагэбэшного госпиталя. Больше ничего не знаю…»

Прошло без малого три десятка лет. И вот у меня дома оказался сын Конона — Трофим Молодый. «Все, что, дядя Леня, рассказано об отце, — сказал он, — включая знаменитый фильм «Мертвый сезон», — это ложь или, в лучшем случае, полуправда, приготовленная на кагэбэшной кухне при помощи литературных и кинематографических поваров…»

И порешили мы попробовать написать честную книгу об отце и друге. Благо у Трофима сохранился батюшкин архив, да и у меня остались и накопились за это время кое-какие до сих пор неопубликованные материалы. И плюс к этому у обоих — воспоминания.

Мы с Трофимом договорились писать отдельные главы по очереди, в соответствии со знанием того или иного периода жизни Конона Молодого и наличием материалов. Будет предоставлено слово и самому герою. Он оставил в наследство никем не цензурированные записки о своей жизни, в которых нет легенд и полуправды.

ПИОНЕР ОТКРЫВАЕТ АМЕРИКУ. *Трофим Молодый*

Ни в одной из публикаций об отце, вышедших из-под пера «биографов», практически ничего не говорится о его детстве, отрочестве и юности. А если и говорится, то так приглаженно и сладко, что сразу же напрашивается невольная аналогия с Павликом Морозовым. Этакий образцовый пионерчик, который думает лишь о благе своей социалистической Родины. Правда, в отличие от Павлика у Конона оказались совершенно безупречные родители, на которых не надо было стучать в компетентные органы…

Последняя книга об отце была опубликована издательством «Орбита» в 1990 году. В ней та же абракадабра, что и в других публикациях. И, видимо, не стоило упоминать о ней, если бы не несколько принципиальных неточностей, которые нельзя обойти молчанием. Произведение сие названо длинновато: «Гордон Лонсдейл: моя профессия — разведчик. Воспоминания офицера КГБ».

Вранье начинается прямо с предисловия: «Почти два десятилетия назад советский разведчик Конон Трофимович Молодый обратился к нам, двум журналистам и ученому, с просьбой помочь привести в порядок его записи, воспоминания, некоторые документы из личного архива. Цель этой работы он определял совершенно ясно: будущая книга о его жизни и профессии. Конон Молодый откровенно рассказал нам, что до этого плодотворного сотрудничества с другими журналистами у него не получилось: «Они пытаются изобразить мою жизнь как приключения, а у меня тяжелая, порою однообразная работа…»

Как здорово все получается! Даже в кавычки взяли фразу, которую отец никогда не говорил, и заодно облажали «других журналистов» как возможных конкурентов. Нет, не обращался отец к двум журналистам и ученому с «просьбой», а ему навязали «группу товарищей», товарищи из бывшего пресс-бюро бывшего КГБ СССР, которые испугались опубликовать то, что написал сам отец, и неплохо написал, не хуже чем журналисты вместе с ученым. Но и просеянная через бдительные очи кагэбэшников, изуродованная до неузнаваемости рукопись отца не пошла в набор. Кто-то очень испугался. «Книга была готова, — пишут авторы, — но внезапно публикация ее была прервана. Несложно догадаться, кто дал такое указание главлиту… И вот прошло много лет… Пришло время и для публикации этой книги. Но ее

героя уже нет в живых». И, наконец, еще одна фраза из предисловия достопочтенных авторов. «С годами стареют не только люди, — читаем мы. — Время наложило отпечаток и на страницы рукописи, которая пролежала на «полках» два десятилетия. Над книгой, которую вы, читатели, держите сейчас в руках, нам пришлось работать заново. Нет, не для того, чтобы что-то подчистить или исправить. Но появилась возможность сказать кое-что из того, о чем в давнее время пришлось умалчивать».

Подчистили основательно. Исправили тоже. И сочинили многое из того, чего вообще не было и о чем не нужно было умалчивать. А в завершение всех хирургических операций под рукописью поставили подпись матери, старого и очень больного человека. Чтобы придать больше достоверности «произведению» и обезопасить себя от возможности критики. Впрочем, Бог им судья!

А теперь о том, чего еще никто не писал и не рассказал, то есть о нашей родословной. Я пользуюсь теми архивами, которые остались у меня и у родной сестры моего отца Натальи Трофимовны Молодой, которая отдала их мне для работы над книгой.

Мой прадедушка Молодый Конон Трофимович, украинец по национальности, еще в середине прошлого века покинул свою родину в поисках лучшей жизни и оказался в конечном итоге на Камчатке. Там он занялся торговлей пушниной и довольно быстро разбогател. Женился он на Марии Васильевне Брагиной — туземке-полуламутке, ибо отец ее был русским купцом, а мать — представительница, как теперь принято говорить, «малочисленных народов». Брак оказался счастливым, но недолговечным. Прадедушку зарезали разбойники с «большой дороги», чтобы ограбить его, естественно. В день смерти ему исполнилось всего лишь сорок лет. А прабабушка Мария Васильевна, оставшись молодой вдовой с четырьмя детьми на руках, но с довольно солидным капиталом, погоревала немного и вновь вышла замуж. На сей раз за статского советника господина Любимова…

Мы, конечно, не будем рассказывать о жизненных перипетиях семьи Любимовых. Нас интересует только один из сыновей Марии Васильевны — мой дед Трофим Кононович Молодый. О детстве, отрочестве и дальнейшем жизненном пути деда очень правдиво написано в некрологе «Памяти Т. К. Молодого», который был выпущен отдельной брошюрой издательством «Главнаука» в 1930 году. Посему цитирую: «Детство Трофима Кононовича протекало в необычной обстановке далекой камчатской окраины с ее

суровой природой и своеобразным бытом. Эта природа и этот быт ярко запечатлелись в его сознании, а его национальное происхождение в своеобразной внешности. Десяти лет от роду Конон Трофимович совершил далекое путешествие с Камчатки в город Хабаровск, где он поступил в реальное училище. Здесь он сразу выделился необычайной живостью своего характера и прекрасными способностями. По окончании реального училища в 1908 году он совершил второе далекое путешествие — с Дальнего Востока в центр России и всю остальную жизнь прожил здесь.

Первоначально он поступил на физико-математический факультет Петербургского университета… В то время, однако, признанной и бесспорной «столицей» русской физики была Москва, где вокруг блестящего ученого П. Н. Лебедева собралась первая русская школа физиков… В одной из ее лабораторий и начал свою научную работу Т. К. Молодый. По окончании университета в 1913 году он преподавал физику в различных средних заведениях Москвы, а затем в 1919 году перешел в Первый Московский университет, где преподавал до самой смерти…

С самого начала революции Трофим Кононович постепенно втягивается в широкую работу общественного характера. Революция как нельзя лучше отвечала его умонастроению и его действенной энергичной натуре. Понятно, что он принял ее с энтузиазмом и, не жалея своих сил, жертвуя интересами научной работы, бросился в работу общественную. Началом этого периода его деятельности послужила работа в «Комиссии по улучшению быта ученых-врачей»… В конце 1921 года двое известных ученых О. Ю. Шмидт и А. Г. Калашников пригласили Трофима Кононовича для работы в Государственное издательство. Там он наладил издание многих научных журналов. При всех своих многочисленных и ответственных обязанностях Трофим Кононович никогда не забывал науку. Именно его стараниями был создан «Журнал прикладной физики», который стал отдушиной для многих ученых…

Последний год жизни он был уже совершенно больным. Несмотря на это, он продолжал нести на своих плечах весь груз своих сложных обязанностей. Окружающие и близкие не раз пытались настойчиво просить его сократить свою работу. Но это было совершенно бесполезно. Он не хотел сдаваться. До самого последнего мгновения своей жизни он оставался на посту.

Будем же надеяться, что история нашей революции и нашей науки сохранит для потомства имя одаренного ученого, все свои силы положившего на то, чтобы дать возможность наилучшим образом работать другим». “

Вот таким героическим человеком был мой дедушка, отец моего отца. Бабушка Евдокия Константиновна, в девичестве Наумова, родилась в Хабаровске в многодетной семье купцов, переселенцев из России, и была тринадцатым ребенком. Упомянем из всех ее сестер только трех: Анастасию, Татьяну и Серафиму, поскольку они сыграют немалую роль в судьбе моего отца…

Бабушка Евдокия блестяще закончила хабаровскую гимназию, затем в 1909 году уехала в Москву, где поступила на Высшие женские курсы, впоследствии ставшие Вторым медицинским институтом, и получила диплом врача-хирурга. С этой профессией она не расставалась всю жизнь. До Великой Отечественной войны работала хирургом общего профиля, во время войны — ведущим хирургом эвакогоспиталя, а затем вплоть до 1965 года была ортопедом-травматологом. Такова ее, так сказать, профессиональная линия жизни.

Со своим мужем, то есть моим дедом, познакомилась еще в Хабаровске в 1906 году. Они очень полюбили друг друга, но обвенчались в силу разных житейских обстоятельств только в январе 1917-го. В августе того же года появилась на свет их первая дочь, Наташа, сам герой нашего повествования, Конон Трофимович, родился в январе 1922 года в гинекологической клинике на Пироговской улице. А в октябре 1929-го произошло несчастье — от повторного инсульта умер глава семьи Трофим Кононович, и Евдокия Константиновна осталась вдовой с двумя детьми на руках. И тут начались всяческие бедствия, в том числе и безденежье. Кстати, к этому времени в стране была введена карточная система. С питанием в семье стало очень плохо. Некоторое подспорье появилось, когда Евдокия Константиновна стала получать пайки в Доме ученых — один обед на троих. За ним, как правило, ходил восьмилетний школьник Конон. А на плечи его сестры Натальи легла вся работа по дому…

Помощь пришла нежданно-негаданно. В августе 1931 года в Москву на несколько дней приехала старшая сестра бабушки Анастасия Константиновна. Она еще до революции уехала из Хабаровска в Китай, а оттуда перебралась в Калифорнию, где заработала кое-какой капиталец и даже перетащила к себе еще одну сестру, Татьяну, которая открыла там небольшую балетную школу. Отмечу тут же, что еще одна сестра, Серафима, обосновалась в буржуазной Эстонии, выбрав для постоянного проживания город Тарту… Так вот, приехав в Москву, Анастасия Константиновна пришла в ужас от бедственного положения своей родной сестры Евдокии и тут же предложила ей забрать на время обоих детей, Наташу и Конона, в Калифорнию, где пообещала

обеспечить им более сытую жизнь и хорошее образование. Наташа отказалась сразу и категорически, сказав, что «никогда не расстанется с мамой». Сначала отказался по примеру сестры и Конон, но после того как ему пообещали купить в Калифорнии велосипед, он уступил…

После этого начались хлопоты по оформлению выездных документов для Конона, к которым подключились влиятельные друзья покойного Трофима Кононовича, включая даже президента Академии наук. И тут возникла еще одна, казалось бы, непреодолимая трудность. Американские иммиграционные власти отказались предоставить визу советскому школьнику, у которого родители не живут за границей. Тогда ведь еще не были восстановлены дипломатические отношения с Америкой… И вот тут, по воспоминаниям ближайших родствент ников, очень «ответственные товарищи» из числа друзей дедушки Трофима обратились к начальнику НКВД Генриху Георгиевичу Ягоде. Будущий «враг народа» дал указание помочь. Во всяком случае, по указанию «свыше» батюшка из церкви «Успения на могильцах», где крестили Конона, выдал ему новую метрику о том, что он является «внебрачным сыном» Трофима Кононовича и младшей сестры его законной жены Серафимы Константиновны. Загранпаспорт на Конона был оформлен. Для вящего подкрепления «легенды» было решено, что тетя Серафима заберет своего «внебрачного сына» в Тарту, где тот будет ждать американской визы. Такая вот получилась история. И черт его знает, этого Ягоду. Почему он помог? Может быть, уже тогда «энкавэдэшник № 1» положил глаз на мальчишку, решив подготовить его к будущей роли разведчика-нелегала?

Итак, Конон оказался в городе Тарту у своей «липовой» мамы и ее законного мужа. Чтобы не дать мальчишке бездельничать, супруги отдали Конона в эстонскую школу, где преподавали на русском языке. И тут случился конфуз. На уроке по Закону Божьему бывший советский школьник заявил, что Бога нет и проповедей он слушать не будет. Сказав сие, Конон демонстративно заткнул уши. Разгневанный батюшка выгнал скандального мальчонку из класса и поставил вопрос об исключении безбожника из школы. С большим трудом скандал удалось замять…

Наконец, долгожданная американская виза была получена, и Серафима Константиновна, проводив своего беспокойного «внебрачного сына» до города Шербура, посадила его на пароход «Маджестик», который отплывал в Америку, оплатив его проезд вместе с присмотром…

Шел 1932 год. Отец мало говорил об этих своих странствиях.

Или впечатления были грустными, или их стерли из памяти огненные годы Великой Отечественной войны, которую он прошел всю начиная с 22 июня 1941-го и кончая 5 мая 1945-го… Как веселый анекдот, когда бывал в приподнятом настроении, батюшка любил рассказывать эпизод из своего трансатлантического путешествия. «Как только меня-посадили на пароход, — повествовал он, — пароход отчалил от пирсов Шербура, мне сразу же захотелось писать. В моем блокнотике на английском языке было два слова: «туалетная комната». Я подошел к негру-стюарду и тщательно произнес эти два слова. Негр взял меня за руку и отвел в салон, где стояли джентльмены и курили. Я тщательно обошел все углы, но писать было некуда. Выйдя из салона, вновь увидел своего негра и опять произнес два магических слова. Стюард удивленно посмотрел на меня, опять взял за руку и привел в тот же курительный салон. Тут уж я не выдержал и демонстративно расстегнул ширинку своих брючек, сказав при этом пи-пи. Негр расхохотался, подвел меня к стене и нажал на какую-то кнопку. Бесшумно раскрылась дверь, и перед моим взором предстали долгожданные белоснежные писсуары… Но я немножко опоздал…»

Тетка Анастасия встретила своего племянника безо всяких приключений. Приласкала, откормила и устроила в американскую школу для продолжения образования. Отец рассказывал о своей «американской эпопее» в телеграфном ключе. Да, жил безбедно, учился успешно, хулиганил и даже занимался боксом. Но шесть лет с 1932-го по 1938-й тянулись очень долго. А потом Конон взбунтовался и попросился к маме в Москву. Вот тут-то и началась очередная детективная история. Чтобы переправить шестнадцатилетнего Конона в родные Пенаты, в Калифорнию прибыла переехавшая в Париж тетка Таня. К тому времени она здорово разбогатела. Не только за счет денег, полученных в свое время от отца, но и благодаря прибыльной деятельности «Школы русского балета», открытой ею в Париже. Однако бывшая балерина-предпринимательница была одинока, а проще говоря, не могла иметь детей вследствие неудачно сделанного когда-то аборта. А наследник был нужен. И как утешение в старости, и как преемник немалых капиталов. Посему она быстренько и не без значительных денежных затрат оформила в Калифорнии документы на усыновление Конона и начала готовить его к переезду в Париж. И тут в дело вмешались советские дипломаты, которым о готовящейся авантюре стало каким-то образом известно. Они в буквальном смысле отбили мальчика от тетки-похитительницы и вместе с дипкурьером отправили его в столицу нашей Родины — Москву. Здесь он

закончил опять же в школе № 36 девятый и десятый классы, затем был призван в 1940 году в ряды Красной Армии. А в июне 1941 года началась война…

Отец не любил рассказывать о своих боевых подвигах. О них достаточно говорят два ордена Отечественной войны I и II степени, орден Красной Звезды и многочисленные боевые медали. Будучи помощником начальника штаба 829-го отдельного разведывательного дивизиона, лейтенант Молодый не раз ходил по тылам врага, брал «языков», добывал необходимые командованию оперативные сведения. Может быть, тогда и появился у него вкус к разведке, авантюризм, без которого человек не может выбрать эту профессию…

Но до выбора профессии было еще далеко. Я оставляю отца в 1946 году накануне сдачи экзаменов в высшее учебное заведение, когда он познакомился с Леонидом Колосовым и подружился с ним на долгие, долгие годы…

ПИВНАЯ НАПРОТИВ ПОРТРЕТА И ПЕРВАЯ ДРЕВНЕЙШАЯ ПРОФЕССИЯ. *Леонид Колосов*

На первый взгляд все происшедшее было случайностью. И то, что мы встретились более полувека назад на приемных экзаменах в самый престижный по тем временам Московский институт внешней торговли. И то, что сразу же после поступления в оное заведение крепко подружились на долгие годы, хотя видели друг друга меньше, чем не видели, мотаясь по разным зарубежным далям. И то, что оба оказались в кадрах Первого главного управления КГБ СССР, правда, в разных отделах внешней разведки. И то, что жизненную дорогу каждого из нас пересекла гадалка — у одного в образе великосветской хиромантки, у другого — старой замызганной цыганки. Но самое необъяснимое заключается в том, что все или почти все предсказания обеих разномастных представительниц древней загадочной профессии исполнились…

Впрочем, тогда, в августе сорок шестого года, мы не верили ни хироманткам, ни цыганкам, ни своим ладоням с разными линиями. Только что кончилась война, и цель была одна — найти свой путь в жизни, в жизни очень непростой, несмотря на Победу и светлые обещания великого полководца и вождя всех народов товарища Сталина. Тяга к учебе была превеликая, но самый большой конкурс в столице был в два высших учебных заведения: Московский институт международных отношений (МИМО) и Московский институт внешней торговли. И тот и другой открывали дорогу в иные страны-государства и давали доступ к наукам доселе неизвестным и загадочным. Оба института считались элитарными, основной контингент состоял из чад партийной номенклатуры, дипломатов, внешнеторговцев и других высокопоставленных особ советского истеблишмента. Но тот первый послевоенный год открыл двери и простому люду, то есть молодым фронтовикам и рабочим парням-допризывникам, которые вкалывали всю войну на оборонных предприятиях. Им предоставлялись некоторые льготы, хотя сдавать экзамены все равно надо было. У меня лично было еще одно преимущество — рекомендация райкома комсомола, где я характеризовался как «отличный производственник и активист общественник, сумевший закончить десятилетку без отрыва от производства в вечерней школе рабочей молодежи».

Итак, август сорок шестого. В аудиториях института, который находился в те времена в Бабушкином переулке, идут приемные экзамены. Абитуриенты самые разномастные: аккуратненькие девочки в очень приличных платьицах, чинные мальчики в костюмчиках — «элита», так сказать, — и великовозрастные фронтовики, разношерстно одетые ребята из рабочего сословия, не отличающиеся элегантностью речи.

Заприметил я его сразу, хотя он ничем особенным не отличался от других. Вот только имя его сначала поразило. «Конон», — представился он. «Как?» — простодушно изумился я, думая, что ослышался. «Конон, — повторил он, широко улыбаясь. — Так назвал меня отец в отместку за то, что его нарекли когда-то банальным именем Трофим…» По какой-то необъяснимой взаимной симпатии мы быстро познакомились и подружились уже во время экзаменов.

Конон ничем особенно не выделялся среди остальных парней-фронтовиков, пожелавших сменить винтовки на учебники. Невысокий, скуластый, черноволосый, с неизменной смешинкой в раскосых глазах, одет в поношенные гимнастерку, галифе и не раз чиненные армейские сапоги. Только вот орденских планок было у него побольше, чем у других. «Храбрый, должно быть, парень», — сразу подумал я. А храбрый парень так же, как и мы, грешные, дрожал перед каждым экзаменом.

Мы с Кононом были зачислены на первый курс, правда, на разные факультеты: он — на юридический, я — на валютно-финансовый. Однако нам это не помешало дружить. Напротив, взаимная привязанность все более росла, доверие тоже, хотя самого главного я не знал. Конон учился на своем юридическом, уже будучи завербованным КГБ и даже получившим псевдоним «Бен». Об этом я узнал от него намного, намного позднее. Учился Конон хорошо, все ему давалось легко, даже трудный китайский, в знании которого он уже через год начал превосходить своего престарелого преподавателя. Ребята и девчонки как-то сразу и единодушно признали в нем лидера. Во всяком случае, с первого по пятый курс был он бессменным секретарем партийного бюро факультета. Правда, столь высокий по институтским масштабам общественный пост не мешал Конону довольно часто и безбоязненно нарушать моральный кодекс коммуниста, что повергало меня в совершеннейшее изумление и, не скрою, придавало куража в разных амурных делах. С грустной улыбкой вспоминаю сегодня случай, не единственный, разумеется, в нашей институтской эпопее.

Конон поймал меня в перерыве между лекциями:

— Ленька, ты как насчет баб?

— Нормально. А что, имеются предложения?

— Имеются. Понимаешь, моя родительница отбыла в отпуск. Хата свободна, и сегодня вечером ожидается визит трех юных дев, правда замужних. А нас только двое. Я и Юрка Черневский. Так вот, не возьмешь ли на себя третью?

— Хорошо. А что, можно без церемоний?

— Разумеется. Цели визита обговорены заранее. Им просто надоели их мужья и хочется острых ощущений.

Девы оказались не очень юными. Мне досталась дама с лошадиным лицом и ростом баскетболистки. Быстро выпив и закусив, Конон и Юра — тоже мой приятель с юридического факультета — забрали двух симпатичных особей и разошлись по комнатам. Я со своей несимпатичной остался в столовой. К нашим услугам был диван, но воспользоваться им так и не пришлось. То ли я не пришелся по вкусу «баскетболистке», то ли она не вызвала у меня необходимого вожделения. Во всяком случае, все отпущенное на любовные утехи время мы провели в нудной беседе об импрессионистах. «Баскетболистка» оказалась художницей. Проводив дам после любовных утех и «посошка», Конон с хитрой улыбкой посмотрел на меня:

— Ну как?

— Ничего не получилось, старина. Мы друг другу явно не подошли.

— Ишь, какой капризный у нас Ленечка! Ведь я же попросил тебя выручить нас с Юрой. Мы тоже не ждали эту лахудру. Ее навязали Леля и Надя нам в нагрузку, а ты вот подвел…

— Да не смог я переступить через себя.

— Ну ладно, в другой раз переступишь. Если партия приказала — надо выполнять. Ты же член партии…

Конон, конечно, шутил. Впрочем, в другой раз получилось. И вообще если партия прикажет… Но не надо впадать в крайности. Пьянки и гулянки имели место, но основное время занимали учеба и всякие общественные дела. Конон проводил собрания и занимался китайским языком с отстающими студентами. Я же увлекся драматическим искусством и даже был одним из основателей студенческого театра, где играл роли первых любовников. Руководил коллективом прекрасный актер Сергей Алексеевич Маркушев. Сначала он играл в Театре Станиславского, а потом перешел в Малый, где сыграл роль Владимира Ильича Ленина в какой-то сверхреволюционной пьесе и получил даже звание народного артиста РСФСР.

Конон любил ходить на репетиции, когда у него было время, и неизменно посещал все наши премьеры. А еще ему очень нравился наш художественный руководитель «Лексеич» за

веселость нрава и компанейский характер. Иногда после репетиций мы втроем заходили в «ПНП» — удивительное заведение, очень украшавшее наш ничем не примечательный Бабушкин переулок. На одной стороне переулка стояло некое административное здание, на котором висел большой портрет Сталина, а на другой находилась маленькая уютная пивная, где всегда можно было взять стопку водки, кружку свежего пива и непременный бутерброд с красной икрой. Сокращенно мы этот ритуал называли несколько по-революционному звучавшей аббревиатурой — «СПГ КП БИ», что означало: «сто пятьдесят грамм, кружка пива, бутерброд с икрой», ну а «ПНП», как вы сами, наверное, догадались означала: «Пивная напротив портрета». Очень любили мы это заведение, и буфетчик отвечал нам взаимностью, ибо сам был недоучившимся студентом…

Но вот, наконец, государственные экзамены; Последний из них мы сдавали вместе в один из июньских дней 1951 года. Большинство из будущих молодых специалистов уже знали, куда поедут и где будут работать. Мне мой друг сказал, что сам попросился на работу в один из приграничных с Китаем городов, где находился крупный таможенный пункт.

Счастливые и довольные, с дипломами в карманах мы пешком возвращались домой. Выпили напоследок по СПГ.

— Я позвоню тебе через недельку, — сказал на прощание Конон, крепко пожимая мне руку.

Но ни через неделю, ни через две он так и не позвонил. Я отправился по профсоюзной путевке в подмосковный дом отдыха и, вернувшись, решил сам напомнить о себе. Трубку взяла его мать.

— Это ты, Леня… А Конон уехал… Разве не знаешь? Да, да, уехал по распределению на работу в таможню два дня назад.

— А вы не знаете его адреса?

Она помедлила с ответом, потом тихо сказала:

— Пока не знаю. Но он просил тебе передать, что напишет сам, как только устроится.

Где устроится? Несколько ребят с нашего курса тоже исчезли куда-то. Правда, об этом никто вслух не говорил, но практически все знали, что наш институт считался «кузницей кадров» для органов государственной безопасности. Помню, на пятом курсе и я был вызван в кабинет нашего начальника отдела кадров Николая Романовича Акабы. У него сидел гость — весьма представительный мужчина, который сразу же стал пристально смотреть мне в глаза каким-то гипнотизирующим взглядом. Николай Романович говорил обо мне вдохновенно. О том, какой я хороший общественник, что уже член партии, очень контактен,

пользуюсь авторитетом, всю войну проработал на оборонном предприятии и так далее. Представительный мужчина делал какие-то пометки в своем блокнотике… Потом вежливо сказал, что я свободен, пожелав мне дальнейших успехов в учебе.

Я рассказал тогда о странной беседе Конону. Он хитро улыбнулся:

— Это тебя, Ленька, проверяли на предмет твоего морального облика. Блядун ты или не блядун… Но раз ничего не предложили, значит, ничего и не будет. Самое главное, не нервничай. От сумы да от тюрьмы не зарекайся, как говорится. Всему свое время. Умей ждать.

…А писем от Конона я так и не дождался. Что поделаешь? Мало ли какие причины бывают у людей, чтобы не писать писем…

Только однажды пришлось вспомнить о моем стародавнем друге. Как-то встретил в компании своего сокурсника, и он, отведя меня в угол, таинственным шепотом поведал одну историю.

— Ты знаешь, я был недавно в командировке за границей и в аэропорту Бурже в Париже, где делал пересадку, вдруг вижу, стоит в окружении нескольких иностранцев знаешь кто? — И он назвал имя нашего приятеля.

— Да ты что! — заинтересовался я. — Неужели он? Ну и что, что дальше?

— А дальше все было очень удивительно, если не сказать — невероятно. Я к нему, значит, с распростертыми объятиями. «Здравствуй, — говорю по-русски, — дорогой Конон, как ты сюда попал?» А он на меня смотрит какими-то потусторонними глазами, как на доисторическое ископаемое. Я оторопел. Спрашиваю, заикаясь, по-английски: «Простите, сэр, вы разве не Конон Молодый?» А он опять же на чистейшем английском: «Нет. Вы, вероятно, обознались».

Я хотел еще раз переспросить, а он вдруг тихо на чистейшем русском прошипел: «Катись ты к е…..й матери, кретин…»

— А ты?

— Покатился к этой самой…

— А может, ты все-таки обознался?

— А черт его знает! Если в мире существуют как две капли воды похожие одна на другую физиономии и дважды встречаются совершенно одинаковые голоса, то я обознался. Только зачем тогда он матерился?

Честно говоря, и у меня в душу закралось сомнение. Действительно, зачем же матюгаться? И потом вспомнил я, что слово «кретин» было любимым у Конона…

А в 1960 году пришел и мой черед. Я только что вернулся из Италии, где проработал около пяти лет старшим экономистом в торгпредстве. И в один прекрасный день мой друг Саша Тутушкин, назначенный освобожденным секретарем парткома Министерства внешней торговли СССР, попросил меня заглянуть в его кабинет. Там сидел гость — невысокий, с невыразительной внешностью человек, который представился как товарищ Акулов.

Саша ушел. Товарищ с хищной фамилией заговорил со мной ласково и очень откровенно. Он рассказал, что в «органах» после расстрела предателя Лаврентия Берия очень сильно пострадала внешняя разведка. «Нам нужны сейчас верные партии, образованные и знающие иностранные языки парни. Вы нам очень подходите. Почему бы не вернуться в Италию в должности заместителя торгпреда, например, но с исполнением обязанностей разведчика?»

«Действительно, почему бы нет?» — подумал я… и согласился.

Правда, окончательную судьбу мою решили статьи, написанные и опубликованные перед защитой диссертации. Пройдя годовой курс разведшколы, я оказался «под крышей» газеты «Известия» и стал по воле КГБ журналистом. И остался им на всю жизнь. Нет, не жалею, как не жалею о времени, проведенном в разведшколе. Именно там, читая свободно запрещенные «на воле» книги, я впервые осознал, что такое разведка. Думаю, что читателям тоже небезынтересно будет узнать, откуда явилась эта самая древняя профессия в истории человечества.

Несмотря на все многообразие взглядов ученых и мыслителей разных эпох, все они сходятся на том, что секретные службы существуют не менее тридцати трех столетий… Свидетельств тому, что шпионаж находил свое отражение в мифологии народов мира, имеется немало. Вообще-то, говорят, самыми ранними источниками получения закрытых сведений были провидцы, оракулы и астрологи. Коль скоро боги наперед знали, что может приключиться в будущем — поскольку они сами предопределяли исход событий, — было вполне логично искать указаний на Божий промысел в откровениях «святых» людей, в рассуждениях оракулов, в расположении звезд, гаданиях, а то и просто в сновидениях. Мифология и история религий содержит огромное количество примеров, касающихся практических дел государств, связанных с предсказанием и «сбором разведывательных данных».

Так, например, в библейской книге преемника пророка Моисея — Иисуса Навина — рассказывается о том, как он послал тайно соглядатаев в город Иерихон с заданием «осмотреть» его.

То были двое молодых людей, которые остановились на ночлег в доме иерихонской блудницы по имени Раав. Между тем царю Иерихона донесли о том, что на его землю пришли двое израильских соглядатаев и собирают тайные сведения. В городе начался повальный обыск и были обещаны щедрые награды тем, кто найдет или выдаст непрошеных визитеров. Однако блудница спрятала своих «гостей» в снопах льна, разложенных на крыше ее жилища, а пришедшим стражникам заявила, что видела, как израильские шпионы убежали по направлению к реке Иордан. Раав потребовала вознаграждения у двух молодых иудеев за свою ложь и взяла с них слово, что ни она сама, ни ее семья не пострадают, если будет разрушен во время войны родной город. Так оно и случилось. Шпионы вернулись к своему царю с ценнейшими данными об укреплениях Иерихона, Иисус Навин разрушил его до основания, уничтожил всех жителей, а блудницу Раав с ее семьей пощадил, как и было обещано. Итак, налицо и разведка, и шпионаж, и предательство…

Или еще одна древняя легенда. Бог Аполлон наделил дочь троянского царя Приама Кассандру, в которую был влюблен, даром пророчества. Но, став обладательницей этого дара, она насмеялась над искусителем. Аполлон не имел возможности взять свой подарок обратно. Зато он присовокупил к нему оговорку: пророчествам Кассандры никто не будет верить. В результате ее предсказание о том, что похищение Елены принесет гибель Трое, и ее предостережения о знаменитом троянском коне никто не принял во внимание. Суть? Эту легенду, пожалуй, можно считать одной из первых записанных «обманных» операций. А вот еще. Греки перед великим походом 480 года (до нашей эры!), как сообщает Геродот, заслали в Персию трех шпионов, чтобы те выяснили, сколь велико войско Ксеркса. Шпионов поймали и собирались казнить. Но Ксеркс повелел показать лазутчикам свое войско и отпустить их. Он надеялся таким образом напугать греческих полководцев, вполне сознательно подарив им данные о своем войске…

Древние, средние века, Ренессанс изобилуют примерами секретной деятельности людей, которые вершили судьбами не только императоров… Могущество Римской империи основывалось на тщательно организованной полицейской секретной службе. В Европе церковь в течение многих веков через монастыри и приходы получала тайную информацию по всем вопросам, касавшимся настроений, действий и побуждений верующих. Венеция торжествовала победы в значительной степени благодаря изощренности своих послов и огромным денежным фондам, которыми те располагали для подкупа

«нужных людей». С XVI века Великие Моголы укрепили свое владычество в Индии, прибегая к услугам тысяч шпионов, которые информировали их о настроениях в этой необъятной и неустойчивой империи.

Древняя Русь подозревала шпиона в любом заезжем иностранце. Китай обнес себя стеной, дабы внутрь страны не мог проникнуть чужой взор. Государственной тайной было окружено все: общественный строй, форма правления, примитивная экономика, вооружение, обряды. При таком положении вещей каждый человек становился носителем секретов. С другой стороны, любой путешественник волей-неволей превращался в разведчика, шпиона.

И цену шпиону знали в самые-самые древние времена…

Еще за шестьсот лет до нашей эры китайский философ Сунь Цзы написал о сущности шпионажа в книге, которая называлась «Происхождение стратегии — искусства войны». Он, в частности, утверждает, что нельзя обладать тем, что называется предвидением, через духов и богов, через изучение аналогий истории и через собственные размышления. Только люди могут дать это, люди, знающие, что делается у врага… Сунь Цзы различает пять категорий шпионов: местные, внутренние, обращенные, обреченные, прижившиеся. Когда эти пять категорий шпионов начинают действовать, никто не в состоянии раскрыть их секретную систему. Но нужно держать в своих руках всю сеть. На этом зиждется могущество владыки. Местные шпионы — это те, которые действуют среди населения того или иного района. Внутренние шпионы, как правило, — люди, занимающие определенные посты в различных организациях противника. Обращенные шпионы — это шпионы врага, используемые против него же. Обреченные — те, кто работает открыто в рядах противника, сообщая ему заведомо ложные сведения, в которые тот должен поверить. Прижившиеся — это те, кто приносит информацию из вражеского лагеря… В войске необходимо поддерживать самые тесные отношения со шпионами и щедро вознаграждать их работу. Никакая другая деятельность не должна осуществляться с такой строгой секретностью, как шпионаж. Нельзя работать со шпионами, не обладая собственной тонкой интуицией, которая помогла бы разбираться в преданности этих людей. Так писал китайский философ…

Конечно же, разведка родилась не сама по себе. Она появилась тогда, когда начались войны. В любом военном столкновении в той или иной степени должна присутствовать тактическая хитрость, рассчитанная на обман противника. Но чтобы обмануть и победить врага, необходимо его знать. Разведка

и шпионаж, так же как и войны, в разные времена принимали различные формы.

История складывала века в свою копилку. На смену одним формациям приходили другие, и время меняло само понятие секретной службы, а вместе с нею сущность военной и государственной тайны. Трансформировалось и отношение общества к тем, кто посвящал свою жизнь этому опасному ремеслу. С одной стороны, на них смотрели как на героев невидимого фронта, с другой — как на презренных наемников. Испокон веков слово «разведчик» было окружено почитанием и глубоким уважением, а слову «шпион» история придала весьма нелестный оттенок.

Император Франции Наполеон был категоричен в определении человека, занимающегося сим тайным ремеслом. «Шпион — это естественный предатель», — утверждал он. А во французском словаре Поля Робера слово «предатель» определяется как «доносчик, шпион, изменник, иуда, клятвопреступник, ренегат, перебежчик, коварный подлец, мошенник, вероломный, отступник, обманщик». Впрочем, не милует «предателя» и В. И. Даль. «Изменник, вероломец, крамольник, лукавый и обманчивый человек, душепродавец…» — читаем мы в его Толковом словаре. «Предать… — изменить кому, обмануть лукаво, либо покинуть в беде, отступиться, или изменнически выдать неприятелю, продать, быть предателем…»

На историческом пути развития человечества менялся и облик «бойцов невидимого фронта». Было время, когда к разведке допускали лиц преимущественно благородного происхождения. Многих привлекал авантюризм, необычность профессии, связанной с борьбой, которая предшествует войне и продолжается после заключения перемирия. В эпоху Великой французской революции и американской войны за независимость было немало разведчиков-патриотов, беззаветно преданных делу свободы. Затем роль центральной фигуры разведки перешла к организаторам агентурной сети. Усложнилась и сама техника разведывательного дела. Для многих стран характерно тесное переплетение военной разведки с политическим шпионажем. Шпионаж все больше смыкается с откровенно подрывной работой. Появляются специалисты по взрывам, убийствам, поджогам. Одновременно формируется новый тип шпиона, завербованного в стране противника. Для своей родины он — предатель. Для государства, на которое работает, — шпион, которому платят за его предательство.

Наполеон все же не мог скинуть их со счетов своих побед и поражений. «Верьте мне, — говорил он, анализируя исходы

военных баталий, — я невольно пришел к выводу, что не столько храбрость пехоты или отвага кавалерии и артиллерии решали судьбы многих сражений, сколько это проклятое и невидимое оружие, называемое шпионами». Ни минуты не сомневаясь в своем военном гении, Наполеон прекрасно понимал, что без ловкости и смелости секретного агента он не одержал бы тех блестящих побед, которыми была отмечена кампания 1805 года. Ульма и Аустерлиц были в такой же степени триумфом негласной деятельности «императорского шпиона» Карла Шульмейстера, одного из важнейших советников генерального штаба Австрии и шефа австрийской службы информации. По существу, этот умный, хитрый и коварный человек, у которого, как говорили люди из его окружения, «не было ни отечества, ни чести», открыл новую страницу в истории шпионажа и разведки, узаконив предательство и торговлю государственными интересами. Жозеф Фуше, министр полиции Франции, пишет в своих «Мемуарах»: «Лошади, которые везли золото французского банка к будущим полям сражений в Австрии для оплаты секретных агентов, имели большее значение, чем стремительная и отважная конница Мюрата». Что ж, Фуше, полицейский «гений», состоявший на службе у императора Франции, видимо, знал, что говорит…

Первая мировая война практически ничего не привнесла нового в историю мирового шпионажа. Руководитель военной разведки Германии в период с 1914 по 1918 год полковник Николаи писал в своих воспоминаниях: «Когда началась война, руководящее ядро разведки было переведено на фронт. Из немногих военных, обученных специфике шпионского ремесла, основная часть была распределена между командирами армий в качестве офицеров разведывательной службы. По общему представлению, секретная служба, шпионаж должны были найти себе применение главным образом на театрах войны. Но ввиду быстрого продвижения на Запад, где мы в первую очередь искали военного решения, в армейском командовании господствовал сильный скептицизм насчет возможностей и пользы шпионажа… Это глубокое заблуждение должно было исправить будущее…»

Что же, полковник как в воду смотрел. Новую страницу в древнейшем ремесле открыл гитлеровский шпионаж, который имел специфические особенности. Созданием «пятых колонн» в тех странах, которые третий рейх намечал в качестве своих жертв, фашизм закончил подготовительную шпионско-диверсионную работу. Гитлер создал систему «тотального шпионажа», даже попытался сделать шпионами всех немцев, проживающих за границей. Шпионская сеть разрослась до гигантских размеров. Подкуп, угрозы, месть стали основными средствами работы

гитлеровской агентуры. Саботаж и диверсии — их главным оружием. Гитлеровские специалисты шпионажа широко вербовали свою агентуру из предателей в разных странах. Именно фашизм породил Квислингов, пэтэнов, лавалей, в наиболее критический момент предававших свою родину.

Самая мерзкая и преступная измена — измена своему народу. Измена народу омрачала, пожалуй, все этапы человеческой истории. Мы на своей земле тоже видели изменников и предателей, особенно в годы войны. Одни умышленно оставались в тылу врага и работали на гитлеровцев, превращаясь в угодливых полицаев. Другие переходили к немцам, оказавшись в плену или сбежав из своих частей, кто из-за животного страха, а кто в надежде подзаработать на предательстве. И напрасно иные горе-историки пытаются по сей день доказать, что, мол, «власовцы — это свободная политическая организация». Перейдя на сторону врага, генерал-предатель Власов и его сподвижники стали орудием в руках Гитлера, Гиммлера и Геббельса, орудием в руках нацистов.

Но фашистский «тотальный шпионаж» породил и свой мощный антипод. Новой страницей истории мирового шпионажа стали разведчики-интернационалисты…

Когда Конон Молодый окончил Московский институт внешней торговли и таинственно исчез с московских горизонтов, ему довелось общаться с некоторыми из них…

«МНЕ ПОВЕЗЛО ДВАЖДЫ». *Леонид Колосов*

Ни Трофим, ни я до сих пор не знаем, как Конон Молодый попал в «нелегалку» и как его готовили к этой самой сложной и опасной в разведке работе. Ни сыну, ни мне он об этом не рассказывал, в лучшем случае отшучивался. Не узнаем мы этого и сейчас. Однако совершенно ясно, что существует много способов подготовки нелегалов, непременным условием которой является полная изоляция человека от родственников и друзей, обязательное совершенствование языка, на котором он будет потом разговаривать в другом обличье и в другой стране.

Мне, например, в самый критический момент жизни, когда на Запад сбежал предатель Олег Лялин, с которым мы учились вместе в 101-й разведшколе, тоже предложили нелегальный вариант выезда за рубеж, ибо нормальная загранкомандировка под «крышей» журналиста была наглухо закрыта. Правда, потом выяснилось, что Лялин меня не заложил. Но тогда его предательство не вызывало сомнений и «органы» законсервировали все мои официальные зарубежные вояжи под предлогом, естественно, моей персональной безопасности.

Я же описываю этот случай, чтобы дать представление читателю хотя бы об одном из вариантов подготовки к «нелегалке».

После бегства Лялина в Комитете госбезопасности СССР сложилась критическая ситуация. По указанию Политбюро диверсионный отдел «В», в штатах которого находился предатель, был упразднен, а его сотрудники были отозваны из зарубежных резидентур. В это же время британская контрразведка МИ-5 убедила правительство Хита отдать распоряжение о массовой высылке сидевших под разными «крышами» советских разведчиков. Девяносто сотрудников КГБ и ГРУ в Лондоне были выдворены из страны. Еще пятнадцать человек, находившихся в отпуске в Советском Союзе, получили уведомление, что обратный выезд в страну им запрещен. Таким образом, общее количество высланных составило сто пять человек, включая и «чистых» дипломатов. Попал в эту «лялинскую сотню» и я. Вернее, попал теоретически, что и было использовано моими дорогими недругами, чтобы сделать меня невыездным.

Наступил период застоя, особенно тяжкий для журналиста-международника, получившего запрет на выезд за рубеж. Навалилась апатия, которая, как правило, приходит рука об руку

с «зеленым змием». В конце концов жена, подарившая двух дочерей, намекнула, что мне лучше уйти из семьи. Я ушел, оставив все.

Рассказали мне однажды красивую легенду. Мол, создал Господь еще до Адама и Евы некое двуполое существо о двух головах, четырех руках и четырех ногах. Не понравилось Создателю сие произведение, взял он меч, да и разрубил его пополам. Вот с тех пор якобы летают в космосе разъединенные половинки. И счастье тем, которые соединяются на земле… Наталия пришла ко мне в 1975 году в самую тяжелую минуту, когда все в моей карьере полетело к чертовой матери. Ее беззаветная и бескорыстная любовь, может быть, не дала мне сделать последнего шага…

А вскоре последовало одно престранное предложение. Меня вызвали в кадры. Разговаривал я с глазу на глаз с очень симпатичным человеком в небольшом кабинете на Лубянке. Беседа была недолгой.

— Леонид Сергеевич, мы знаем о вашем бедственном положении и очень вам сочувствуем. Но погорели не только вы. У нас есть одна идея, которая может показаться странной. Подумайте над ней… Мы предлагаем вам поехать на нелегальную работу в одну из латиноамериканских стран под «крышей» итальянского коммерсанта. Язык вы знаете прекрасно, торговлей занимались, лицом смахиваете на настоящего мафиозо, а «ксиву» мы сделаем сверхнадежную. Так что десять — пятнадцать лет вам гарантировано. А потом можно и на пенсию, цветы разводить где-нибудь на подмосковной даче…

— А как это будет выглядеть конкретно?

— Конкретно? Очень просто. Мы подберем похожий на вас труп, изуродованный в автомобильной катастрофе, чтобы бывшая жена, дочери, родственники и друзья не сомневались бы в вашей смерти. Ну и похороним с почестями. Затем год уединенного пребывания на одной из наших конспиративных баз, где вы будете общаться только с итальянцами и осваивать некоторые дисциплины для нелегальной работы. А затем в путь-дорогу…

— Ну а как же…

— Как с Наталией Сергеевной? Она вполне подходящая кандидатура. Работает в ЦК ВЛКСМ, член партии, общественница, в порочащих связях не замечена… Может ехать даже в качестве жены… Но будет вашей радисткой. Это — обязательное условие.

Мой симпатичный собеседник улыбнулся. Да, все знало КГБ обо мне и моем ближайшем окружении.

— Мне надо поговорить с Наташей и немного подумать…

— Конечно, конечно. Запишите мой телефон на всякий

случай. Договоримся о встрече, если надумаете. У нас к вам не будет никаких претензий в любом случае…

Наташа долго плакала после нашего с ней разговора. «Никуда я не поеду, тем более с «трупом». Я люблю свою землю, своих родителей и тебя, дурака… Не надо мне никаких заграниц, денег и заморского благополучия. Я хочу, чтобы ты был со мной здесь и такой, какой есть. Проживем как-нибудь…»

Через неделю я позвонил своему лубянскому знакомцу. Мы встретились.

— Вы знаете, неожиданно появилось одно весьма важное обстоятельство.

— Какое, если не секрет?

— Не секрет. Наташа беременна. На первом месяце…

— О, поздравляю! Тогда отложим наш разговор на некоторое время.

Я соврал, хотя и не совсем. Машка родилась с некоторым запозданием в июне 1977 года…

Вот так обстояло дело со мной. У Конона все было несколько иначе. Девушка, с которой он серьезно дружил в институте, не стала его женой. Другая девушка-студентка, Надя Сосенкова, дочь генерала, на которую положил глаз мой друг, была и моей пассией. Мы вместе играли в студенческом театре нашего элитарного учебного заведения и в любовных сценах даже целовались по-настоящему. Однажды меня пригласили на обед в генеральскую семью. Но я, видимо, чем-то не понравился родителям Нади, и наша взаимная страсть быстро увяла, тем более что в драмкружке начали ставить новую пьесу и на горизонте замаячила не менее симпатичная героиня. Конону тоже не очень повезло с Надей. Отец-генерал предпочел студенту-фронтовику свеженького выпускника какой-то военной академии в звании старшего лейтенанта…

А Конон женился в 1955 году, уже будучи разведчиком, находясь в нелегальном отпуске в Москве. Супругой его стала Галина Петровна Панфилова, преподавательница школы для детей-инвалидов, существовавшей при ортопедическом институте, в котором работала мать Конона Евдокия Константиновна. Она хорошо знала Галю и очень симпатизировала ей. Видимо, мама и сказала последнее слово. Галя уже побывала замужем и от первого брака у нее была дочь. Сыграли быстро свадьбу, и молодая жена осталась куковать со штампом в паспорте, ибо ее новоиспеченный супруг «срочно уехал на работу в Китай». Евдокия Константиновна воспользовалась той же легендой, которой накормила и меня в свое время после окончания института. Правду о своем сыне

знала только она одна.

На самом-то деле Молодый отправился на «работу» совсем в другую страну…

О том, как она, эта работа, проходила, Конон написал в своих записках. Итак, слово самому разведчику.

Конон Молодый

«После окончания моей подготовки как разведчика-нелегала стал решаться вопрос, куда и к кому меня послать. И первое же предложение руководства Внешней разведки — отправиться к Рудольфу Ивановичу Абелю, нашему резиденту в Соединенных Штатах, да еще заместителем было для меня очень лестным. Во-первых, главная страна империалистического лагеря, во-вторых, сразу высокая должность. Конечно, работа на передовой линии невидимого фронта требует от человека, помимо отличного здоровья, еще больших, серьезных и глубоких знаний. Прежде всего, необходимо в совершенстве знать, по крайней мере, язык той страны, гражданином которой должен на несколько лет стать разведчик. Но мало владеть чужим языком как своим родным. Надо еще знать, хотя бы в объеме учебных программ, литературу этой страны, книжки, которые читают школьники, кинофильмы, которыми они увлекаются, их кумиров — путешественников, исследователей, спортсменов, киноактеров… Необходимо также научиться со временем думать на чужом языке, чтобы в случае внезапного пробуждения среди чужих людей или какого-либо потрясения не раздалась бы твоя родная, в том числе и матерная, речь, от которой истинно русскому человеку очень нелегко отвыкать. Уже одна эта задача требует от разведчика высшего самоконтроля, умения владеть собой в самых разнообразных условиях. Надобно быстро и точно улавливать все обстоятельства, быстро их анализировать, принимать правильные решения, уметь безотлагательно и четко проводить задуманное в жизнь. И еще требуется быть решительным, но не безрассудным, спокойным, но не медлительным, быстрым, но не суетливым, находчивым, но не очень авантюрным. Посему пришлось забыть обо всем, кроме изучения специальных дисциплин. Надо было вжиться в свою «легенду», то бишь новую, синтетически составленную историю жизни. Для этого мало знать назубок свою новую биографию, надо научиться играть роль другого человека, жить его жизнью, поступать так, как поступил бы этот персонаж, высказывать его мнение по различным вопросам. Естественно, что легенда не может предусмотреть абсолютно все мелочи и могущие возникнуть вопросы. Поэтому разведчику приходится нередко импровизировать. Но соврав единажды, надо твердо и долго

помнить, как и что ты сказал. Проверка — серьезная и неожиданная — может наступить в любую минуту. Человек, путающий детали своей биографии, в лучшем случае прослывет рассеянным, лгуном или, что еще хуже, вызовет подозрения знакомых. С другой стороны, подобное невнимание к мелочам может привести к самым тяжелым последствиям. Поэтому разведчику необходимо упорно тренировать память и логическое мышление. Подготовка моя шла интенсивно и была закончена в самые сжатые сроки. Вскоре я отправился в спецкомандировку.

…Стоя с небольшим чемоданчиком в руке перед огромным зеркалом на вокзале во Франкфурте-на-Майне, я придирчиво рассматривал себя. За спиной двигалась плотная, в меру говорливая толпа немцев. Ни одеждой, ни прической, практически ничем не выделялся я из этой чинной толпы. Во всяком случае, так мне тогда показалось…

В кармане лежали идеально подделанные в Москве документы. Все было вроде бы просто. Среди пятидесятимиллионного населения ФРГ появился еще один гражданин. Доехав на такси до Кайзер-штрассе и затерявшись в толпе, я двинулся в нужном направлении. Никогда до этого не был во Франкфурте, но неплохо изучил план города и оттого свободно шагал по улицам к дому, в котором жил нужный мне человек. Мы называли его «Рольф». Во время войны он работал в германском абвере, то есть в военной разведке. Абель в свое время привлек его к сотрудничеству, и Рольф показал себя одним из наиболее ценных его агентов.

Дойдя до дома, я позвонил. Дверь открыла женщина средних лет, без сомнения, жена Рольфа, ибо я узнал ее по описанию, имевшемуся в Центре. Рольф оказался дома. Оставшись одни, мы обменялись паролями: «Я приехал из Кельна. Один наш общий знакомый просил зайти к вам за книгой…» Проведя меня в кабинет, Рольф достал из шкафа и передал мне названную книгу. В ней я нашел среди страниц открытку с видом Рейна. Сомнений не было — запланированная встреча состоялась. Как было условлено, Рольф предложил остановиться на первое время у него. А через три недели я поселился в гостинице. Рольф помог установить контакты с влиятельными людьми, которые могли бы содействовать в получении разрешения на выезд в США. В те послевоенные годы раздобыть подобное разрешение было нелегко, но друзья Рольфа оказали мне протекцию. Они же порекомендовали «положить на лапу» одному американскому чиновнику солидную сумму долларов. После чего виза на въезд в США была получена без проволочек.

Добиваясь разрешения на въезд, я в то же время выполнил

несколько заданий Центра во Франкфурте-на-Майне и в других городах ФРГ и затем совершил краткую поездку по Европе. На этот раз у меня не было там каких-либо конкретных мероприятий, просто предстояло ознакомиться с обстановкой в ряде стран. Подобные знания всегда могут пригодиться разведчику. Заодно мог немного отдохнуть, прежде чем приступить к работе в США.

Путешествуя по Европе, я стремился побольше общаться с людьми для выяснения их взглядов на жизнь, привычек, убеждений, иными словами, того, что могло помочь в дальнейшей работе. Во всяком случае, через некоторое время я почувствовал, что усвоил все, что можно почерпнуть за короткое время. Наступила пора выезжать к моему резиденту Абелю…

Отплыл я в Нью-Йорк на одном из крупнейших океанских лайнеров того времени. Рейс проходил спокойно, хотя иногда лайнер сильно качало, и в такие дни огромная столовая почти пустовала. Я внимательно наблюдал за поведением американских попутчиков, за их манерами и привычками, подолгу беседовал с ними. Как правило, американцы весьма общительны (даже слишком общительны, по мнению англичан), и завязывать с ними знакомства легко…

Когда силуэт Нью-Йорка показывается на горизонте, город производит весьма захватывающее впечатление. Спустившись с пароходного трапа, я довольно быстро прошел иммиграционный контроль и таможню, так как у меня был всего один чемодан. Еще в Европе с помощью путеводителя по Нью-Йорку выбрал гостиницу средней руки, расположенную в центре города. Это было совсем недалеко от доков, но, поскольку у меня был чемодан, я решил взять такси. По дороге в гостиницу я с любопытством всматривался в улицы города, в котором мне предстояло провести несколько лет. К тому же такси двигалось не намного быстрее пешеходов, и можно было внимательно разглядывать людей, витрины магазинов, рекламы…

Еще на пароходе я подумал, что надо побыстрее приобрести одежду американского покроя и расцветки, так как мой западногерманский костюм резко выделялся. Да, нужно было поменять все — от рубашки и галстука до носков и ботинок. Остаток первого дня после необходимых покупок был посвящен изучению центра Нью-Йорка. Второй день тоже ушел на осмотр города и знакомство с метро, надземной железной дорогой (ныне ее уже нет) и другими видами транспорта. Кроме того, я тщательно осмотрел место предстоящей встречи с Абелем, которая была назначена Центром. Утром следующего дня я, как обычно, позавтракал в аптеке. Почему подобные заведения

называются аптеками, объяснить не могу. Это скорее миниатюрный универсальный магазин с кафетерием, в котором где-то в углу имеется небольшой прилавок с готовыми, или, как их называют в Америке, патентованными, лекарствами.

После завтрака продолжил осмотр города уже для того, чтобы убедиться, что за мной нет «хвоста». Незадолго до назначенного времени не торопясь шел по Центральному парку. Неподалеку от известной статуи на скамейке сидела какая-то старушка. На той же скамейке я издалека заметил Абеля. Мы не виделись несколько лет, но он почти не изменился, был такой же худощавый и подтянутый, как прежде.

Мы ничем не показали, что узнали друг друга. Когда я приблизился к скамейке, он равнодушно скользнул по мне взглядом. Я сел на скамейку и через минуту обратился к старушке:

— Повезло нам сегодня с погодой…

— Да, редко выпадает такой денек в декабре. Вот только собачка моя болеет и пришлось оставить ее дома, — доверительно сообщила старушка. Вспомнив о собаке, она вдруг спохватилась, поднялась со скамейки, попрощалась и засеменила по аллее.

— Ты прав, — тотчас же отозвался Рудольф Иванович по-английски, — погода сегодня приятная…

Так началась беседа двух людей, отныне связанных общим делом. Я знал, какую опасную работу ведет Абель уже несколько лет. Мне было известно, что дела идут успешно. Иначе ему не понадобился бы помощник.

Улыбнувшись, Абель спросил:

— Как доехал?

— Без происшествий.

Говорил мой будущий шеф четко, сжато и ясно, тихим голосом.

— Будешь моим помощником. На тебе будет лежать ответственность за радиосвязь и работу курьеров. Когда освоишься и наладишь работу на своем участке, станешь выполнять дополнительные задания.

Далее Абель пояснил, что личные встречи будем проводить как можно реже, и дал устное описание тайника и места постановки сигналов. Внешне Рудольф Иванович производил впечатление медлительного человека, склонного к аналитическому мышлению. Однако в экстремальных обстоятельствах действовал решительно. Наш общий друг как-то рассказывал мне, что однажды в Нью-Йорке в плохо освещенном переулке состоялась его конспиративная встреча с Абелем. При

Абеле были важные секретные документы и большая сумма денег. Они неторопливо шли по переулку и вполголоса обсуждали что-то, когда неожиданно из темного подъезда дома показался бандит с пистолетом в руке и обычным в таких случаях приветствием: «Руки вверх!» Желая освободить карманы своих жертв от содержимого, бандит вплотную придвинулся к разведчикам. Пока молодой коллега только думал о том, какой прием следует применить в данном случае, бандит уже корчился от боли на мостовой, а пистолет оказался в руках у Рудольфа Ивановича. Вынув из пистолета обойму, разведчик бросил его в водосточный колодец.

— В следующий раз, приятель, будь поосторожнее, — невозмутимо заметил он налетчику и спокойно продолжил свой путь…

Не буду детально описывать всю свою разведывательную работу в Штатах. Она не отличалась большим разнообразием. Самое интересное заключается в том, что ФБР до сих пор не удалось установить, по каким документам я там жил, где и чем занимался. А на первое время я обосновался в центре Нью-Йорка, в гостинице особого типа, где можно снять номер не менее чем на месяц. Такие гостиницы называют «жилыми отелями», пользуются ими лишь холостяки и незамужние женщины. Подобные заведения обладают как плюсами, так и минусами. Селятся там безо всяких формальностей, съехать можно быстро и без предварительного предупреждения. К тому же нет необходимости покупать мебель, посуду, прочую утварь. К отрицательным сторонам такого отеля следует отнести прежде всего избыток персонала, среди которого есть немало любопытных.

Примерно через год мне удалось подыскать подходящую однокомнатную квартиру в одном из пригородов Нью-Йорка. Уходил я по своим делам рано утром, возвращался, как правило, поздно вечером. С соседями старался не знакомиться. Квартира хорошо отапливалась, и я обычно приоткрывал на ночь окно. Оно было стандартное, вагонного типа — вверх поднималась вся нижняя рама. Как-то утром, закрывая окно, по давно укоренившейся привычке бегло, но внимательно осмотрел улицу. Взошедшее солнце ярко освещало дома на противоположной стороне. Все было спокойно, и я уже собирался уходить, когда заметил в одном из окон дома напротив мужчину, который внимательно разглядывал меня в бинокль. Он стоял за кисейной занавеской, но был отчетливо виден в лучах солнца.

Все утро до выхода из дома я мучительно старался понять, когда совершил ошибку, вызвав появление шпика. Все было загадкой. Но делать поспешные выводы я не торопился. В США

слежка за людьми достигла немалых масштабов. В стране расплодились тысячи частных сыскных агентств. Работы у них по горло. Шпионят все кому не лень. Банки за своими клиентами. Заимодатели — за должниками. Фирмы — за служащими. Монополии — за профсоюзами. Одни предприятия пытаются похитить секреты производства у других. Те принимают ответные меры. Не менее развита слежка и в частной жизни. Супруги нанимают сыщиков, чтобы получить доказательства для развода, любовники устанавливают наблюдение за любовницами и наоборот. Учитывая все это, было почти невозможно догадаться, кто и почему заинтересовался моей особой. ·

Из дома в то ранее утро я вышел в обычное время и поехал по делам, но выполнение некоторых заданий приостановил. Разведчик постоянно проверяется, то есть следит, нет ли за ним наблюдения. Ничего подозрительного на сей раз обнаружить не удалось… Проснувшись на следующее утро, прежде всего стал внимательно наблюдать за окнами дома напротив. Погода выдалась пасмурной, и поэтому через занавеску можно было лишь смутно различить очертания какой-то фигуры. Продолжая наблюдать за противоположным окном, минут через пятнадцать я увидел, что очертания фигуры исчезли, а вскоре из дома вышел мужчина, сел в автомобиль и уехал. Так продолжалось несколько дней. По номеру автомобиля удалось установить личность соседа и выяснить, что он уже давно живет по этому адресу. Поскольку же я появился в этой квартире недавно, напрашивался вывод, что наблюдает незнакомец не за мной, а за кем-то другим.

Через день я вышел на улицу минут за десять до того, когда незнакомец обычно появляется в окне. Тут же в соседней с моей квартире зажегся свет. С улицы мне ничего не было видно, но для незнакомца на втором этаже дома напротив, несомненно, открывался полный обзор. Было ясно — следили за соседней квартирой. Оставалось выяснить, за кем и почему. Вернувшись к себе, не снимая пальто, я ждал дальнейшего развития событий. Через полчаса дверь соседней квартиры хлопнула. Выждав несколько секунд, я быстро спустился по лестнице… Передо мною царственной походкой шла женщина лет тридцати с весьма привлекательной фигурой.

Что же, конечно, вздохнул я тогда с облегчением и посмеялся над еще одной житейской проблемой. Таинственным незнакомцем оказался «подглядывающий Том». Так в США называют любителей пялиться в чужие окна. Слава Богу, в тот раз все обошлось благополучно, хотя понервничал я сильно.

Впрочем, нервничать приходилось все время. Это неизбежно в профессии разведчика. Хотя со временем привыкаешь… После

встречи с Абелем я ежедневно проверял место постановки сигнала. Пришло время, и сигнал появился. Обыкновенный крест мелом, какие любят рисовать дети. Это означало, что мне следовало вечером посетить тайник, описание которого раньше дал мне резидент. Это было небольшое вентиляционное отверстие в стене давно закрытого магазина в переулке вблизи Бруклинского моста. После наступления темноты, тщательно проверившись, я Изъял из тайника небольшой сверток. Когда принес его к себе на квартиру и открыл, обнаружилось, что там лежат деньги и блоки прекрасного коротковолнового передатчика. Очень этому обрадовался, ибо отныне у меня появилась возможность наладить надежную двустороннюю радиосвязь с Центром. За сравнительно короткий срок удалось улучшить и курьерскую связь с Центром, а также внутри нашей группы. К хорошо известным средствам связи вроде радио, курьеров, почты и тайников удалось добавить, с согласия Абеля, ряд новых приемов, которые оказались достаточно эффективными. Это было вызвано тем, что расширился объем информационной работы в связи с обострением «холодной войны»…

К концу лета закончился наиболее сложный этап моей деятельности — проникновение в страну назначения и оседание в ней. Другими словами, я сумел поселиться именно там, куда направил Центр. Я превратился в рядового коммивояжера, каких в США очень много и которые не вызывают особого интереса. Коммивояжеры, или «странствующие продавцы», реализуют товары одной или нескольких фирм на комиссионных началах, то есть получают определенный процент от вырученной суммы. Фирме, по сути дела, все равно, много или мало он продаст, ибо ему не платят жалованье. С другой стороны, никому не может быть известно, сколько он фактически зарабатывает, в особенности если представляет не одну, а несколько фирм. Прикрытие коммивояжера позволяло мне свободно располагать своим временем и, когда обстоятельства того требовали, уезжать на несколько дней. Все это способствовало более или менее успешному ведению разведывательной работы.

В течение первого, наиболее напряженного периода, когда на счету была буквально каждая минута, я почти не ощущал разлуки с семьей и тоски по дому. Однако когда связь с Центром была налажена и я почувствовал, что прочно осел в США, мои мысли все чаще стали возвращаться к семье, друзьям и привычному образу жизни. Честно говоря, стало грустно и очень захотелось вернуться домой. Естественно, у нас была повседневная связь с Центром, изредка приходили письма от жены, но это было

слабым утешением и никак не уменьшало желания поскорее вернуться в Москву. Вспоминая друзей, я невольно завидовал им и думал: «Вот счастливчики! Живут себе дома со своими родными, занимаются любимым делом, что-то создают, оставляя о себе какую-то память, служат примером детям…»

Полагаю, что подобные мысли возникают у каждого разведчика. Жаль, что далеко не все понимают, что разведка — это не только романтика, захватывающие приключения и возможность посмотреть чуть ли не весь мир за государственный счет, сколько трудная повседневная работа, зачастую не дающая тех результатов, на которые рассчитывал. И хроническая тоска по дому…

Недаром говорят — на людях и смерть красна. В каком бы трудном или опасном положении ни оказался солдат на фронте, он всегда чувствует поддержку однополчан, чувство локтя никогда не покидает его, прибавляет сил и мужества. Разведчик же чаще всего действует в одиночку, не может ежедневно запрашивать указания Центра и вынужден сам принимать решения, которые не всегда имеют желаемые последствия Нелегко и оттого, что от правильности твоих действий и решений зависит жизнь боевых соратников. Конечно, разведчик уверен, что о нем в принципе заботятся, и все же он физически ощущает изоляцию, ему не хватает своих друзей и даже недругов. Но своих. Привыкнуть к этому трудно…

Сказанное отнюдь не означает, будто я сожалею о том, что стал разведчиком. Несмотря на все трудности, длительный срок пребывания на чужбине и годы тюремного заключения, без малейшего колебания могу заявить, что никогда не хотел свернуть с выбранного пути, и будь у меня возможность прожить заново, пошел бы той же дорогой и постарался добиться большего… Могу смело утверждать, что для меня не существует другой профессии, которая могла бы дать столь огромное моральное удовлетворение…

Будучи помощником Абеля, ответственным за связь, большую часть времени я проводил в Нью-Йорке. Но приходилось иногда выезжать по делам в Вашингтон и другие, относительно близко расположенные города. Как правило, это были краткие поездки. Впрочем, не всегда. Однажды летом — помню, тогда в Нью-Йорке стояла невыносимая жара — шеф вызвал меня на срочную встречу и приказал отправиться в Лос-Анджелес, чтобы разыскать бывшего сотрудника гитлеровской службы безопасности СД. Зачем понадобился Центру этот бывший эсэсовец и нацистский разведчик, я не знал. После войны он переехал в США, женился на американке. Мне сообщили его новые имя и фамилию, дали

описание внешности и последний известный адрес. Казалось бы, чего проще. Однако адрес был двухлетней давности. Естественно поэтому было предположить, что я могу не застать «своего» немца на старом месте.

Я решил лететь в Лос-Анджелес, а вернуться, если позволит время, в автобусе дальнего следования, чтобы посмотреть страну. Билет взял на ночной самолет, ибо могу спать в любых условиях. Когда проснулся, самолет шел на посадку. В городе снял номер в одном из расположенных поблизости от аэровокзала отелей. Принял душ, побрился, позавтракал в аптеке и приступил к выполнению задания. Начал с того, что купил план города, в котором никогда раньше не бывал. В будке ближайшего телефона-автомата ознакомился с адресной книгой. Такие книги в США переиздаются ежегодно. Однако нужной фамилии в телефонной книге не оказалось, Любителям детективов известно, что существует немало способов отыскать нужное лицо. Такие поиски в романах нередко сопровождаются самыми невероятными приключениями, мордобоем и непременными перестрелками. В жизни это делается гораздо будничней. У меня нет принципиальных возражений против приключений, сам иногда читаю иноземные детективы и удивляюсь фантазиям авторов… Но я в данном, конкретном случае все сделал проще. Взял такси и доехал до здания местной телефонной компании. Эти учреждения имеют похвальное обыкновение хранить старые издания своих телефонных книг. По дороге у меня сама собой родилась нужная легенда: разыскиваю, мол, старого друга, с которым не виделись много лет. Имя, которое решил назвать, почти совпадало с тем, которое было необходимо. Я изменил в нем всего две буквы. В качестве прежнего адреса назвал первую вспомнившуюся улицу. Но легенда так и не понадобилась. В служебной библиотеке телефонной компании очень занятая дама в ответ на мой вопрос махнула рукой в сторону книжных полок и снова принялась стучать на пишущей машинке. Она даже ни разу не взглянула в мою сторону, и я мог спокойно изучать телефонные книги. Сразу же удалось убедиться в том, что немец действительно жил по данному адресу, и не более как полтора года назад. Взглянув на план города, я увидел, что от нужной улицы меня отделяют около двадцати километров. На сей раз решил взять напрокат «шевроле», оказавшийся довольно изношенным.

По дороге глазел на вывески, подыскивая какое-нибудь кафе, чтобы перекусить. В отличие от космонавтов, у разведчиков, выполняющих задание, нет дублеров, готовых заменить их в последнюю минуту. Поэтому я всегда соблюдал строгий режим

питания и сна. Вместе с тем, обладая отменным здоровьем, мог длительное время обходиться без сна и горячей пищи, не теряя при этом работоспособности. Но это так, в порядке саморекламы.

Вывеска на обочине автомагистрали своевременно известила, что впереди так называемой «драйв ин барбикью» — американская шашлычная, в которой можно закусить, не выходя из автомобиля. Поставив свой «шевроле» в одно из свободных «гнезд», я протянул руку из окна и, сняв трубку телефона, установленного на специальной стойке, заказал фирменное блюдо. Как правило, подобные блюда — лучшее из того, что быстро подают в таких заведениях. И действительно, через несколько минут у машины появилась прехорошенькая девушка в странной форме, абсурдно сочетавшей мундир опереточного типа с коротенькими трусиками. Видимо, помцмо шашлыка она могла оказать и другие услуги. Но я ограничился только шашлыком, несмотря на грешные мысли, которые, не скрою, все же появились…

Через полчаса, поставив машину в квартале от искомого дома, пешком проделал оставшийся путь. Поднявшись по ступенькам на небольшую веранду, я позвонил, решив использовать весьма несложный ход — сказать, что немец, который жил где-то в этом районе, мой старый знакомый по Германии. И вот, мол, приехав в Лос-Анджелес по делам, решил его навестить.

Я позвонил, и женщина лет тридцати с ребенком на руках открыла дверь. Позади нее виднелся включенный пылесос. В соседней комнате ревел телевизор. Хозяйка была явно рада поводу оторваться от скучных домашних дел и поболтать. Да, она знает этого господина. Он жил в соседнем доме и уехал куда-то более года назад. Куда уехал? Кажется, в Чикаго, хотя она не помнит точно. А соседка? Недавно вышла из дома с продуктовой сумкой, значит, скоро вернется. Я, искренне поблагодарив, отклонил приглашение выпить чашку кофе… Повторный визит в коттедж оказался успешным. Вторая соседка моего «приятеля» приняла меня любезно и старалась всячески помочь. Она подтвердила, что он переехал в район Чикаго. Первое время она переправляла его почту брату жены в город Джолиет, который также находится в штате Иллинойс. Она, кажется, потеряла этот адрес… Увидев мое огорчение, женщина принялась усердно рыться в ящиках письменного стола и, наконец, торжественно извлекла листок с новым адресом самого немца и брата его жены. Я от души поблагодарил гостеприимную хозяйку.

В Чикаго я вылетел поздно ночью. С первыми солнечными лучами самолет приземлился на аэродроме О’Хэйр. Вскоре такси

доставило меня в недорогую гостиницу в центре города. Позавтракав, как всегда, в аптеке, решил отдохнуть. Поставил свои наручные часы-будильник на 11 утра и сразу же заснул. Я часто вспоминаю эти часы. К сожалению, при моем аресте они приглянулись одному из сотрудников лондонского Скотленд-Ярда…

В полдень я уже находился в будке телефона-автомата. Дозвонился быстро. Ответила дама, оказавшаяся женой немца. Представившись старым другом ее мужа, я сказал, что недавно приехал из Германии. Ответ был быстрым… и почти нецензурным. Суть его сводилась к тому, что дама, с которой я беседую, уже не жена немца. Она ужасно сожалеет, что когда-то была его супругой, ненавидит немцев вообще и очень хочет, чтобы все они убрались куда-нибудь подальше… Последнее замечание явно относилось и ко мне. Прежде чем я успел снова раскрыть рот, чтобы попросить у нее адрес бывшего мужа, дама, обругав меня напоследок, бросила трубку… Теперь понадобился новый предлог для визита к этой сварливой бабе. Решил посетить ее дня через два-три под видом представителя фирмы, торгующей в кредит. Придумал, будто муж приобрел в кредит дорогие золотые дамские часики и дал фирме этот адрес. Не скажет, мол, уважаемая мисс, как можно получить долг, не оплаченный ее бывшим мужем?

Я не сомневался, что эта выдумка приведет экс-супругу «моего» немца в бешенство и она поможет мне разыскать беглеца. Но для осуществления плана требовалось пробыть несколько дней в Чикаго. Нужно было сделать перерыв после телефонного звонка. К тому же где-то неподалеку жил ее брат, адрес и телефон которого я получил в Лос-Анджелесе. Отыскав небольшой бар с длинным рядом телефонов-автоматов, набрал нужный номер. На другом конце провода ответил детский голосок: «Где папа? На работе. Папин телефон? Пожалуйста. А мама ушла в магазин». Малыш любезно сообщил номер служебного телефона отца.

После обеда я вступил в телефонные переговоры с братом бывшей жены немца. Когда представился старым другом шурина, воцарилась пауза. Наконец, голос на противоположном конце провода произнес:

— Так вы, стало быть, старый друг Клауса?

— Разумеется. И он мне очень нужен.

— Хм… Так что же вам нужно?

— Что? Поговорить с Клаусом или, на худой конец, получить его телефон.

— Ваш друг Клаус — это грязная свинья! — завизжал вдруг шурин. — В прошлом году его уже разыскивал кто-то из бывших

коллег. Видимо, разыскал. Ибо он, не сказав ни слова жене, исчез. Словно сквозь землю провалился. И лишь спустя четыре месяца она получила письмо. Клаус, видите ли, в Аргентине и не собирается оттуда уезжать. Свинья, грязная немецкая свинья!

— В самом деле?! Какой ужас! Я никак не мог ожидать такого поступка от моего друга. Может быть, вы дадите его новый адрес?

— Адрес? Буэнос-Айрес, Центральный почтамт. До востребования… — И брат бывшей жены «моего» немца бросил трубку.

Итак, поиски не дали окончательного результата. Правда, переезд Клауса в Аргентину кое о чем говорил. То, что я не ведал, зачем разыскивался Клаус, и не узнал, удалось ли его найти в Аргентине, — явление вполне обычное в работе разведчика. Чем меньше знаешь, тем дольше живешь. Это я усвоил давно. Через несколько дней я доложил результаты моих розысков Абелю, и мой отчет был передан в Центр. Наша часть операции была закончена.

Время летело быстро. Я освоился со своими обязанностями, и жизнь моя вошла в строго размеренное русло: прием радиограмм Центра, регулярные передачи наших радиограмм, получение и отправка «почты» конспиративными путями, а также изредка краткосрочные поездки в различные районы Америки и некоторые страны Западного полушария для выполнения всевозможных заданий. С каждым днем росло желание поскорее вернуться домой. Подустал, в общем…

Летом 1954 года произошло событие, которое коренным образом изменило дальнейший ход моей жизни. Меня неожиданно вызвал на экстренную встречу Абель. Судя по тому, что шеф не сразу заговорил о деле, я почувствовал, что он хочет сообщить нечто важное.

— Как у тебя настроение? — спросил он. — Что пишут из дома?

— Если говорить откровенно, давно уже здесь надоело… С удовольствием побыстрее уехал бы домой. Из Москвы пишут, что живы-здоровы, но опять спрашивают, когда же вернусь…

— И мне здесь изрядно надоело, — кивнул Рудольф Иванович. — А вчера вот получил сообщение из Центра. Принято решение направить тебя на самостоятельную работу в Англию. Скоро пришлют преемника, передашь ему дела и… Конечно, приятнее было бы поехать домой, но… Кстати, на новом месте будет столько забот, что скучать не придется. Так что ничего страшного. Недаром же англичане говорят, что перемена места равноценна отдыху…

Произнеся эту поговорку, шеф предложил сразу же

разработать план моего проникновения в Англию. Центр считал, что наиболее целесообразным было бы появиться там в качестве одного из британских подданных, которые в то время пользовались всеми правами коренных англичан. Обсудив этот вопрос, мы пришли к выводу, что мне следует попытаться получить канадское гражданство. «Канадский вариант» разрабатывался в Москве. Удалось выяснить, что в 1927 году во время наводнения в канадском городе Ванкувере погибли муж с женой и их маленький ребенок. Мальчик, разумеется. Об этом в те далекие времена написали местные газеты, и факт сей был официально зарегистрирован в документах местной мэрии. А почему не предположить, что мальчонку спасли двое бездетных супругов и увезли его в другую страну. Мальчонка рос, а приемные родители, воспитав его, умерли и оставили небольшое наследство, которое позволило юноше начать самостоятельную жизнь под именем Гордона Арнольда Лонсдейла. Легенда сия была подкреплена и соответствующими «достоверными» документами, включая метрику «воскресшего» младенца. Разумеется, были и другие варианты, о которых тоже знал Рудольф Иванович.

А он между тем продолжал знакомить меня с некоторыми важными объектами, которые предстояло изучать в Англии. Особое значение придавалось, например, деятельности секретного объекта по изучению ядерных методов ведения войны в небольшом местечке Портоне. Имелись веские основания предполагать, что в его лабораториях активно разрабатывается несколько новых, чрезвычайно эффективных видов атомного оружия.

Да, забыл сказать, что наша «историческая» встреча проходила в лесистой местности неподалеку от канадской границы. Может быть, и это обстоятельство как-то повлияло на решение ехать в Англию через Канаду. Вопрос о моей будущей «крыше» в Англии мы оставили пока открытым, хотя Абель в принципе и не отверг моей идеи поступить на учебу в Лондонский университет.

Вскоре прибыл мой преемник. Я ознакомил его со своими обязанностями, передал имевшиеся шифры и оперативную технику. Абель тщательно контролировал эту операцию и, наконец, в ноябре 1954 года заявил, что мне пора отправляться в Канаду. К тому времени мы проработали всевозможные детали нашего плана и получили одобрение его в Центре.

Я покинул Америку, вновь отправляясь в незнакомую мне доселе страну, где предстояло начинать работу с нулевого цикла. К тому же на этот раз не было опытного наставника, который

помог бы войти в новую роль. А главное, мне впервые доверялся самостоятельный участок работы. Успех зависел теперь главным образом от меня. Я не мог не чувствовать огромной ответственности за успешное выполнение задания. Было грустно расставаться и с Рудольфом Ивановичем. Ведь он стал для меня не только старшим товарищем, но и в общем-то близким человеком на чужбине. Других ведь не было…

Мы с Абелем договорились о заключительной встрече после операции по получению канадского паспорта. Я уложил свои пожитки в два чемодана и выехал в Ванкувер, который должен был стать по легенде моим «родным» городом. Еще в Нью-Йорке я прочел ряд книг о Канаде, ежедневно получал одну из ванкуверских газет и тщательно изучил план города.

Для своего путешествия я выбрал один из наиболее популярных туристских маршрутов, то есть пароходом из Сиэтла в Ванкувер. До Сиэтла ехал на автобусе дальнего следования. Границу миновал без каких-либо осложнений. Кстати, для этого не требовалось заграничного паспорта, и я безо всяких помех сошел с парохода в Ванкувере. В тот же день снял скромную меблированную комнату за 15 долларов в неделю.

Ванкувер удачно отгорожен от суровых арктических ветров мощным хребтом Скалистых гор. Благодаря теплым морским течениям, климат здесь мягкий и даже зимой температура очень редко опускается ниже нуля. Правда, часты неприятные холодные дожди, однако я воспринимал это как отличную подготовку к лондонской погоде… Я пробыл в Ванкувере до конца года. Все это время потратил на изучение города и его окрестностей. С раннего утра бродил по улицам, старался запомнить расположение крупных учреждений, гостиниц, кинотеатров, магазинов, изучал маршруты городского транспорта, выезжал на городской аэродром, посетил железнодорожный, морской и автобусный вокзалы. Кроме того, ездил на северо-запад Британской Колумбии и даже на Юкон, так ярко описанный Джеком Лондоном. За время пребывания в Ванкувере я получил канадские права на вождение автомобиля. В Канаде, где нет внутренней паспортизации населения, этот документ служит удостоверением личности, что явилось важным шагом на пути получения заграничного паспорта. По почте я затребовал копию метрики на Гордона Арнольда Лонсдейла. Прошла неделя, и я получил небольшой кусочек пластика, который подтверждал, что Гордон Лонсдейл действительно родился 27 августа 1924 года в небольшом шахтерском поселке Кобальт провинции Онтарио.

Закончив знакомство с Ванкувером и западным побережьем Канады, а также выполнив ряд заданий Центра, я выехал поездом

в Торонто, второй по величине город Канады, расположенный на северном берегу озера Онтарио. Через две недели после прибытия в Торонто мне удалось получить в канадском министерстве иностранных дел заграничный паспорт. Таким образом, первая часть задачи была выполнена на четыре месяца раньше срока… Как мы договорились с Абелем, я должен был заехать в Нью-Йорк по пути в Англию примерно в июне 1955 года. А уже в январе паспорт оказался у меня в руках! Никогда не забуду радости и подъема, которые испытывал в тот момент, когда, вернувшись из бюро путешествий, с волнением разглядывал свой канадский паспорт. Это был ключ для решения задания в целом. Возникло желание немедленно выехать в Англию и поскорее приняться за работу. Однако торопиться в нашем деле, вообще-то, не следует. Кстати, Центр одобрил мое предложение использовать учебу в высшем учебном заведении как прикрытие для выполнения заданий. При этом мне было дано указание попытаться поступить на факультет востоковедения и африканистики в Лондонском университете. Этот факультет, по имевшимся данным, субсидировался английским министерством обороны.

Получив паспорт, я тут же написал в Лондонский университет уважительное письмо, в котором попросил принять меня на учебу, указав, что хотел бы изучать китайский язык и историю Китая. Вскоре последовал благоприятный ответ. Сообщалось, что учеба начнется в первую среду октября и мне следует явиться в деканат за несколько дней до этого срока. К ответу прилагались брошюры, программы занятий, сведения о возможности получить место в общежитии, плате за обучение и тому подобное.

А в Торонто оставалось решить некоторые финансовые вопросы. Еще в Ванкувере я положил небольшую сумму в одно из отделений этого банка и по приезде в Торонто перевел свой вклад в местное отделение, добавив несколько сотен долларов. Теперь же попросил перевести часть моего вклада в лондонское отделение этого банка.

Вместо того чтобы выдать необходимые бланки для заполнения, клерк неожиданно спросил:

— Простите, вы собираетесь в Англию?

— Да.

— И надолго?

— По меньшей мере, на год. А что?

— Если позволите, я хотел бы дать вам добрый совет, — сказал клерк. — Было бы весьма полезно вам вступить в Королевскую заморскую лигу.

Я никогда в жизни не слыхал об этой лиге. Правда, приехав в

Канаду, быстро заметил, что слово «королевский» является самым популярным. Например, «королевская почта», «королевская конная полиция», «королевские канадские военно-воздушные силы» и так далее и тому подобное. Даже банк, в котором я находился, именовали «королевским». Однако что-то нужно было отвечать, и я поступил по-одесски, задав собеседнику встречный вопрос:

— А что это мне даст?

— Вы приедете в незнакомый для вас город. В Англии заводить знакомства с полезными людьми значительно труднее, чем в Канаде. Я там бывал несколько раз и убедился, что это так. В Королевской заморской лиге вас примут как родного, помогут найти подходящую квартиру, познакомят с нужными людьми, организуют интересные и недорогие путешествия по стране. Короче говоря, вы сможете обратиться туда за содействием по любому вопросу.

— Собственно, почему вы все это мне говорите? — недоуменно спросил я.

— Дело в том, что я — секретарь местного отделения лиги, — скромно ответил клерк. — Хотел бы обратить ваше внимание и на то, что вступительный взнос здесь — всего пять долларов. А в Англии это будет стоить более 20 долларов.

— Где можно оформить вступление?

— Сегодня у нас среда. Члены лиги встречаются по пятницам сразу после работы. В эту пятницу у нас выступит британский гость и покажет цветные диапозитивы с видами одного из живописных уголков Англии. Потом будут кофе, танцы.

И старый клерк протянул визитную карточку с адресом местного отделения лиги, а также бланками для оформления перевода денег в Лондон. В пятницу в точно назначенный срок я появился в помещении лиги. Оказалось, что помещение принадлежит какой-то другой организации, а лига снимает его за небольшую плату на три часа в неделю. Мой новый знакомый радостно приветствовал меня и представил присутствующим. Я тут же заполнил небольшую анкету, получил членский билет, брошюры о деятельности лиги. И был приятно удивлен, когда узнал, что патронессой лиги является королева Елизавета II. Сомнений быть не могло. Действительно, благодаря удачному стечению обстоятельств я стал членом весьма солидной и наверняка полезной для меня организации.

Первый вечер с членами лиги прошел удачно. Лекция была достаточно интересной. Думается, я слушал ее внимательнее всех, ибо стремился побольше узнать о стране, где предстояло работать. Оказалось, что многие из членов местного отделения

собирались в недалеком будущем посетить Англию. Это было нечто вроде землячества состоятельных и патриотически настроенных подданных британской короны, проживающих за пределами метрополии. Перед окончанием собрания я получил, разумеется за дополнительную плату, значок и галстук лиги…

Закончив приготовления для перебазирования в Англию, я купил билет на пароход и отправился в Нью-Йорк. В день отъезда послал Абелю почтовую открытку с видом канадского парламента. Это означало, что мы должны встретиться в обусловленном месте через четыре дня после даты на открытке.

Мы встретились точно в назначенное время. Я давно привык к четкости в работе моего шефа и его умению ничему не удивляться. Так и теперь он не обнаружил никакого удивления по поводу того, что удалось так быстро получить канадский паспорт. Впрочем, чувствовалось, что он внутренне остался очень доволен моей работой. Я же не скрывал радости, надеясь, что и на другой стороне Атлантического океана удача не оставит меня.

…С Рудольфом Ивановичем пришлось встретиться несколько раз, чтобы я смог четко запомнить условия связи с различными лицами в Европе. Все многочисленные подробности он, по своему обыкновению, помнил наизусть. Я, естественно, тоже ничего не записывал и лишь повторял про себя наиболее важные моменты, укладывая их в извилины своей черепной коробки…

На прощание мы обнялись. Да, мне повезло с шефом. Я многому научился у него. И мне повезло дважды. Я вовремя с ним расстался. Это тоже его заслуга, ибо он посоветовал Центру направить меня на самостоятельную работу в Англию. Не случись этого, его провал и арест в 1957 году американской контрразведкой стал бы и моим провалом. И тогда бы не было Гордона Лонсдейла, который сделал кое-что для своей Отчизны, работая в Великобритании…»

ОШИБКА РЕЗИДЕНТА.
Леонид Колосов

Мне тоже повезло дважды с Рудольфом Ивановичем Абелем. В том смысле, что удалось дважды встретиться с ним в качестве корреспондента «Известий» для того, чтобы подготовить о нем очерк, с разрешения тогдашнего пресс-бюро КГБ разумеется. Абель знал, что я из «конторы», сижу под «крышей» газеты, и посему беседовал со мной более или менее раскованно. Первое впечатление о нем было странным. Он совсем не походил на представителя нашей древнейшей профессии. Какой-то неконтактный, неудобный для разговора человек, из которого надо было все время вытягивать фразы и даже отдельные слова. Материал тогда по каким-то соображениям не напечатали. Он был опубликован значительно позже в одной из моих книг о разведке и разведчиках. Опубликован, конечно же, с большими купюрами, ибо тогда еще царствовал отдел пропаганды КПСС. Но я возвращаюсь к этой фигуре только потому, что он был, так сказать, «крестным отцом» моего друга Конона Молодого, который в беседах наедине не пел ему привычных дифирамбов, а однажды бросил странную, но запомнившуюся мне фразу: «Абель мой давний друг и первый начальник в «нелегалке», которому я обязан «продвижением» в Англию… К тому же мало кто знает, что Рудольф Иванович был великолепным художником. И, наверное, было бы лучше для всех, если бы он стал действительным членом Академии художеств. Он не авантюрист, а без этого разведчиком быть трудновато…»

Противоречивая фигура, ничего не скажешь. Прежде всего Абель — это не Абель, а Фишер. И не Рудольф Иванович, а Вильям Генрихович. Чужое имя, отчество и фамилию Фишер взял на всякий случай, когда его арестовали в Нью-Йорке. Чтобы запудрить судьям мозги, так сказать. Кстати, Рудольф Иванович Абель существовал когда-то, был приятелем Фишера и помер в России в сороковых годах.

А сам наш герой, то бишь Вильям Генрихович, родился 11 июля 1903 года в городе Ньюкасл-на-Тайне в Англии в семье русских политэмигрантов. Его отец — уроженец Ярославской губернии, из семьи обрусевших немцев. В 16 лет он приехал в Петербург в поисках работы и сразу же активно включился в революционную деятельность. Со своей женой, уроженкой Саратова, русской, он познакомился, находясь в ссылке в Саратовской губернии. Помимо чувств, их объединяла общность

политических взглядов. В 1901 году супруги Фишер за революционную деятельность были выдворены из России в Англию. Однако в 1920 году они вновь возвращаются в Москву вместе со взрослым сыном Вилли и получают советское гражданство.

В 1924 году Вилли поступает на индостанское отделение Института востоковедения в Москве и успешно заканчивает первый курс. Но дальше учиться не пришлось. Его призывают на воинскую службу и зачисляют в радиотелеграфный полк Московского военного округа. Здесь он получает профессию радиста, сыгравшую в его дальнейшей судьбе важную роль. После демобилизации Вилли поступает на работу в Научно-исследовательский институт военно-воздушных сил РККА. Вскоре он знакомится с Леной Лебедевой, студенткой Московской консерватории по классу арфы. Вилли хорошо играл на пианино, гитаре, мандолине, и любовь к музыке сблизила молодых людей. Через два года у них родилась дочь, которую назвали Эвелиной.

В иностранный отдел ОГПУ Вилли поступил в 1927 году. Он был назначен на должность помощника уполномоченного центрального аппарата. Руководство доверило ему выполнение важных поручений по линии нелегальной разведки в двух европейских странах в качестве радиста. По возвращении в Москву он получил повышение по службе, звание лейтенанта государственной безопасности. Будущее казалось безоблачным. И вдруг в последний день уходящего 1938 года ему сообщили, что руководство НКВД СССР без объяснения причин приняло решение об освобождении его от работы в органах. Однако в сентябре 1941 года Вилли предложили вернуться в НКВД. Он дал согласие и был зачислен во вновь созданное подразделение, занимавшееся организацией боевых разведывательно-диверсионных групп и партизанских отрядов в тылу врага. Именно в этот период Вилли сблизился с товарищем по работе Рудольфом Ивановичем Абелем.

Вскоре после окончания войны Вильям Генрихович вновь становится сотрудником внешней разведки. Учитывая его личные и деловые качества, оперативный опыт и степень подготовки, руководство приняло решение направить Фишера (оперативный псевдоним Марк) на самый ответственный участок — в США. В ноябре 1948 года Марк выехал в командировку, которой было суждено продлиться 14 лет. Марк очень быстро и уверенно вошел в местную среду. К концу мая 1949 года все организационные вопросы были решены, и он доложил о готовности приступить к выполнению разведывательных задач. Началась кропотливая работа по сбору интересующей Центр политической информации,

созданию устойчивых нелегальных каналов связи с Москвой. Некоторое время Марк поддерживал контакт с руководителем группы «Волонтеры» Луисом и связником Лесли — сотрудниками советской внешней разведки, гражданами США, а затем СССР, ставшими впоследствии известными всему миру как Питер и Хелен Крогеры. Они сумели обеспечить передачу в Центр сверхсекретной информации о разработках американской атомной бомбы. В 1952 году в помощь Марку был направлен кадровый сотрудник внешней разведки Рейно Хейханнен (псевдоним Вик), который прошел подготовку в качестве радиста нелегальной резидентуры. К сожалению, Вик оказался слабым человеком. Четыре года работы в Америке развратили его, превратили в алкоголика и конечном итоге привели к предательству. Вик выдал Марка американцам, и спустя некоторое время тот был арестован. Провал не сломил Марка. Надо было как можно скорее уведомить Центр о своем аресте. Тогда-то у него и возникла идея выдать себя за покойного друга — Рудольфа Ивановича Абеля. В Центре хорошо знали об их дружбе, и можно было рассчитывать, что, как только появится сообщение об аресте Абеля, коллеги сразу же поймут, что речь идет о Марке. В ходе следствия Марк категорически отрицал свою принадлежность к разведке, отказался от дачи каких-либо показаний на суде и отклонил все попытки работников американских спецслужб склонить его к сотрудничеству. После объявления приговора Марк сначала находился в одиночной камере следственной тюрьмы в Нью-Йорке, а затем был переведен в федеральную исправительную тюрьму в Атланте.

Марка не оставили в беде. 10 февраля 1962 года на мосту Глинике, через который проходила гра-ница между Западным Берлином и ГДР, был произведен обмен Рудольфа Ивановича Абеля на осужденного в СССР американского летчика Ф. Пауэрса.

Такова версия «органов», которую я взял из справочника Службы внешней разведки Российской Федерации. Довольно безоблачная история о Вилли… Правда, опущена небольшая деталь: после «освобождения от работы в органах» довольно длительное время Фишер провел в тюрьме на Лубянке…

Попробую немного оживить эту справку. Вот, например, характеристика, которую дал Рудольфу Абелю его адвокат Джеймс Донован, защищавший его после ареста в Нью-Йорке. «Абель — культурный человек, подготовленный как для той работы, которой он занимался, так и для любой другой. Он свободно говорит по-английски и прекрасно ориентируется в американских идиоматических выражениях, знает еще пять языков, имеет специальность инженера-электроника, знаком с

химией и ядерной физикой, был музыкантом и художником, математиком и криптографом… Вред, нанесенный Абелем американской безопасности, оценивается обвинителями на уровне ниже среднего…»

А вот что рассказывал Рудольф Иванович Абель — будем для простоты называть его впредь этим именем — мне лично во время интервью:

— Можно считать, что ваш покорный слуга получил революционную закваску уже в детстве. Все, кто окружал отца, отличались жизнерадостностью и неистощимой энергией. Они были людьми идейными, бескорыстными, честными. Особенно мне нравился Василий Андреевич Шелгунов. С ним отец работал еще в девяностых годах прошлого столетия. Несмотря на утрату зрения, Шелгунов обладал стойкостью, живо интересовался всем, что происходило вокруг. Я восхищался тем, что этих людей постоянно окружает ореол таинственности в каждодневно совершаемом подвиге. Они своим примером воспитали во мне уважение к старшим, любовь к труду, преданность делу. Немалое значение имела также служба в Красной Армии, куда я ушел по призыву в 1925 году. Ну и, наконец, должен подчеркнуть влияние старых чекистов, с которыми я начинал работу в ВЧК. Среди них были самые разные люди, в том числе и участники гражданской войны. И если уже говорить совершенно откровенно до конца — в органы я двинул не только по идеологическим соображениям. Надо было на что-то жить, а там неплохо платили, по сравнению с другими учреждениями. Так вот и началась моя длительная работа в разведке, включая ее последний, самый сложный этап в Соединенных Штатах. Кстати, мало кто знает, что работал я там не под одним именем, а под тремя. В отеле «Латам» я числился как Мартин Коллинз. Появлялся там регулярно, претензий ко мне со стороны гостиничной администрации не было. А постоянно, с конца 1953 года, я проживал в Бруклине, на Фултон-стрит, 252, под именем Эмиля Голдфуса. Хозяин считал, что я профессиональный художник, и отвел мне традиционный верхний этаж, где разрешил оборудовать мастерскую. Иногда я прирабатывал фотографией. За угол платил исправно, с соседями ладил. Они иногда заходили посмотреть новые этюды, которые я делал преимущественно в кварталах бедняков. Было у меня и третье имя — чекистский псевдоним — Марк.

Во время интервью я спросил Рудольфа Ивановича:

— О вас слывет молва, что вы совмещаете в себе мастерство художника с прекрасными знаниями математики и криптографии. Существует ли связь между искусством и точными науками?

Он немного задержался с ответом, на какую-то долю секунды прикрыл глаза и четко ответил:

— Если угодно — да, существует. В криптографии, в математике, в живописи можно обнаружить общее явление: процесс кодирования. Шифровать — значит кодировать. Математическая формула есть код, то есть предельная сжатость информации. А возьмите древних художников, которые создавали наскальные росписи где-нибудь в Китае или на Цейлоне. Линии контуров людей, животных, начертанные древними живописцами на стенах примитивных храмов, жилищ, переданы в спрессованной форме, в форме видения того или иного предмета. Иными словами — кодирование. Вообще контур, мне думается, и в современной живописи, рисунке — это как бы выделение, выпячивание основного элемента сюжета на холсте или картоне. Техника оконтуривания помогает зрителю ухватить главное. К ней прибегали художники эпохи классицизма, ее не чураются и деятели современного искусства. А что такое шифр, код? Передача информации в сжатом виде. Код облегчает читающему быстро «выуживать» существо вопроса. Хотя, разумеется, шифровальщик существует еще и для того, чтобы посланное им донесение смог прочитать лишь тот, кто знает ключ для его расшифровки. Шифровальщик работает с секретными документами…

— Рудольф Иванович, извините за отнюдь не деликатный вопрос: за свою деятельность разведчика-нелегала вы не совершили ни одной оплошности?

— Живет в нашем народе глубокая, даже философская мудрость: «Не покраснев ни разу — лица не износишь». Оплошности совершал. Мне надо было, например, более тщательно присматриваться и проверять свое окружение. Взять хотя бы того же Рейно Хейханнена, который меня предал… В этом печальном эпизоде я виню только самого себя. И второе. Я хранил письма жены и дочери в микропленках, естественно, в своей квартире. Их довольно легко обнаружили агенты ФБР во время обыска после моего ареста. Сначала эти послания приняли даже за шифровки и радости американским сыщикам они доставили немало. Но все равно письма близких были неопровержимым доказательством моей принадлежности к нелегальной работе в США. Эта сентиментальность, если хотите, была самой непростительной ошибкой для профессионального разведчика…

— А какова была дальнейшая судьба предателя Хейханнена?

— После суда он запил. А потом… Потом я прочитал в газете «Нью-Йорк джорнел американ», что главный свидетель по делу советского шпиона полковника Абеля погиб в таинственной

автомобильной катастрофе… Это случилось, по-моему, где-то в середине февраля 1964 года.

А вот на мой последний вопрос — о совместной работе с Кононом Молодым — Абель, улыбаясь, ответил:

— Посмотрите, мой дорогой, еще раз фильм «Мертвый сезон». Там все рассказано, что можно рассказать. А что нельзя, то когда-нибудь доскажет мой друг Конон. Во всяком случае, от меня он уплыл в Англию для прохождения уже самостоятельного курса своих «университетов»…

ЛОНДОНСКИЕ «УНИВЕРСИТЕТЫ». *Конон Молодый*

«В Москве погода ясная, а в Лондоне туман…» Люди моего поколения помнят эту фразу из какой-то политической частушки, которую исполняли разные сатирики особенно после «поджигательской» речи в городе Фултоне главного империалиста Уинстона Черчилля. Но если без политики, то Англия, как и ее столица, всегда ассоциировалась у меня лично с туманом…

Вот и тогда у берегов Англии стоял утренний туман. Издавая протяжные гудки, «Америка» медленно вошла в порт и пришвартовалась. Всех пассажиров попросили явиться в гостинный зал для прохождения паспортного контроля.

И тут меня ждал приятный сюрприз. Пассажиров разделили на две группы: британских подданных и иностранцев. Последние должны были заполнить какие-то анкеты, после чего их паспорта и визы тщательно проверялись иммиграционными чиновниками. Британские же подданные, к коим уже относился и я, грешный, ничего не заполняли, их паспорта проверили быстро, и через несколько минут мы уже были в таможенном зале.

Специальный поезд, который ожидал пассажиров «Америки» прямо в порту, доставил нас на лондонский вокзал Ватерлоо к вечеру. Было темно, моросил мелкий дождь. Я решил остановиться на ночь в гостинице у вокзала. Кстати, около вокзала Ватерлоо расположена всего одна гостиница, да и та, по-видимому, построена лет сто или больше тому назад… Поскольку она не имела центрального отопления, в номере было холодно и сыро. Оглядевшись, я заметил, что в камине установлена газовая печка. Рядом находился газовый счетчик, в который нужно было опустить монету в один шиллинг, чтобы печку можно было включить на пару часов. Задействовав печку и греясь у огня, я углубился в изучение карты Лондона, купленной на вокзале. Оказалось, что я остановился на берегу Темзы и стоит только перейти мост Ватерлоо, широко известный по одноименному фильму, как окажешься в центре города.

По странному совпадению я начал свою карьеру в Лондоне буквально в ста метрах от того места, где ей суждено было закончиться несколько лет спустя. Но это так, к слову, несколько опережая события…

На следующее утро после прибытия в Лондон я отправился в штаб-квартиру лиги. Располагается она в «клубляндии», то есть в

центральной части города, где сосредоточено большинство фешенебельных клубов.

В приемной меня попросили показать членский билет. Затем предложили зарегистрироваться в «Книге заморских посетителей» и пройти в секретариат, где меня встретили буквально с распростертыми объятиями, словно я был блудным сыном, вернувшимся, наконец, в отчий дом.

Специально выделенная для встречи «заморских» посетителей сотрудница мисс Элизабет Пауэлл усадила меня на диванчик и, поздравив с прибытием в метрополию, спросила, чем может быть полезной. Вообще-то она мне во многом оказалась полезной. Девушка она была симпатичная, хотя и суховатая, как все англичанки. Через некоторое время мы с ней переспали и весьма понравились друг другу. Некоторые читатели, особенно имеющие склонность к ханжеству, возможно, наморщат нос. Но я не ханжа, а нормальный человек. Нужно быть или фанатичным монахом, или импотентом, чтобы уверовать в то, что одинокий разведчик-нелегал может обойтись без женщины. Сие противоестественно. У меня были женщины и в России, и в Америке, и в Англии. Некоторые связи были продолжительными, другие скоротечными. А когда было совсем невмоготу, то не брезговал я и представительницами первой древнейшей. Западные проститутки были более качественны, чем отечественные, и тогда не так широко были распространены разные страшные болезни, которые свирепствуют ныне. Впрочем, я не Мопассан и не собираюсь задерживать внимание на своих половых проблемах или сексуальных особенностях американок, канадок, англичанок, француженок или даже негритянок. Иногда приходилось тащить в постель представительниц прекрасного пола, так сказать, по служебной необходимости. Но это особая статья. А сейчас вернемся к моему первому разговору с мисс Пауэлл. Я объяснил ей, что собираюсь заниматься в университете и в настоящее время подыскиваю подходящее жилье. Посетовав на сложность сей проблемы, мисс предложила на первых порах остановиться в гостинице для членов лиги, расположенной во флигеле этого же здания. Управляющий гостиницей предложил на выбор несколько номеров. Поскольку я числился студентом, пришлось предпочесть более дешевый номер для двоих и уплатить за две недели вперед. Моим соседом оказался австралиец. Я съездил в камеру хранения на вокзал и привез свои вещи. Не успел расположиться в довольно удобном номере, как зазвонил телефон. На всякий случай поднял трубку и был удивлен, когда услышал, что спрашивают меня. Приятный женский голос любезно сообщил, что генеральный директор лиги

приглашает к себе через полчаса. Быстро привел себя в порядок, надел белую сорочку с «консервативным», то есть неярким, галстуком, заменил цветной платок в кармане пиджака белым и ровно через тридцать минут был в кабинете господина Филиппа Кроушоу, кавалера Ордена Британской империи. Любезно приняв меня, Кроушоу сказал несколько избитых фраз о любви англичан к канадцам и пригласил в бар, где познакомил с некоторыми руководящими деятелями лиги. В баре Кроушоу предложил выпить канадского виски, и я в дань уважения к «моей стране», стараясь не морщиться, выпил рюмку «канадского клуба». Обменявшись любезностями и поблагодарив за виски, я собрался было откланяться, но не тут-то было. Как только г-н Кроушоу понял мое намерение удалиться, он тут же взял меня за руку и подвел к огромному окну бара. За окном виднелся яркий зеленый газон Грин-парка и раскинувшийся за ним Букингемский дворец.

— Посмотрите, какой вид, господин Лонсдейл! — сказал Кроушоу.

В знак согласия я глубокомысленно кивнул головой.

— Обратите внимание, над дворцом развевается королевский штандарт, — продолжал Кроушоу. — Значит, Ее Величество пребывает там. Следует выпить за ее здоровье. — И Кроушоу многозначительно посмотрел на меня.

Наконец-то я понял! Поспешно подойдя к бару, заказал всем виски и воскликнул:

— Здоровье королевы!

Допивая, я решил, что впредь следует самому предлагать ответную стопку виски, не дожидаясь патриотических намеков… Приглядываясь к находившимся в баре сановитым англичанам, я с благодарностью вспомнил банковского клерка из Торонто, который уговорил меня стать членом лиги. Для иностранца войти в круг таких персонажей дело довольно сложное, требующее многих усилий и времени. В данном же случае не успел я сойти с корабля, как оказался в почтенном обществе кавалеров Ордена Британской империи…

Что это? Счастливая случайность или закономерный результат хорошей работы? Вероятно, и то и другое.

Однако опыт показывает, и люди опасных профессий, наверное, согласятся со мной, что есть удачливые, которым при прочих равных условиях везет чаще. Но есть и их антиподы, те, которым часто не везет. Конечно, я не могу дать научного объяснения подобному явлению, но это факт. А факты, как гласит народная мудрость, упрямая вещь.

Итак, первые недели в Лондоне я жил в гостинице лиги, питался там, посещал фильмы и концерты, регулярно заходил в

бар и вскоре примелькался всему обслуживающему персоналу. При входе у меня уже не спрашивали пропуск, а вежливо улыбались и приветствовали по имени. Я оставался членом лиги в течение всего времени пребывания в Англии (не считая, разумеется, тех лет, которые провел в тюрьмах Ее Величества), часто посещал различные мероприятия, получал на адрес лиги корреспонденцию. Главное же заключалось в том, что лига являлась моим клубом, куда я мог приглашать знакомых, чтобы опрокинуть по стопке. Дело в том, что в Англии все пивные и бары закрыты днем, те есть как раз тогда, когда бизнесмены и другие солидные люди встречаются по делам. Именно в такие моменты важно иметь возможность сказать: «Пойдемте посидим в моем клубе», поскольку бары клубов открыты как раз тогда, когда закрыты общедоступные питейные заведения. Этот странный порядок был введен, если не ошибаюсь, в прошлом столетии для борьбы с пьянством среди «простого народа», который якобы пил бы весь день, ежели не закрыть пивные сразу после обеденного перерыва. Что касается «порядочных людей», то они могли сидеть в барах своих клубов, открытых только для «членов»…

Лига часто оказывала мне всевозможные услуги. Например, когда я, наконец, нашел подходящую для себя квартиру, то у меня попросили пять рекомендаций — с предыдущего места жительства, от управляющего банком, где у меня был счет, с места работы и от двух домовладельцев, у которых я снимал квартиры. Пришлось явиться в секретариат лиги и показать эту анкету любезной моему сердцу Элизабет Пауэлл.

— Укажу свой банк и предыдущий адрес в Канаде, — сказал я. — Но что делать с рекомендациями с места работы и от двух домовладельцев?

— Я попрошу господина Кроушоу, — подумав, сказала Элизабет. — Его подписи будет достаточно.

И действительно, подпись Кроушоу с указанием его должности и букв ОБИ (сокращенное название «Ордена Британской империи») оказали чудодейственное влияние на управляющую «Белым домом», где я собирался поселиться. Мне тут же предоставили однокомнатное жилище, хотя уже имелся длинный список желающих снять в этом доме квартиру.

Естественно, что я никогда не забывал заслуг мисс Пауэлл и часто, возвращаясь из поездок «на континент», привозил помимо всего всяческие подарки, начиная от французских духов и кончая модными и весьма дорогими безделушками. Мисс Пауэлл, естественно, тоже не оставалась в долгу и снабжала меня время от времени билетами в театры, в студию телевидения и на другие зрелища. Более того, она обеспечила меня пропуском на

торжественный парад лейб-гвардии в годовщину коронации королевы, попасть на который среднему англичанину было практически невозможно. Она также регулярно поставляла мне пригласительные билеты в королевскую ложу Альберт-холла — самого большого концертного зала Лондона. Нужно было видеть выражение лиц моих английских знакомых, когда я будто невзначай приглашал их на концерт в ложу Ее Величества. На большинство людей это производило неизгладимое впечатление. После концерта я дарил своему гостю на память пригласительный билет в королевскую ложу, на котором каллиграфическим почерком была выведена его фамилия. Трудно передать, какое глубочайшее уважение к моей скромной персоне вызывала эта несложная комбинация, соавтором которой была незабвенная Элизабет. Чего только не сделает женщина симпатичному ей и безотказному в ее женских слабостях мужчине…

Во время суэцких событий осенью 1956 года, когда я второй год учился в университете, мне нужно было послушать в парламенте дебаты по внешней политике и особенно выступление тогдашнего премьер-министра Англии Антони Идена. Одно дело прочитать сжатый отчет в газете и совсем другое самому присутствовать в палате общин в момент, когда разгорелись страсти.

Как всегда, на помощь пришла Элизабет. Она тут же при мне позвонила активному деятелю лиги, члену парламента сэру Джоселину Люкасу и попросила устроить пригласительный билет на «скамью почетных посетителей» для одного очень симпатичного канадца по фамилии Лонсдейл на дебаты по внешней политике. Сэр Джоселин не подвел. В здании парламента меня встретил его секретарь и вручил пригласительный билет. Меня не без некоторой торжественности провели на галерею палаты общин и усадили в одной из лож. В тот день палата общин была набита битком, некоторые парламентарии даже стояли в проходах, поскольку в английском парламенте нет постоянных мест. Лишь за членами правительства и «теневым кабинетом», то есть руководством оппозиции Ее Величества, закреплены передние лавки по обеим сторонам длинного стола, расположенного у возвышения, на котором восседает спикер палаты общин. Одно место в первом ряду через проход от скамьи правительства осталось свободным, и я мог понять, почему его не занимал никто из стоящих в проходе. Неожиданно в зале началось какое-то оживление, и все взоры устремились к входу, который не был виден из ложи, где я находился. Вскоре показалась полная старческая фигура, неуверенной походкой проковылявшая к этому единственному

свободному месту. Когда старец сел, я его узнал. Уинстон Черчилль! «Самый великий из живущих ныне англичан», как писали тогда в прессе. С большим интересом я рассматривал человека, который в свое время призывал удушить советскую власть в колыбели, но волею судьбы оказался нашим союзником во второй мировой войне…

Итак, благодаря лиге, у меня в Лондоне была не только уютная квартирка, но и масса интересных знакомых. Чтобы больше не возвращаться к этой милой организации, хочу рассказать еще об одном эпизоде. Недели через две после того как верховный судья Англии лорд Паркер приговорил меня к 25 годам заключения, я получил от генерального секретаря лиги следующее письмо:

«Господину Гордону Лонсдейлу, 634, Белый дом, Олбэни-стрит, Лондон.

Дорогой сэр,

Мне поручено известить вас о том, что Центральный Совет Королевской Заморской Лиги не может больше считать вас членом Лиги. В соответствии со статьей 8 Королевского устава, ваше членство в Лиге прекращено. Возвращаем вам ваш членский взнос за 1961 год».

К письму был приложен чек на 7 гиней (примерно 20 рублей по тогдашнему курсу). Письмо было напечатано на официальном бланке лиги, на котором указано, что патронессой лиги является королева Елизавета И. Кстати сказать, изредка королева обедала с членами лиги. Весною 1955 года я присутствовал на подобном обеде и, поскольку все гости были представлены Ее Величеству, после этого и ваш покорный слуга мог считать себя знакомым королевы. Много лет спустя, уже будучи в тюрьме, я обжаловал королеве незаконные действия министра внутренних дел. Хотел было напомнить и о нашем знакомстве, но решил не делать этого. Наверное, зря. Может быть, королева не отклонила бы мою жалобу, если бы знала, что ей пишет «старый знакомый»? Впрочем, я забежал немного вперед, забыв о своих шпионских делах…

В середине марта, то бишь через две недели после прибытия в Лондон, при очередном посещении будки телефона-автомата на набережной Темзы у черного входа в гостиницу «Савой» я обнаружил в заранее условленном месте постановки сигналов канцелярскую кнопку. Это был знак, говорящий, что в тайнике, описанном мне еще в Нью-Йорке Абелем, сделана закладка. Тщательно проверившись, я пошел к тайнику. Поблизости никого не было, и я быстро извлек из него небольшой сверток. Минут через тридцать я уже был в своем номере в гостинице лиги. На

счастье, сосед отсутствовал. Я запер дверь, развернул сверток и принялся изучать присланные мне директивы.

Прежде всего Центр поздравил меня с благополучным прибытием на место работы. Затем следовал ряд конкретных указаний на ближайшее время. В частности, мне было приказано выехать в конце недели в Париж для встречи с «Жаном». Естественно, я не мог знать, кто он. Мне лишь сообщили условия нашей встречи и то, что Жан (буду впредь называть его так без кавычек) на месте решит все возникшие у меня вопросы, а также сообщит мне, как установить контакт с моим будущим помощником.

Дня за два до отъезда в Париж я сильно простудился и буквально валился с ног. Отложить поездку, как вы сами понимаете, было невозможно, так как в тот период у меня еще не было достаточно оперативной связи с Центром. Я проглотил несколько противогриппозных таблеток.

На следующий день я остановился в небольшой гостинице в самом центре города, недалеко от Оперы. Эта гостиница в тихом переулке приглянулась мне еще во время предыдущего визита в Париж по дороге в США. У меня давно выработалось правило не останавливаться дважды в одной и той же гостинице. Находясь в каком-либо большом городе, я всегда заранее приглядывал новую гостиницу на случай повторного приезда в этот город. Вечером я прогулялся по центру Парижа и убедился, что за несколько лет, прошедших с предыдущего посещения, на основных магистралях города ничего не изменилось, если не считать модернизации витрин магазинов и фасадов некоторых зданий. Признаться, мне весьма импонирует любовь французов к своему прошлому и их желание сохранить исторические здания в центре города в неприкосновенности.

Утром следующего дня я отправился в Лувр. Я пришел за несколько часов до назначенной встречи и с удовольствием бродил по его залам. Ровно в полдень подошел к картине Леонардо да Винчи «Иоанн Креститель». Средний палец моей левой руки был забинтован, и я почесал им левое ухо. Я знал, что Жан находится где-то рядом, но не пытался обнаружить его. Ровно через пять минут я вышел из музея и зашагал по направлению к Елисейским полям. Вскоре меня обогнал черный «мерседес» и остановился у тротуара. Когда я поравнялся с машиной, водитель открыл переднюю дверцу, я быстренько вскочил на сиденье рядом с ним, и мы помчались на одну из парижских окраин.

Машину вел высокий, худощавый человек лет пятидесяти. Он заговорил со мной по-английски, спокойно и уверенно. Жан

передал мне приветы от семьи и коллег. Оказалось, что всего несколько дней назад он виделся с моей женой и более или менее подробно рассказал мне о ее житье-бытье. В свою очередь я поведал ему о своей деятельности в Англии, и, когда мы добрались до небольшого загородного ресторана, мой наставник уже был в курсе всех дел. Жан подтвердил все, что было передано Центром, добавив еще несколько уточнений. Кроме того, он сообщил все необходимые данные о людях, с которыми мне предстояло работать, и об условиях контактов с ними. Важными, естественно, были его указания о налаживании каналов связи с Центром. В финале нашей долгой беседы Жан выразил уверенность, что я сумею справиться с поставленными передо мной задачами. Он подчеркнул, что в конечном итоге главной целью советской внешней разведки является предотвращение ядерной войны. Мне предстояло сделать все от меня зависящее, чтобы внести свой посильный вклад в это-непростое дело.

— Весь парадокс заключается в том, что вы будете работать и в интересах англичан, — улыбнувшись, сказал Жан, — так как в случае войны ядерной эта страна тоже будет сметена со своих островов.

— Может быть, мне стоит вступить с ними в контакт и убедить их оказывать мне помощь в их же интересах? — пошутил я.

— Пока это преждевременно, — ответил Жан. — Но пройдет время, и народы перестанут верить пропаганде об агрессивных устремлениях Советского Союза… Тогда все поймут, откуда действительно идет угроза войны.

Странная штука жизнь. Примерно то же самое говорил мне несколько лет спустя один из шефов английской контрразведки, когда я сидел в тюрьме: «Полковник, ведь придет время, когда наши страны будут воевать вместе против Китая. Вот вы бы и помогли сейчас подготовить наших разведчиков для будущей совместной борьбы». Но это так, кстати…

А теперь вернемся к моей беседе с Жаном. Работа в подполье приучает к выдержке и глубокой внутренней самодисциплине. Но, признаюсь, не без труда я дождался окончания деловой части нашей беседы, когда он протянул мне несколько писем от жены. На какое-то время я перенесся мысленно домой, полностью выключившись из окружающей обстановки. Жан отлично понял мое состояние и хранил молчание в течение всего времени, пока я читал письма. Увидев, что я закончил чтение, он предложил мне написать весточку домой. Писать такие письма очень трудно. Родные ждут каких-то конкретных вестей о тебе, а тебе приходится отделываться общими словами о здоровье и задавать

вопросы, так или иначе повторяющие друг друга.

У одной из станций метро Жан остановился. Мы крепко пожали друг другу руки, и я вновь оказался один. Скучно сразу как-то стало. Но, как говорится, взялся за гуж, не говори, что не дюж! В тот же вечер я вылетел в Лондон… Сразу же по возвращении из Парижа я посетил Лондонский университет. Там мне официально подтвердили, что я принят на учебу и должен приступить к занятиям в первую среду октября.

…В первую среду октября 1955 года стояла обычная для осеннего Лондона погода — хмурое, застиранное постоянным дождем небо, налитый сыростью воздух, из-за которого температура в десять градусов кажется достаточно низкой. Я убивал время вместе с другими студентами, читая объявления в вестибюле. Потом нас пригласили на собрание в зал, довольно темное и запущенное полуподвальное помещение с беспорядочно расставленными банкетками, которые очень скрипели. В зале было пыльно и душно. Может быть, поэтому всем — и студентам и преподавателям — явно хотелось побыстрее покончить с этой формальностью и выбраться отсюда. Но у меня настроение было хорошее. Успешно завершался первый, пожалуй, самый трудный этап задания, и я выходил на английскую сцену уже в новой роли студента факультета африканистики и востоковедения, который по традиции питает кадрами секретные службы Ее Величества. Через несколько минут после организационного собрания первокурсников я вошел в аудиторию, отведенную нашей группе. Постепенно там собрались мои будущие однокашники. Они входили по одному, сдержанно кивнув в дверях, и, без особого любопытства окинув взглядом небольшую светлую комнату с тремя рядами столов, садились на деревянные, отполированные штанами не одного поколения их предшественников стулья.

Наша группа явно отличалась от других. Тут не оказалось ни одного азиата или африканца, хотя в зале на общем собрании их было много. Средний возраст студентов был, по крайней мере, лет на десять выше обычного студенческого. Почти все они были одеты в традиционную «форму» английских служащих — черный пиджак, черные брюки в серую полоску, белую сорочку с темным галстуком, черный котелок. Бегло оглядев своих подчеркнуто аккуратно одетых однокашников, я понял, что поступил правильно, оставив дома в шкафу пиджак из грубошерстного твида и серые брюки. Лучше не отличаться от «студентов», часть которых пришла изучать редкие языки из специальных служб Великобритании…

Итак, учеба началась и первая лекция уже позади… Подняв воротник макинтоша и на этот раз с удовольствием вдыхая

сыроватый воздух, я зашагал в свою однокомнатную квартирку в «Белом доме».

Втиснувшись в свою крохотную кухню, я высыпал содержимое одного из пакетиков, купленных по пути домой в магазине, в кипящую воду, добавил туда пару свежих помидоров и несколько стручков фасоли и, помешав ложкой, даже не пробуя — фирма справедливо гарантировала отменный вкус, — снял кастрюльку с огня. На второе приготовил отбивную, гарнир — горошек и морковь взял из консервов. Третьего не было, к сладкому я в общем-то равнодушен. Потом накрыл на стол и включил приемник — недурно помогавший мне в работе английский «Буш», так называемая «колониальная модель», с одним средневолновым и девятью «растянутыми» коротковолновыми диапазонами, рассчитанными на прием с дальнего расстояния. Поймав первый попавшийся джаз, сел обедать, все время думая о своих новых однокашниках, сортируя их на тех, кто «мог бы быть оттуда», и на тех, кто «явно не тот». Конечно, на данном этапе это было делом довольно бессмысленным, но… все же один — пухленький, лет сорока шатен с серыми глазами и другой — высокий брюнет, с длинным тонким носом, с подчеркнуто армейской выправкой, были явно «оттуда»… Но пока надо было привести себя в уравновешенное состояние, потому что вечером предстояла еще работа, и довольно опасная.

Я вскипятил себе чашку черного, почти без сахара, кофе и, удобно устроившись в кресле, придвинутом к окну, полистал свежие газеты, затем раскрыл толстый, массивный том китайско-английского словаря и погрузился в хитрую, непостижимо запутанную для европейца вязь иероглифов. Так и проработал, не зажигая света, пока не стемнело.

В шесть вечера, надев темный плащ, я направился в кинотеатр «Одеон». По дороге проверился. Сзади никого не было. Тогда я свернул в переулок и открыл дверцу телефонной будки. Как и во всех будках Лондона, на специальной полочке стояли четыре тома телефонного справочника. Вытерев платком мокрое от дождя лицо, снял с полки третий том, быстро перелистал, задержавшись на 117-й странице. Самая нижняя фамилия на этой странице была слегка подчеркнута ногтем. Это значило, что мой коллега благополучно изъял из тайника донесение.

Фильм оказался довольно нудным и, не высидев до конца, я вернулся домой и лег спать…

Так и потянулись дни моей «студенческой» жизни. Солнечные и пасмурные, забитые до отказа лекциями, сидением в университетской библиотеке или неожиданно свободные от всяких дел, но по большей части скучновато однообразные,

лишенные каких-либо ярких событий. Моя задача формулировалась просто. Надо было выяснить, кто именно из студентов факультета африканистики и востоковедения является сотрудником специальных служб, и каких, а также получить их анкетные данные и изучить личные качества. На быстрый успех я, естественно, не рассчитывал, так как знал, что англичане редко идут на сближение с людьми чужого круга, особенно с иностранцами. Оставалось только набраться терпения и уповать на «его величество случай», который, как известно, чаще всего приходит к тем, кто его заранее подготовил и умеет ждать…

Я вставал в семь утра — достаточно поздно по английским понятиям, несколько минут делал «статическую зарядку» — этого было вполне достаточно, чтобы держать себя в форме, принимал холодную ванну и, проглотив пару бутербродов или тарелку овсянки, садился за карточки, на которых были выписаны китайские иероглифы. Час-полтора занимался грамматикой, просматривал конспекты и без пятнадцати десять шел в университет. Лекции занимали время до обеда. Потом обедал в университетской столовой. Цены там были невысокими, как и качество блюд. Я попытался было перейти на вегетарианский стол, предназначенный для студен-тов-индусов, но быстро понял, что такая пища не для меня… В конце концов, решил проводить время обеденного перерыва в так называемой «малой трапезной», где был небольшой буфет с чаем и печеньем, читая газеты или играя в китайские шахматы.

Лекции после обеда бывали не часто. Обычно в три часа я уже выходил из университета и мог заниматься своими прямыми обязанностями. На первых порах это было изучение города и обстановки в нем. Что касается моего непосредственного задания, то тут я шел к цели шагами, которые нельзя назвать семимильными. Лишь на пятый день занятий мне представилась возможность познакомиться со своими однокурсниками. Познакомиться… и не более того!

В перерыве между лекциями, когда все вышли в коридор — длинную, освещенную люминесцентными лампами щель между двумя грубо оштукатуренными, выкрашенными светлой краской стенами, — я оказался рядом с высоким парнем, одетым в твидовый пиджак и светло-серые брюки. Его одежда и более свободная, чем у остальных, манера держаться говорили о том, что парень мог быть либо американцем, либо канадцем.

— Вы не американец случайно? — как бы невзначай спросил я.

— Слава Богу, пока нет, — ответил тот.

По тому, как парень проглотил букву «р», слегка при этом

«окая», можно было предположить, что он либо канадец, либо житель Новой Англии — северо-восточного уголка США, граничащего с Канадой.

— Вот и отлично. Я тоже канадец. Из Ванкувера. Вы, видимо, с востока?

— Совершенно верно. Из Оттавы. Том Поуп. — Он протянул руку.

Знакомство, что называется, «сломало лед», и вскоре я пожал руку еще нескольким стоящим рядом с нами англичанам. Я постарался навести разговор на причины, которые побудили моих собеседников заняться изучением китайского языка. Говорили, разумеется, всякое… Что касается меня, то я объяснил, что изучаю язык в надежде получить выгодную работу в одной из канадских фирм, торгующих с Китаем.

— Видимо, это будет хороший бизнес, раз вы решили на три года погрузиться в «китайскую тушь», — с доброжелательной улыбкой заметил Том Поуп.

— Да, да, — поспешил согласиться я. — В данном случае цель вполне оправдывает средства…

Вечером, листая сделанные на первых лекциях записи, я мысленно прошелся по аудитории, перебрав всех пятнадцать своих однокурсников. Для начала разбил их на три группы. Иностранцы — канадский дипломат Томас Поуп, американец Клейтон Бредт, дипломат из Израиля Цвий Кедар и я сам — бизнесмен из Канады Гордон Лонсдейл. Во вторую группу вошли «черные пиджаки» — лица в чиновничьей форме. Скорее всего, это были сотрудники военной разведки и контрразведки. Было известно, что именно такое партикулярное платье носят английские офицеры. Третья группа — это были те, кто выдавал себя за сотрудников Форрин Оффис, а на самом деле служили в Сикрет интелли-дженс сервис, как официально именуется английская политическая разведка.

Мне уже было в принципе ясно, что ни Поуп, ни американец не имеют никакого отношения к секретной службе. Иное дело — израильтянин. Интуиция подсказывала, что он не тот, за кого выдает себя. «Надо будет сойтись с ним поближе, — подумал я, поднимаясь, чтобы приготовить себе ужин. — Весьма интересный парень».

Полковник Конон Трофимович Молодый

Дедушка разведчика — тоже Конон Трофимович Молодый, погибший сорока лет от роду

Бабушка разведчика — Мария Васильевна, со своим вторым мужем

Мама Конона — Евдокия Константиновна

Тетя Конона — Татьяна Константиновна

Отец разведчика — Трофим Кононович после блестящего окончания Московского университета

Конон (*справа*) со своим приятелем Вовой

У теток в Калифорнии было иногда весело…

Мама пишет письма и учила
страшно много наших марок. ссср
Здесь +25 снега и бомбежек
боятся. Целую Данилка Жанну.

наш начальник
наш подарок
Будённый
где наши
Ура!
Ура!
Ура!

…но хотелось домой

Мама Конона (*справа*) и ее сестра Татьяна с их старой няней

Конон *(стоит, справа)* перед призывом в армию с мамой, сестрой и ее другом

На фронте

По дороге из Берлина. Май 1945 г. Кончилась война…

Конон (*справа*) с фронтовыми друзьями

Студенческий театр в Институте внешней торговли

Китайская группа. Конон *(в центре)* со своими однокашниками

Приложение к диплому
с отличием № 1703503

ВЫПИСКА

ИЗ ЗАЧЕТНОЙ ВЕДОМОСТИ

(Без диплома недействительна)

Тов. МОЛОДЫЙ Колон Трофимович за время пребывания в Институте Внешней Торговли МВТ СССР сдал экзамены и зачеты по следующим дисциплинам:

1.	Основы марксизма-ленинизма	Отлично	
2.	Политическая экономия	Отлично	
3.	Иностранный язык (китайский)	Отлично	
4.	Второй иностранный язык (английский)	Отлично	
5.	Теория государства и права	Отлично	
6.	Новейшая история государства и права	Отлично	
7.	История государства и права СССР	Отлично	
8.	История политических учений	Отлично	
9.	Государственное право СССР	Отлично	
10.	Государств.право иностран.государств	Отлично	
11.	Гражданское право СССР	Отлично	
12.	Гражданское и торгов.право иностр.госуд.	Отлично	
13.	Международное публичное право	Отлично	
14.	Международное частное право	Отлично	
15.	Административное право СССР	Отлично	
16.	Адмнн.право иностранных государств	Отлично	
17.	Трудовое право	Отлично	
18.	Земельное и колхозное право	Отлично	
19.	Уголовное право и процесс СССР	Отлично	
20.	Транспортное право	Отлично	
21.	Гражданск.процесс буржуазных стран	Отлично	
22.	Советский гражданский процесс	Отлично	
23.	Римское право	Отлично	
24.	Латинский язык	Отлично	
25.	Экономическая география	Отлично	
26.	Теория статистики	Зачет	
27.	Международная торговля	Отлично	
28.	Внешняя торговля СССР	Отлично	
29.	Органы и техн.внешней торговли СССР	Отлично	
30.	Органы и техн.международной торговли	Отлично	
31.	Финансирование международной торговли	Отлично	
32.	Междун.расч.и финанс.внешн.торгов СССР	Отлично	
33.	Бухгалтерский учет	Зачет	
34.	Физическое воспитание и спорт		

Сдал следующие государственные экзамены:

1.	Иностранный язык (китайский)	Отлично
2.	Основы марксизма-ленинизма	Отлично
3.	Теория государства и права	Отлично
4.	Международное публичное право	Отлично
5.	Гражданское и торговое право буржуазных государств	Отлично
6.	Гражданское право стран народной демокр.	Отлично

Директор Института Внешней Торговли (И.Лебедев)

Декан юридического факультета (Михайлов)

Секретарь: Орехова (Орехова)

11 июля 1951 г.
г.Москва

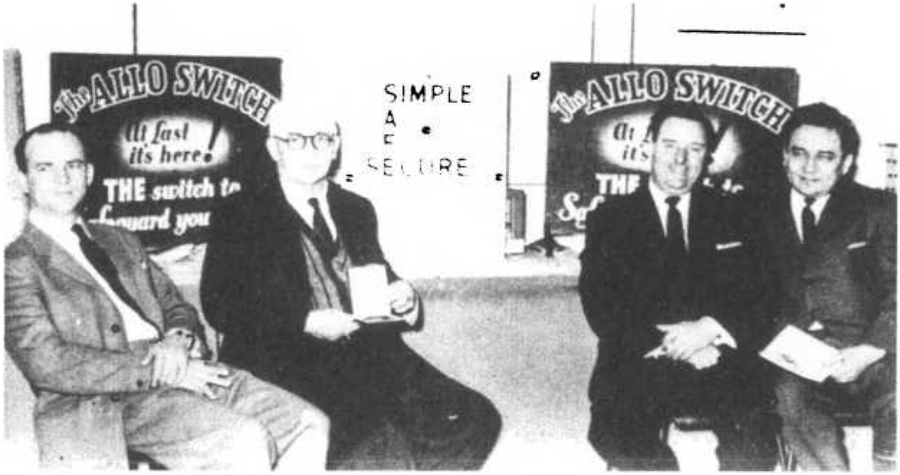
Регистрационный № 1028

Москва 1963 г. Сентября мес. 20 дня. Первая Московская Государственная Нотариальная контора свидетельствует верность настоящей ФОТО-копии. Взыскано госуд. пошлины 20 коп. ФОТО бумага 30 коп.

Гос. Нотариус

Реестр ф. №

Сэр Гордон Лонсдейл (*справа*) перед отбытием из Америки в Англию с соседом по каюте, «земляком» из Канады



Гордон Лонсдейл *(крайний справа)* со служащими «Мастер Свитч Компани» на торговой выставке фирмы в Брюсселе

Гордон Лонсдейл с Большой золотой медалью Брюссельской выставки

Прикрытие состоятельного бизнесмена позволяло советскому разведчику попутешествовать по Европе. Конечно, в интересах службы…

Кедар оказался весьма общительным человеком и охотно согласился на предложение позаниматься вместе. Жил он недалеко от меня и в тот же вечер нанес визит. Мы выпили по бокалу вермута и, прежде чем погрузиться в таинство древних китайских иероглифов, как и полагалось по английским традициям, несколько минут беседовали о всякой всячине.

— У вас чудесный вид из окна.

— Возможно, — согласился я, наливая второй «Мартини».

— Вы не любитель городских пейзажей?

— Во всяком случае, не настолько, чтобы не отходить от окна. — Я протянул гостю рюмку.

— Когда живешь в таком городе, чувствуешь себя крохотной молекулой…

— Вы родились в Израиле или эмигрировали туда?

— Израильтянин чистых кровей. Родился и вырос в Палестине.

— Почему-то думал, что вы араб…

— Не один вы, — усмехнулся Кедар. — Арабы тоже иногда принимают меня за своего. Их язык я знаю с детства.

— Видимо, это третий по счету, которым вы владеете?

— Нет, четвертый. Кроме древнееврейского, английского и арабского, я изучал немецкий… Но, по-моему, все вместе они не сравнятся по трудности с этим чертовым китайским. Поэтому я благодарен вам, Гордон, за помощь. Знаете, когда в сорок лет садишься за «цзянь» и «тянь» — это не очень-то вдохновляет…

— Зачем же насиловать себя?

— Вы бизнесмен, и понять вам это трудно. Я же нахожусь на государственной службе. Дипломат. Мне предлагают выгодную работу в Пекине, и я, естественно, не отказываюсь.

Намечавшаяся дружба требовала ответного визита. И мы договорились, что я зайду к Кедару в субботу вечером. Он тоже снимал небольшую меблированную квартиру, но чуть дальше от университета. Встретил меня Кедар довольно радушно и, даже не дождавшись, пока повешу мокрый от очередного дождя плащ, предложил выпить.

— Считайте, что вам сегодня повезло, — воскликнул он. — Я угощу вас не виски и не джином, а удивительным, неизвестным вам напитком. Сегодня вы сделаете для себя важное открытие…

Тут он открыл холодильник и достал бутылку… «Столичной».

— Что это такое? — спросил я, с преувеличенным интересом глядя на знакомую этикетку.

— Лучший напиток в мире. Русская водка, — ответил Кедар, открывая бутылку. — При этом не какая-нибудь подделка, а «Штолышна» из России.

Он налил небольшой фужер водки, поставил на стол блюдечко с хрустящим картофелем и пододвинул мне кресло. Пили, как это принято в Англии, крохотными глотками, и я невольно поморщился.

— Это вы с непривычки, — заметил Кедар, увидев мою гримасу. — Привыкнете, увидите, что за прелесть.

Оставалось только согласиться.

Как ни странно, но для многих из нас самый лучший собеседник не тот, который умеет говорить, а тот, который умеет слушать, не перебивая, лишь изредка вставляя вопрос, — так, для того, чтобы показать, что он весь внимание.

В этом смысле я тоже считал себя неплохим собеседником. Кедар же оказался на редкость словоохотливым, и через несколько дружеских встреч мне стало известно, что имел в виду мой знакомец, когда говорил об арабах, иногда принимавших его за своего… Во время войны 1948 года его не раз забрасывали в Египет и Сирию, где он успешно вел разведывательную работу.

Вполне понятно, что меня это весьма заинтересовало, и я только удивлялся, как охотно Кедар посвящает в так много говорящие детали в общем-то малознакомого человека. Все, что

так неожиданно легко рассказывал израильтянин, было важно, полезно, но это был тот самый крем, которым можно украсить, а можно и не украшать пирог. А вот самого пирога пока не было…

Недели складывались в месяцы, давно уже на дворе стояла хмурая лондонская зима, и газеты резонно сообщали, что дело идет к весне. Но мне пока так и не удалось завязать дружеских отношений ни с кем из англичан. Правда, как-то им предложили заниматься не менее часа в день в лингафонном кабинете — небольшой комнате, где на столах стояли специальные аппараты для прослушивания грампластинок с записью урока на китайском языке. Это вынуждало всех задерживаться после занятий. Получая пластинки в одной библиотеке, работая в одном кабинете и потом обедая в одной столовой, мы поневоле начали больше общаться между собой. Посему мне удалось установить сносные отношения со студентами, выдававшими себя за сотрудников Форин Оффис. Сносные, но не более того. Видимо, этому способствовало отсутствие «чиновничьей формы» и кастовой замкнутости, присущей английским офицерам. Словом, дальше «здравствуй» и «прощай», «хорошая погода сегодня» дело не шло.

Вечера «чиновники» проводили в «своих» клубах. У меня были все основания считать главным противником даже не МИ-5 — всемирно известную английскую контрразведку, а не менее известную традиционную британскую сдержанность и еще английские клубы, куда было очень трудно проникнуть. Но выручили пивные. Они-то и стали теми заведениями, в которых я мог найти общий язык с «чиновниками» и с джентльменами из Форин Оффис.

А случилось это так. Среди преподавателей школы одной из самых ярких, заметных фигур был Сай-монс-младший. Китайский язык он знал хорошо и преподавал его умело. К студентам моей группы, а они были одного возраста с ним, относился как к равным. И вот как-то на уроке грамматики китайского языка Саймонс-младший почувствовал, что большинство присутствующих явно потеряло нить его рассуждений.

— Джентльмены, я думаю, нам надо немного отвлечься, — произнес он тоном искушенного преподавателя. — Все мы люди взрослые и отлично понимаем, что знание одного китайского языка не делает из человека синолога. Не так ли?

Обрадованные переменой темы, студенты дружным хором сразу же согласились с ним.

— Так вот, господа, — продолжал Саймонс, — всем вам необходимо быть в курсе текущих событий в Китае и в Юго-Восточной Азии, знакомиться с китайским искусством, обычаями, традициями и тому подобным. Короче, я предлагаю раз в неделю

проводить семинары, каждый раз приглашая именитого гостя, который будет проводить вводную беседу. После беседы организуем обсуждение. Как вы на это смотрите?

Идея Саймонса-младшего понравилась, и вскоре вся группа собралась после занятий в «большой трапезной», а проще говоря, столовой для преподавателей — небольшом полуподвальном помещении, где в два ряда стояли длинные, человек на двадцать, столы. Один из них был заранее накрыт для чая, для чего с каждого из студентов было собрано по два с половиной шиллинга. Рядом стоял такой же, но не накрытый стол, за который все уселись. Саймонс и приглашенный лектор профессор Хони — специалист по Вьетнаму — заняли место во главе стола. Состоялась интересная беседа…

И потом среди гостей «трапезной» бывали сотрудники Форин Оффис, госдепартамента США, известные специалисты по странам Юго-Восточной Азии… Однажды перед нами выступил английский разведчик Форд, в свое время арестованный в Тибете за шпионаж. Правда, на семинаре его представили как бывшего сержанта войск связи, который после окончания войны поступил на работу к далай-ламе. Форд вернулся в Англию незадолго до встречи со студентами школы, и в то время газеты еще продолжали много писать о нем, полностью отрицая его принадлежность к английской разведке. В конце беседы, когда все задавали вопросы докладчику, я тоже спросил: «А где вы работаете сейчас?» Форд, не задумываясь, ответил: «Как где? Конечно же, в Форин Оффис!»

Я не мог не заметить, как при этом на лицах моих коллег появились иронические улыбки. Действительно, с каких это пор стали работать в Форин Оффис бывшие сержанты войск связи?

После дискуссии (все на семинаре шло по строгому регламенту) студенты переходили за накрытый стол и продолжали беседовать за чаем. Однако самое притягательное для всех начиналось после семинара, когда большая часть его участников дружно отправлялась в одну из расположенных поблизости пивных. Возглавлял это шествие Саймонс-младший. Первый раз мы пошли туда сырым и неожиданно теплым зимним вечером. Туман не спеша наползал на Лондон, придавая городу вид фантастический и даже праздничный, Мы шагали по мокрым плитам мостовой, перекидываясь шутливыми замечаниями и предвкушая приятный вечер. «Радуюсь, — подумал я, — как мальчик, летящий на первое свидание…»

Жарко горел камин, приглашая протянуть к огню озябшие руки, поблескивала никелем стойка. Массивные кружки, сияя чистотой, выстроились наготове.

— Я заказываю, — безапелляционно заявил маленький краснолицый джентльмен, служивший, как я предполагал, в военной контрразведке. — Что будете пить, джентльмены?

— Мне светлого.

— То же самое.

— А я буду бледный эль.

— Темного.

Я попросил полкружки темного, ибо не питал особой приязни к пиву, после которого печень побаливала.

Бармен в белой рубашке с темным галстуком бабочкой и белой курточке, сияя улыбкой и напомаженным пробором, ловко налил нам полтора десятка кружек — традиционный английский «круг». Пивопитие началось… После двенадцатой кружки один из «чиновников», носивший фамилию Ватсон, неожиданно утратил обычную для английских офицеров манеру растягивать слова и заговорил на простонародном лондонском «кокни». Стоявший рядом со мной Венабле, тридцатилетний парень с аристократическим лицом, каковым в Англии считается вытянутая, похожая на лошадиную физиономия, любивший кстати и некстати упоминать, что его отец — член королевского яхт-клуба (позднее я выяснил, что Венабле был капитаном контрразведки), повернулся ко мне и с презрительной усмешкой шепнул: «И эта серость недавно получила майора!» А так как в английских вооруженных силах в различных родах войск установлены различные наименования воинских званий, то этих слов было достаточно, чтобы понять, что Ватсон служит в армейской разведке или контрразведке…

Еженедельные посещения пивной помогли завязать более тесные отношения с однокурсниками и кое-что узнать. Словом, пивная нас весьма сблизила, чему во многом способствовал канадец Том Поуп.

— Слушай, Гордон, — как-то обратился он ко мне перед лекциями. — Что ты скажешь, если сегодня я приглашу тебя на вечеринку?

— Искренне поблагодарю, если, конечно, ты приглашаешь меня, а не меня вместе с бутылкой виски…

— Ну, этого можешь не опасаться, — несколько загадочно усмехнулся Поуп. — С виски все будет в порядке. Я думаю собрать всех ребят…

— Во сколько?

— В восемь вечера.

— Идет.

— Захвати с собой фотоаппарат. Сделаешь нам снимки на память…

Я видел, как в перерыве между лекциями Поуп старательно обошел всех студентов и некоторых преподавателей, приглашая каждого на своеобразный «мальчишник».

Канадский дипломат жил на широкую ногу и снимал шикарную квартиру в посольском районе к северу от Кенсингтонского дворца на улице Пор-честер-террас. Будучи дипломатом, Том мог покупать виски и другие напитки с большой скидкой. И все же, прибыв к нему, я был поражен обилием спиртного. Бутылки стояли не только в баре, но и на полу, загромождая один из углов зала. Рядом возвышался открытый термос в виде бочонка, набитый льдом. На специальных подставках выстроились небольшие бочонки с пивом и крепким сидром. Закуска, если не считать хрустящего картофеля, жареных орешков и соленой соломки, практически отсутствовала.

Я в принципе знал об обычае пить не закусывая и плотно поужинал, прежде чем идти к Тому. За стол не садились, да и незачем было. Еды практически не было никакой. Гости вначале стояли небольшими группками, разговаривали, потягивая виски или джин, разбавленные содовой водой или апельсиновым соком. Постепенно, по мере поглощения спиртного, разговор стал более шумным, а темы более разнообразными: и политика, и женщины, и погода, и предстоящие скачки… Но больше всего делились воспоминаниями, ибо все участники вечеринки уже успели объехать полсвета.

Чего-чего тут только не вспоминали!

— Это был отличный парень, он работал со мной в Гонконге, — рассказывал какую-то историю, связанную с похождениями его агента, один из «чиновников».

— Это лысый, в очках? Когда быстро говорит, начинает слегка шепелявить? — уточнял портрет другой гость.

— Он был у меня на связи до пятьдесят второго…

Я, конечно, не имел ни малейшего желания влезать в разговор. Молчал, подливая себе в бокал содовой, и слушал, ибо многое стоило запомнить…

— Ты помнишь историю с этим старым индусом, который никак не хотел умирать, — услышал я, когда перешел к другой группе. — Наши парни сыпали ему яд в рис, стреляли из автомата по окнам. Устроили маленькую аварию, когда он полз на своем «додже», а он все был жив… И знаете, как его убрали! Чистый смех…

Что ж, это тоже стоило запомнить.

Я чувствовал себя уютно, ибо все складывалось как нельзя лучше.

— Гордон, — тронул меня за рукав хозяин, — тебе не скучно?

— Нисколько.

— Фотоаппарат взял?

— По-моему, да.

— Неси скорее…

Однокурсники уже знали, что фотографирование было моим хобби, и никто не удивился, увидев у меня фотоаппарат с электронной вспышкой. За этот вечер я сделал несколько десятков снимков, пообещал всем прислать фотографии. А так как было это в последний день семестра, то и записал, естественно, адреса присутствующих. Словом, это был тот невероятный случай, когда рыба сама прыгала на сковородку рыбака. Оставалось только подливать масла…

Со временем мои однокурсники все меньше и меньше придерживались своих легенд, и постепенно удалось узнать их звания, специальные службы, к которым они принадлежали, чему во многом способствовал, сам того не подозревая, Том Поуп, по-прежнему регулярно устраивая вечеринки. Иногда это были «мальчишники», иногда встречи, на которые приходили с женами. Таким образом, в моем альбоме (и, разумеется, в Центре) появились фотографии и некоторых «разведдам».

В конце учебного года Том опять пригласил всех к себе. Один из «чиновников» сказал, что он уже позвал к себе знакомого с женой и поэтому не сможет прийти. Гостеприимный Том тут же предложил ему привести своих знакомых, что тот и сделал. Познакомившись с новым человеком на вечеринке, я понял по его поведению и связям, что он скорее всего — сотрудник какой-либо специальной службы, а посему на всякий случай сфотографировал его и записал фамилию. Потом я забыл и об этом случае, и о существовании этого господина Элтона. Каково же было мое изумление, когда, уже находясь в тюрьме, я неожиданно узнал его. Так случилось, что именно Элтону контрразведка поручила вести мое дело…

После выпускных экзаменов студенты в соответствии с традицией устроили прощальный вечер, для чего был выбран большой китайский ресторан, принадлежавший известному в свое время боксеру Фредди Миллсу. Вечер закончился изъявлениями взаимных дружеских чувств, все отъезжающие на свои посты за границу обменялись адресами с остающимися. Большинство не удержалось от того, чтобы не похвастаться новыми назначениями, поскольку почти все получили повышения.

Несколько человек направлялись в Пекин. Многие ехали в Гонконг. Американец Бредт возвращался в США.

— А ты, Гордон? — спросил он меня.

Пока поживу здесь, потом двину в Китай.

— Что ж, может быть, еще увидимся.

— Вполне…

Бредт знал, что, как американца, в группе его недолюбливали, и поэтому общался главным образом со мною и Поупом — канадцы были как бы двоюродными братьями и англичанам и американцам.

— Слушай, Гордон, хочу поделиться с тобой открытием, — начал он, чуть покачиваясь и стараясь глядеть мне прямо в глаза. — Только об этом — ни-ни…

— Хорошо…

— Так вот, кроме нас с тобой, все тут, в этой группе… Догадываешься?

— Студенты, вернее, выпускники Лондонского университета.

— Черта с два! Разведчики! Вот кто…

— Ты уверен в этом?

— Так же как и в том, что сейчас со мной беседуешь ты, а не Мэрилин Монро без бюстгальтера…

И он стал приводить различные доводы в подтверждение своего открытия. Я же, естественно, упрямо продолжал настаивать, что это не так.

— Повторяю Гордон, что, кроме нас с тобой, здесь все из разных секретных служб.

Бредт, разумеется, был не совсем точен, однако я не мог сказать ему, в чем заключалась его ошибка. Американец наверняка сам узнал об этом много лет спустя из газет… Но уж если Бредт, который часто сталкивался с канадцами, без колебаний принимал меня за канадского коммерсанта, прожившего много лет в США, то я мог уже с уверенностью сказать, что акклиматизация закончена… А через несколько дней мне вместе с поздравлением по случаю успешного окончания Лондонского университета пришло из Центра новое задание…

БИЗНЕСМЕНОМ ХОРОШО, А ШПИОНОМ ХУЖЕ…
Трофим Молодый

Самый удачный и самый трагический период «двойной» жизни отца пришелся на Англию. Там он добился немалых успехов в нелегальной разведывательной работе.

Начнем с того, что у отца наладились надежные и оперативные каналы связи с Центром. Конечно, в этом ему помог опыт работы в США. Значение надежной связи невозможно переоценить. Ведь недаром же говорят: «Без связи нет разведки». И действительно, какая польза даже от самой ценной добытой информации, если ее нельзя передать в Центр? Вот почему каждый разведчик уделяет этому вопросу самое большое внимание. В наш век, когда появились быстродействующие радиопередатчики, совершенные средства тайнописи, микрофотография и немало других технических новшеств, казалось бы, связь не представляет особых трудностей. Это, конечно, неверно, поскольку контрразведка тоже не дремлет и усиленно ищет «противоядие», также используя новейшие достижения науки и техники. В обеих областях происходит своеобразное соревнование, и вперед выходит то одна, то другая сторона. В каждом конкретном случае важно быть хотя бы на шаг впереди противника. Отцу это удалось благодаря еще и тому, что к нему летом 1954 года прибыли два опытных помощника — супруги Коэн, или Крогер, которые раньше работали с Абелем.

Вот что сообщает о Крогерах-Коэнах недавно вышедший для «избранных» читателей справочник «Ветераны внешней разведки России».

«Моррис Коэн родился 2 июля 1910 года в Нью-Йорке в семье выходцев из России. Его отец был родом из-под Киева, а мать родилась в Вильно. Еще до революции семья Коэнов эмигрировала из России и поселилась в Нью-Йорке, в районе Ист-Сай-да. Здесь Моррис окончил колледж, в котором прославился как отличный игрок в регби. Семья была небогатой, и полученная юным Моррисом спортивная стипендия позволила ему поступить в Колумбийский университет, который он окончил в 1935 году. Работал преподавателем истории в средней школе.

Гражданская война в Испании не оставила равнодушным М. Коэна. В составе интернациональной бригады им. Линкольна он участвовал в борьбе против испанских фашистов в 1937–1938

годах. Был ранен. Отважный американец, ненавидевший фашизм, попал в поле зрения советской внешней разведки. Он дал согласие оказывать органам госбезопасности помощь в борьбе против фашистской угрозы и в 1938 году был привлечен к секретному сотрудничеству с разведкой. В ноябре того же года по заданию Центра М. Коэн был направлен в США в качестве агента-связника.

Со своей будущей женой Леонтиной Терезой Петке, родители которой переселились в США из Польши, он познакомился на антифашистском митинге в Нью-Йорке. В начале 1941 года они поженились. Леонтина с готовностью согласилась помогать мужу в сотрудничестве с советской разведкой. Во время войны, в 1942 году, Моррис был призван в армию. Он участвовал в боях против нацистов в Европе. В ноябре 1945 года был демобилизован и возвратился в США. В декабре того же года им была восстановлена связь с нашей резидентурой. Хотя гитлеровская Германия была повержена и прямой угрозы возрождения фашизма не просматривалось, М. Коэн без колебаний дал согласие продолжать сотрудничество с советской разведкой.

В 1949 году супруги Коэны были переданы на связь разведчику-нелегалу В. Фишеру, известному всему миру под именем Рудольфа Абеля. С ним они работали до 1950 года, когда в связи с угрозой провала супругов Коэн Центр принял решение об их выезде в Советский Союз. Они работали в Центре, а в 1954 году было решено направить их в Англию в качестве агентов-связников другого знаменитого разведчика — К. Молодого, который выступал там под именем Гордона Лонсдейла (оперативный псевдоним — Бен).

Поскольку американским спецслужбам было известно о связях супругов Коэн с советской разведкой, в Великобританию они прибыли с паспортами на имя супругов Питера и Хелен Крогер, граждан Новой Зеландии. Они приобрели небольшой дом в двух километрах от базы ВВС Нортхолт под Лондоном, где оборудовали радиоквартиру для связи с Москвой. Близость к военной базе, а также использование быстродействующей портативной радиостанции исключали перехват радиопередач разведчиков в Центр. За пять лет активной деятельности (с 1955 по 1960 год) нелегальная резидентура добыла в Великобритании и передала в Центр большое количество важных секретных материалов (в том числе по ракетному оружию), получивших высокую оценку специалистов…

Леонтина Тереза Коэн родилась в Массачусетсе 11 января 1913 года в семье выходца из Польши Владислава Петке. В молодости принимала участие в политической деятельности.

Являлась членом компартии США, была профсоюзной активисткой.

С будущим мужем, М. Коэном, познакомилась в Нью-Йорке на антифашистском митинге. В 1941 году они поженились. Моррис Коэн сотрудничал с советской разведкой, и по его наводке была завербована Леонтина. Она без колебаний дала согласие оказывать помощью органам госбезопасности в борьбе против нацистской угрозы. В годы войны использовалась в качестве агента-связника резидентуры в Нью-Йорке. По заданию Центра она добыта в Канаде образцы урана.

В августе 1945 года Л. Коэн выехала в курортный город Альбукерк, расположенный неподалеку от секретной атомной лаборатории США в Лос-Аламосе. Для обеспечения личной безопасности запаслась справкой от врача, удостоверяющей необходимость прохождения курса лечения легких в этой курортной зоне. В течение месяца ожидала встречи с агентом советской внешней разведки, который должен был передать ей секретные документы по созданию атомного оружия в США. Наконец встреча состоялась. Оказалось, что агент перепутал дату встречи. Он передал ряд ценных материалов по атомному оружию. На вокзале в Альбукерке ФБР организовало тщательную проверку пассажиров и их багажа, что объяснялось жестким режимом секретности вокруг атомных объектов. Леонтина не растерялась. Сделав вид, что ищет билет, она сунула проверяющему коробку с салфетками, в которой были спрятаны полученные документы. Ответив на вопросы агента ФБР и предъявив билет, разведчица направилась в вагон, как бы позабыв о коробке, которую ей возвратили без проверки.

После войны ее муж Моррис демобилизовался из армии и возвратился в США. Супруги Коэн в этот период являлись агентами-связниками нью-йоркской резидентуры. Однако в 1945 году из-за начавшейся в стране кампании шпиономании связь с ними была временно прекращена и восстановлена в 1948 году. Они были включены в состав резидентуры разведчика-нелегала В. Фишера, известного под именем Рудольфа Абеля.

В 1950 году в связи с угрозой провала супруги Коэн были выведены в Москву и работали в подразделении нелегальной разведки. Здесь Леонтина прошла дополнительную специальную подготовку для работы радистом-шифровальщиком…»

Но вернемся к нашему герою.

…Прошло время, и Крогеры сообщили отцу, что считают себя достаточно хорошо обосновавшимися на новом месте и готовы к выполнению активных заданий. Учитывая их способности к созданию связей, Москва посоветовала поручить Крогерам

разработку Портонского центра по изучению микробиологических методов ведения войны. К этому времени отец успел получить из Центра довольно обширную информацию о проводимых в Портоне работах и занятых там научных сотрудниках.

Особый интерес Центр проявлял к группе бывших нацистских ученых, нашедших в Портоне надежное убежище. Все они занимались, как удалось установить, экспериментами, связанными с бактериологической и психохимической войной. Потенциально эти виды оружия значительно опаснее, скажем, водородной бомбы. Специалистам хорошо известно, что даже с помощью «обычных», если можно так выразиться, средств бактериологической войны можно заразить 60 тысяч квадратных километров, используя лишь 250 килограммов смертоносного «материала». Разрушительная сила водородной бомбы мощностью в 20 мегатонн примерно в 15 раз уступает этому оружию. Микробы, разрабатывающиеся в лабораториях Портона, позволяли, по словам английского ученого Роберта Уотсона Уатта, получить вещество, двухсот граммов которого достаточно, чтобы умертвить все население земного шара. Там же, в Портоне, изучалась так называемая аэробиология, или наука о методах заражения воздуха жидкими или твердыми микроорганизмами, находящимися в аэрозольном состоянии…

Портон — это небольшой поселок, расположенный в районе Солсбери. Низина с чахлой растительностью, которую в Англии называют солсберийской равниной, давно стала традиционным местом расположения воинских частей и артиллерийских полигонов, где проводятся военные учения. Сам научный центр не производит большого впечатления: немного домиков, разбросанных среди неухоженных деревьев и кустарника, и несколько низких строений казарменного типа. Вся территория огорожена.

Сведения об этом объекте стекались к отцу из самых разнообразных источников. Особенно обеспокоили сообщения из ФРГ о том, что немецкие специалисты, работающие в Портоне, поддерживают конспиративную связь со своими соотечественниками в Западной Германии. Работая на английское правительство, эти бывшие нацисты оставались верными своим старым убеждениям. Можно было не сомневаться, что они при первой возможности передадут своим единомышленникам наиболее опасные образцы разрабатываемого в Портоне оружия…

Благодаря успешной работе Крогеров, у отца вскоре появились подробные досье на многих сотрудников Портона. С помощью Центра эти досье были расширены. Помимо справок о

научной квалификации и практической работе этих лиц, в этих досье содержались сведения, касающиеся их личной жизни в прошлом. В частности, отцу удалось, используя полученный компромат, заставить некоторых специалистов бросить эту работу. Так, в частности, досье одного из немецких специалистов свидетельствовало о том, что во время войны он производил опыты над заключенными в немецких концентрационных лагерях. Это было прекрасно известно и его английским хозяевам. Более того, он продолжал работать над той же проблемой и в Портоне. Только теперь ему приходилось использовать для своих экспериментов обезьян и других животных. Работы были строго засекречены, и простые, так сказать, англичане даже не подозревали о существовании такой лаборатории на территории страны.

Однако не без участия отца в газетах появились сообщения о таинственной гибели в лаборатории научного сотрудника доктора Джеффи Бэкона. Когда стало известно, что Бэкон умер от чумы, в прессе поднялась страшная шумиха. Общественность, особенно жители этой местности, негодовали. Прозвучали требования о немедленном закрытии этого опасного исследовательского центра. Затем, как по мановению волшебной палочки, все затихло. Спустя три недели в этом же учреждении произошел сильнейший взрыв… Английские спецслужбы решили замести следы…

Параллельно с изучением Портона отец со своими помощниками занимался рядом других дел. Им удалось, в частности, точно установить, что ассигнования на английскую разведку непрерывно возрастают с каждым годом, и достаточно точно определить основные направления, по которым использовались эти дополнительные средства. Однако общее направление было сконцентрировано на сокращении усилий в периферийных, если можно так выразиться, районах земного шара и максимальное усиление разведывательной и подрывной деятельности против СССР и других социалистических стран. Это, конечно, не мешало английской секретной службе вести активную работу и против многих капиталистических стран, втом числе членов НАТО. Такие сведения были очень важны для советской разведки, тем более что отцу удалось получить подлинные документы, подтверждающие сей факт. Впрочем, ничего удивительного тут не было. Издревле известно, что разведка необходима в стане друзей, ибо в один прекрасный день они могут превратиться во врагов.

Отцу вместе с Крогерами удалось также определить основные направления развития английской промышленности в области

ядерной энергии как для военных, так и для мирных целей. Они определили не только сферы наибольших разногласий между англичанами и американцами в этой области, но выявили целый ряд конкретных пунктов этих разногласий, в особенности в области обмена информацией об атомном оружии и атомных двигателях для подводных и надводных кораблей. С большим трудом, ценой важных уступок англичанам удалось тогда добиться получения от американцев атомного двигателя для своей подводной лодки «Дредноут». К тому же американцы подсунули тогда двигатель весьма устаревшего типа, который когда-то был установлен на первой американской атомной подводной лодке «Наутилус»…

Кстати, об атомных двигателях. Первые секретные материалы о них отец получил от своего агента Гарри Хаутона, наводка на которого пришла из Москвы. Отца попросили обратить внимание на этого английского офицера, работавшего в Центре по испытанию подводного оружия на территории военно-морской базы в Портленде. Под подводным оружием подразумевалось различное гидроакустическое оборудование для обнаружения подводных лодок, которому Англия, как островная держава, всегда уделяла огромное внимание. Отцу было сказано, что Хаутон, по всей вероятности, имеет широкие связи в Портоне. Судя по информации, полученной из Москвы, в начале пятидесятых годов он работал в аппарате военно-морского атташе английского посольства в Варшаве и имел контакты с польской разведкой. Согласно имевшимся данным, там он весьма усердно занимался махинациями на черном рынке и беспробудно пьянствовал. После какой-то пьяной выходки на дипломатическом приеме он был отправлен обратно в Англию еще до окончания срока своей командировки. Соответствующая служба КГБ знала, что, благодаря операциям на черном рынке, Хаутон привык жить на широкую ногу, и можно было предполагать, что, вернувшись на родину, он нуждается в деньгах…

Отец собрал сведения о Гарри. Оказалось, что он жил в передвижном домике на колесах. Подобные «караваны», как их называют в Англии, разбросаны по всей стране. В них живут даже семьи с детьми. Первоначально «караваны» строили для автотуристов. Во время войны их использовали в качестве времянок на стройках. Потом они превратились в постоянные жилища и нередко представляют собой нечто вроде мобильных трущоб. Факт проживания в «караване» свидетельствовал о том, что Хаутон уже успел растранжирить деньги, заработанные им в Польше. Однако, несмотря на это, он по-прежнему любит выпить

и пофорсить перед своими знакомыми.

По согласованию с Центром отец до мелочей разработал план похода к Хаутону. Было решено использовать в этой операции и американский акцент отца… В один прекрасный день на рабочем столе Хаутона зазвонил телефон.

— Хаутон слушает…

— Здравствуйте, господин Хаутон. С вами говорит помощник американского военно-морского атташе в Лондоне капитан второго ранга Алек Джонсон, — представился отец.

— Слушаю вас, господин капитан второго ранга! Чем могу служить?

— Меня просил передать вам большой привет один наш общий знакомый. Вы его знали по Варшаве, когда он, как и вы, служил в американском посольстве.

— Очень благодарен вам, сэр, — весьма уважительно ответствовал Хаутон.

— Наш общий знакомый просил передать, что он с огромным удовольствием вспоминает о ваших совместных коммерческих операциях…

— Совершенно верно, сэр, — торопливо перебил отца Хаутон. — Я бы предпочел вести этот разговор у себя дома. Быть может, вы зайдете как-нибудь к бывшему старшему унтер-офицеру королевского флота? Кстати, откуда вы сейчас говорите?

— Я нахожусь по делам в Портоне. Мог бы заскочить на часок сразу после работы сегодня вечером.

— Отлично, сэр. Буду ждать вас в половине шестого. Вот мой адрес…

Отец сделал вид, что записывает уже хорошо известный ему адрес и попрощался с Хаутоном.

Пока все шло по плану. Хаутон пригласил отца к себе, что и требовалось в качестве первого шага. «Караван» бывалого моряка бросил якорь в Веймуте всего лишь в нескольких минутах езды от места его работы. Вид у этого «каравана» был крайне обшарпанный. Внутри он тоже производил впечатление времянки. Тем не менее, учитывая мягкий климат на юго-восточном побережье Англии, жить в нем было можно. К домику были подведены электричество и вода. Готовил Гарри на газовой плитке с баллоном. В «караване» имелся закуток для душа и туалет. Ничего лишнего в жилище Хаутона не было, если не считать проигрывателя и полочки с пластинками. Отца при первом посещении Хаутона поразило полное отсутствие книг и сразу же стало ясно, что он далек от «сладкой жизни» и нуждается в средствах. Отцу было известно, что Хаутон получает небольшую пенсию за службу на флоте и не очень высокую

зарплату. К тому же, когда он открыл шкаф, сразу стало ясно, куда здесь идут деньги. Полки были забиты пустыми бутылками. Однако нашлась и едва початая бутылка джина, этого традиционного напитка английских моряков.

Хаутон встретил отца радушно и с большим почтением. В каждую фразу он вставлял либо «сэр», либо «коммандер» — так величают капитана второго ранга в английском и американском флотах.

Еще в начале беседы отец показал Гарри свою визитную карточку, на которой было напечатано: «Коммандер Алек Джонсон, помощник американского военно-морского атташе. Лондон». Номера телефона там не было. Отец рассказал Хаутону о служебных и личных успехах их «общего знакомого», которого он лично никогда не видел. Однако все сказанное соответствовало действительности. Об этом позаботился Центр. Подождав, пока Хаутон пропустит несколько рюмок джина, отец не торопясь перешел к делу. Он намекнул своему новому знакомому, что приезжал в Портленд с целью проверки выполнения англичанами договорных обязательств по обмену военно-технической информацией. Захмелевший было Хаутон встрепенулся и стал с интересом слушать своего гостя, который сообщил, что у американского командования есть веские основания подозревать своих британских союзников в недобросовестности.

— Сегодня, — развивал свои идеи отец, — к своему величайшему сожалению, я убедился, что это так. Что делать, такова жизнь!

— Но это же черная неблагодарность. Во время войны вы спасли нас от поражения, а теперь…

— Ничего не поделаешь. Просто нам придется искать обходные пути. Неофициальные, но более надежные. Мы — народ щедрый, и всегда находятся люди, готовые нам помочь.

Гарри слушал отца очень внимательно. Когда тот сделал паузу, он тут же налил еще джина и предложил выпить за успехи в работе. Отец поблагодарил и сразу же понял, что его критика министерства обороны и командования королевского флота попали в цель. Оказалось, что Хаутон давно затаил обиду на «начальство». Он столько лет служил на флоте, участвовал во многих опасных операциях, но так и не стал офицером.

— И еще оказывается, что наше начальство обманывает своих союзников, — продолжал возмущаться Хаутон. — Скажите, как можно вам помочь?

Конечно, отец не мог судить, насколько искренним было возмущение Хаутона вероломством своего начальства. Впрочем,

для него важнее представлялась заинтересованность Хаутона. Отец разъяснил, что его ведомство интересуется сведениями общего характера, то есть какое новое оборудование испытывается у англичан и каковы результаты этих испытаний. Конечно, сказал отец, любые сведения также могут оказаться полезными. Естественно, тут же возник вопрос о порядке вознаграждения за подобные услуги. И Хаутону была обещана солидная сумма наличными… Конечно, было нецелесообразно говорить конкретно на эту тему в первый же вечер. Нужно было сначала установить хорошие деловые отношения с ним, показать ему, что его не обманывают, а уж после этого поинтересоваться его связями в Портоне и некоторых других заведениях. Впрочем, в тот вечер новый знакомый отца тут же передал ему несколько морских карт, которые почему-то «на всякий случай» оказались у него дома.

Вполне возможно, что ему уже приходилось и раньше торговать этим «товаром». Передавая карты, Хаутон сказал, что их можно не возвращать. Бегло осмотрев «первую поставку», отец сказал Хаутону, что карты, как и сведения, сообщенные им, представляют ценность для американского флота, и пообещал ему щедрое вознаграждение за помощь в будущем. Чтобы не оставалось сомнений на этот счет, отец тут же преподнес Гарри в качестве аванса очень дорогую зажигалку фирмы «Данхил» в корпусе из чистого золота. А затем попросил его достать кое-какие секретные материалы. Тот с готовностью согласился, и новоиспеченные приятели договорились о встрече в Лондоне через месяц…

Прошло некоторое время, и Хаутон, встретившись в отцом, сам выступил с интересным предложением. Он сказал, что может достать весьма важные документы через свою очень близкую приятельницу Элизабет Джи по прозвищу «Банти». У нее, мол-де, имелся доступ к материалам, касающимся военных планов НАТО, военно-морских маневров, проводимых Англией совместно с ее союзниками, и к другим секретным бумажкам, которые могли оказаться полезными для советской внешней разведки. Отец принял это предложение, ибо Банти, работая делопроизводителем, имела доступ практически ко всем секретным документам, имевшимся в ее учреждении, и могла снимать копии для своего «клиента».

С самого начала Джи произвела на отца благоприятное впечатление. У нее, видимо, никогда не было никаких сомнений в том, что она помогает офицеру американского военно-морского флота. Нельзя сказать, что она была очень привлекательной, но в ней чувствовалась сильная, быть может, даже незаурядная натура.

Как человек, она была значительно чистоплотнее и лучше Хаутона… Отец поэтому пытался убедить его жениться на Джи и перестать гоняться за каждой юбкой, которая попадала в его поле зрения. Иногда он приводил примеры из жизни, когда из-за ревности женщины шли в полицию и доносили на своих любовников или мужей. В ответ на эти проповеди Хаутон утверждал, что сама Банти не согласна пока выходить замуж, так как собирается прожить с матерью и дядей до их смерти. Они, особенно дядя, были очень богатыми людьми, и она хотела, чтобы наследство досталось только ей. Что же, видимо, не надо осуждать ее за это…

Шло время, и Хаутон постепенно осваивал азы своей новой профессии. Отец научил его пользоваться фотоаппаратом, и это значительно облегчило работу. Правда, качество его документального фотографирования часто оставляло желать лучшего. Тем не менее это было большим шагом вперед, так как стали поступать копии и тех материалов, которые Хаутон и Джи получали только на короткое время и не успевали показывать отцу. Чтобы облегчить доставку материалов с территории полигона, Хаутон купил на деньги отца малолитражный автомобиль. Позднее на средства из того же источника он приобрел небольшой домик и расстался со своим «караваном». Домик был обставлен очень уютно и комфортабельно. Короче говоря, на советскую разведку Хаутону обижаться не пришлось…

Знакомясь с Англией, отец обратил внимание на почти полное отсутствие там музыкальных автоматов, которые иногда называют почему-то «меломанами», к которым он успел привыкнуть в США и Канаде, где они стоят буквально в каждом кафе, баре и даже самой маленькой забегаловке. Когда отец был особенно озабочен поисками нового прикрытия, или «крыши», как говорят на шпионском жаргоне, то увидел рекламу «меломанов» в одной из лондонских вечерних газет. Он списался с фирмой, и вскоре его посетил ее владелец Питер Эйрс. На первой встрече он довольно убедительно доказал отцу преимущества приобретения «меломанов» вообще и у его фирмы в частности. В продажную цену входило и подыскивание подходящего места для эксплуатации музыкальных автоматов. Договорились о том, что отец купит их пять штук. Следует заметить, что в Англии «меломаны» стоят около 500 фун-г тов каждый, и для студента (а отец тогда был, так сказать, студентом) — это невозможная сумма. Как же ему удалось купить сразу пять штук? Конечно, можно было бы испросить средства у Центра, но он предпочел как верный ленинец «пойти другим путем». Просто решил купить их в рассрочку на два года, уплатив 10 процентов стоимости в

качестве задатка. Теоретически рассуждая, «меломаны» должны были сами оплатить остальные 90 процентов из текущих доходов, в результате чего по прошествии двух лет отец должен был стать законным владельцем пяти автоматов общей стоимостью в 2500 фунтов стерлингов. Это было кое-что, особенно для студента…

Так, еще до окончания своей учебы в Лондонском университете отец стал владельцем «цепочки» автоматов, которые, как казалось посторонним, приносили ему приличный доход и открывали отличные коммерческие перспективы. Вскоре «меломаны» стали предметом зависти и бесконечных расспросов в студенческой среде. В этот период отец регулярно встречался с Питером Эйрсом и через него познакомился с целым рядом дельцов, занятых продажей и эксплуатацией самых разнообразных автоматов.

Вскоре Эйрс предложил отцу стать партнером в его фирме, которая нуждалась в расширении. Он должен был стать одним из директоров фирмы и ее лондонским представителем. За это ему предложили еженедельную зарплату, а в конце года одну треть прибыли. Кроме того, отец должен был получать два фунта в неделю за использование своего фургона, а также компенсацию всех расходов, связанных с его эксплуатацией. Вступление в фирму послужило убедительным предлогом для отказа от возвращения в Канаду. В паспорт отца в графу «профессия» было внесено соответствующее изменение. Из «техника» он превратился в «директора фирмы», и ему можно было уже не беспокоиться о легализации прикрытия…

Работать в фирме приходилось очень много, особенно в первое время. Фирма регулярно рекламировала свою продукцию, и в обязанности отца входило посещение многочисленных клиентов, которые проявляли интерес к автоматам. Значительная часть времени тратилась, правда, впустую, так как зачастую в фирму обращались люди, не имевшие ни копейки. На отце лежала также переписка фирмы с клиентами, и тут ему очень помогло умение печатать на машинке вслепую. Этому он научился еще в США, где и приобрел машинку.

Хотя коммерческая деятельность и отнимала много времени, это не мешало отцу заниматься своей основной работой. Дело в том, что в лондонском отделении фирмы он был старшим и мог располагать своим временем по собственному усмотрению. Лишь бы торговля шла нормально и клиенты не жаловались. Через год с небольшим Эйрс предложил организовать вторую фирму, поставляющую автоматы, торгующие жевательной резинкой.

В целом можно было считать, что прикрытие начало функционировать нормально и дало отцу возможность успешно

заниматься разведывательной работой. Некоторое время его это страшно радовало, но позднее разведчику захотелось создать такую «крышу», которая, с одной стороны, укрепила бы его общественное положение и, с другой, требовала бы меньше времени и сил на коммерческую работу. Короче говоря, отцу было бы недурно ради интересов дела разбогатеть любым, естественно, законным способом.

Отец долго искал подходящий случай и однажды даже заработал несколько сот фунтов, играя на бирже. Вообще-то он никогда не увлекался азартными играми и за время пребывания в Англии ни разу не поставил ни одного шиллинга на лошадей или собак, хотя там этим увлекается большинство населения. Что касается биржи, то один его знакомый имел близкую приятельницу, которая в то же время являлась любовницей крупного биржевика. От нее приятель отца своевременно узнавал о предстоящем повышении некоторых акций и покупал их, а затем продавал, как только они повышались в цене. Однако биржевой бизнес был слишком ненадежным и рискованным, и отец продолжал поиски… Удача пришла неожиданно. Один из коммивояжеров фирмы отца, некто Томми Рурк, сказал, что имеет к нему серьезное предложение. Действительно, коммивояжер оказался очень интересным человеком. Большую часть своей жизни он провел в Бирме. Там он дослужился до сравнительно неплохой пенсии и, вернувшись в Англию, занимался изобретательством. Ему удалось создать некое электронное устройство против воров. Это устройство подключалось к замку, например в автомобиле, и после этого замок не действовал до тех пор, пока не была набрана соответствующая комбинация. В противном случае срабатывал сигнал или начинали мигать фары. Устройство было запатентовано и одобрено различными специалистами. Однако старик Рурк никак не мог запустить его в производство и продажу из-за отсутствия денег. И посему он предлагал отцу привлечь партнеров с деньгами для создания фирмы по производству и продаже этого устройства. Идея показалась отцу заманчивой, и он сумел убедить четырех знакомых коммерсантов вложить в это дело определенную сумму денег. Фирма была создана, и вскоре первые образцы продукции поступили на рынок. Успех пришел не сразу, но все же дело постепенно развивалось, и отец стал постепенно отделываться от своих автоматов. Наконец, в марте 1960 года наступил перелом. Отец как директор фирмы по сбыту повез устройство на международную выставку в Брюссель. И ко всеобщему изумлению, устройство получило Большую золотую медаль как «лучший британский экспонат»!

…Дома до сих пор хранится фотография, на которой изображены изобретатель с медалью в футляре и мой отец с дипломом о награждении. Случайно два перекрещенных английских флага оказались как раз над его головой… После этой удачи дела у фирмы пошли отлично. Дошло даже до того, что одна крупная автомобильная компания захотела купить фирму отца за довольно приличную сумму. Компаньоны отца были склонны принять это предложение, но он отговорил их, рисуя радужные перспективы в самом недалеком будущем. На самом деле он, естественно, не хотел заново начинать коммерческие дела, даже имея солидную сумму денег, ибо работа по прикрытию отнимала у отца очень много времени. Гораздо больше, чем бывшая учеба в университете и коммерческая деятельность. Ведь главным делом была разведка. Эту работу условно можно было разделить на две основные части. Во-первых, регулярная, то есть систематическое добывание секретной информации из постоянных источников, проведение соответствующих встреч, инструктажей, тайниковых операций и прочее, а также обеспечение доставки этой информации в Центр. И во-вторых, разовая, то есть отдельные и часто совершенно неожиданные задания. К примеру, однажды в резидентуру поступили сведения о том, что английская разведка при активном участии ЦРУ разработала вопросники по сбору информации практически во всех странах мира. Эти сведения поступили из не слишком надежного источника, но все же отец включил их в очередное донесение в Центр. Прошло несколько недель, и вдруг неожиданно из Москвы пришла «молния»: приложить максимальные усилия, чтобы добыть эти вопросники. В помощь был даже специально выделен человек, который приехал для этого в Лондон… Задание было выполнено ранее указанного Центром срока. Более того, резидентуре отца удалось добыть подлинники вопросников не только по социалистическим странам, но и по всем остальным государствам, включая союзников Англии. Вопросник по СССР состоял из трех разделов и настолько раскрывал истинные устремления руководителей английской разведки и их американских партнеров, что его стоит привести почти полностью.

Раздел первый был озаглавлен «Сведения особой важности»:

«План экономического развития СССР, в частности сведения о военной промышленности и мероприятиях по координации экономики стран социалистического блока в рамках СЭВ или вне его.

Развитие авиации, строительная программа, размеры производства и ресурсы; ввод в эксплуатацию новых самолетов,

авиационного оборудования.

Воздушная оборона советского блока и увязывание системы управления и оповещения с ПВО и другими авиационными соединениями. Места нахождения радиолокационных установок.

Состав Советских вооруженных сил: дислокация, нумерация, адреса, включая номера почтовых ящиков всех частей; наличие специальных частей, имеющих на вооружении атомное, бактериологическое и химическое оружие, а также ракеты; переброска и смена частей; оснащение, организация и тактика воздушно-десантных частей; сведения о призыве в армию и увольнений из нее; боевая подготовка и тактика частей.

Аэродромы. Местонахождение и строительство новых аэродромов, сооружения (уделять в первую очередь внимание сооружениям для хранения ядерного оружия)… Аэродромы с длинными взлетно-посадочными дорожками (более 3 тысяч ярдов) представляют особый интерес.

Вооружение и снаряжение Советской Армии.

Местонахождение и расположение стартовых площадок для ракет класса «земля — воздух» и сведения о самих ракетах.

Сведения о подводных лодках.

Организация и деятельность советской разведки.

Атомная энергия, научные исследования и новые усовершенствования в этой области для мирных и военных целей.

Ракеты (для целей обороны и наступления), усовершенствования; тактико-технические данные, характерные особенности, местонахождение (особенно боевых стартовых площадок), организация, численность и дислокация войск, имеющих на вооружении ракеты.

Усовершенствования и исследования в области электронной техники: все типы радиолокационных установок (наземные, корабельные, авиационные, по управлению огнем истребителей, по наведению ракет), гражданские средства связи, телесвязь, радионавигационные средства, радиовзрыватели, средства, мешающие работе радиоустановок, приборы для ведения подводной войны (обнаружение погруженных подлодок, наведение боевых подводных средств, ультразвуковое обнаружение).

Металлургия. Данные о новых материалах и новых методах использования существующих материалов в промышленности СССР; детали и оборудование оружия и транспортных средств (например, составные части особо важных деталей ракетных двигателей и фюзеляжных самолетов), сплавов, например, титана».

Второй раздел касался просто «важных сведений». Вот

отдельные вопросы из него:

«Продажа золота и поставки иностранной валюты как средства поддержания устойчивости экономики в странах советского блока.

Любые признаки изменения внутренней организации и политики Советского правительства.

Сведения об экономических затруднениях, вызванных невозможностью импортировать отдельные товары из западных стран…

Сведения о текущем положении в промышленности, особенно об общей мощности заводов, строительстве новых заводов, электростанций и автоматизации.

Вывоз нефти из советских портов, сведения о советском торговом флоте.

Снабжение Советской Армии, ее оснащение и тактика. Мобилизационные планы советских ВВС.

Сведения о советских ученых всех отраслей науки, включая подробную характеристику их подготовки и квалификации, о прежней работе и работе, выполняемой в настоящее время, краткие личные характеристики этих ученых».

Третий раздел назывался: «Выяснить по возможности». Из него стоит привести лишь один вопрос:

«Имена, должности, деятельность и личные качества офицеров в чине от майора и выше». Этот пункт имелся в вопросниках по всем странам социалистического содружества…

Что касается разовых заданий, то они всякий раз создавали все новые и новые проблемы… Так, например, в 1956 году отцу было поручено выехать в одну из западноевропейских стран для того, чтобы передать своему коллеге микропленку с исключительно важной информацией. По дороге отец решил заехать в Париж, где ему необходимо было повидаться еще с одним нужным человеком. Оформив транзитный полет с остановкой в Париже на несколько часов, отец вылетел из Лондона. Через час с небольшим самолет приземлился на аэродроме Орли. Пассажиры пошли в здание аэровокзала. Не успели они войти в зал ожидания, как рупоры местной связи разнесли приглашение «господину Лонсдейлу подойти к окошечку иммиграционного чиновника». Вы, конечно, можете представить, что почувствовал он в тот момент. Пленка находилась у него в кармане. Спрятать ее было некуда. Смотаться он также никуда не мог, ибо пассажиры еще не прошли паспортного и таможенного контроля. Чтобы выиграть время, он решил сделать вид, что не слышал объявления. В голове у него вихрем мелькали самые разнообразные мысли о том, как выйти

из положения. А через минуту голос диктора снова попросил его подойти к окошечку, на этот раз срочно. К этому времени отец уже принял решение. Сохраняя внешне полное спокойствие, он подошел к иммиграционному окошку. Но не успел открыть рот, как к нему подскочила хорошенькая стюардесса.

— Вы мсье Лонсдейл?

— Да. В чем дело?

— Вы транзитный пассажир, — улыбнулась стюардесса. — Поэтому мы оформим вас вне очереди и доставим в город на автомобиле, а не на автобусе, «Эр Франс» стремится сделать все для того, чтобы даже транзитные пассажиры имели возможность хоть немного полюбоваться Парижем.

Опекаемый жизнерадостной стюардессой, побледнев от переживаний отец вне очереди прошел паспортный и таможенный контроль, а через несколько минут уже мчался в Париж, развалясь на сиденье шикарного лимузина. Остальная часть его поездки прошла без каких-либо осложнений. Спустя два дня его материал был в Центре…

Естественно, нельзя думать, что отец был по горло загружен разведывательной работой и коммерческой деятельностью. Ему нужно было вести себя естественно, показываясь в обществе в свободное от работы время. Как же его проводит разведчик? Да, в общем, как обычный человек…

И все же разведывательная работа подобна обстановке на передовой фронта. Во время затишья, когда боец находится в обороне, он не думает о том, что в его окоп или землянку может попасть в любой момент снаряд или мина. С этим он просто свыкается. Совсем иное дело, когда тот же боец идет, скажем, в атаку или разведку во вражеский тыл, когда находится под интенсивным артиллерийским огнем или бомбежкой с воздуха. Те, кому пришлось пережить это, поймут. Фронт учит разумной осторожности, позволяет лучше узнать своих друзей и, главное, самого себя. Как и у бойца на фронте, в жизни разведчика бывает немало острых моментов, особенно при выполнении активных заданий. Бывают, как и на фронте, периоды затишья. Именно в такие моменты он начинает ощущать некий дискомфорт и даже тоску. Тогда приходит мысль о том, что в общем-то бизнесменом быть хорошо, а вот шпионом хуже…

Что же, спрашивается, заставляет идти на риск, на длительную разлуку с семьей и всем, что дорого, на беспокойную жизнь в чуждой во всех отношениях среде? Конечно, определенная склонность к авантюризму и естественная любовь к приключениям. Они-то и помогают скрашивать нелегкую жизнь на чужой земле. Трудно передать и объяснить всю ту гамму

чувств, которую переживает человек, выражая согласие стать разведчиком. Главную роль здесь играет понимание долга перед народом, из которого вышел и чью свободу защищал на войне.

Каждому понятно, что разведчик, находящийся в глубоком подполье вдали от родной земли, не переписывается со своей семьей через обычные почтовые каналы. Личные письма идут теми же путями, что и разведывательная информация. Дело это сложное и кропотливое. Бывает, что по нескольку месяцев подряд разведчик-нелегал ничего не получает, кроме кратких сообщений по радио, вроде «дома все в порядке. Жена и дети целуют». Сколько бы ни пробыл разведчик на чужбине, он не может привыкнуть к разлуке со всем тем, что дорого для него. Да, Тургенев правильно сказал, что без каждого из нас Родина может прожить, но любой из нас без Родины прожить не может… Отец говорил, что часто вспоминал эти столь проникновенные слова большого русского писателя. Действительно, отсутствие любого из смертных проходит в общем-то незаметно для общества, если не считать собственной семьи и самых ближайших друзей. Но любой смертный подсознательно считает дни и даже часы, остающиеся до возвращения домой, где ждет мать, жена, сын… Кстати, меня отец зачал в Варшаве, куда приехала на тайную «свиданку» жена Галя. Лондонские приятели считали, что Гордон Лонсдейл отдыхает на Канарских островах.

Кстати, о моем рождении отец узнал из совершенной абракадабры, которую получил из Центра. Связь с Москвой была назначена на ночное время. А у него, как назло, вскочил нарыв на большом пальце правой руки из-за пустяковой какой-то царапины, куда, видимо, попала инфекция. Но что было делать? Точно в назначенное время он услышал позывные передающего Центра и начал было записывать радиограмму. Оказалось, что без большого пальца держать карандаш почти невозможно. Зажав его в кулак, отец не поспевал за передачей. На его счастье, радиограмма оказалась на редкость короткой. Она была повторена. Он записал большую ее часть. Текст с пробелами трудно поддавался расшифровке, но после нескольких часов упорных усилий перед ним лежало примерно следующее:

ПОЗДРАВЛЯЕМ…..53 см…..ЗДОРОВА…..

СЧАСТЛИВЫ…..ТРОФИМОМ…..и что-то еще.

Два дня отец безуспешно пытался отгадать эту головоломку. На его счастье, как раз в эти дни состоялась встреча с его помощницей Хелен Крогер. Обменявшись информацией на тайной встрече, они задержались на несколько минут, чтобы поболтать. Уже расставаясь, отец вспомнил про злополучную телеграмму и спросил Хелен, не знает ли она, в чем тут может

быть дело.

Хелен задумалась на минуту и вдруг спросила:

— Ты ведь женат?

— Да, — ответил отец. — Ты знаешь об этом.

— А вы ждете ребенка?

— Ждем. Но при чем тут это?

— Дурак ты! Ведь 53 сантиметра — это нормальный рост новорожденного. У тебя родился сын. Жена назвала его Трофимом!

В конце шестидесятого года отцу показалось, что он попал в поле зрения контрразведки. Предчувствие было небезосновательным. Вернувшись в Англию после почти двухмесячной командировки, он отправился в отделение Мидлендского банка на Грейт-Портленд-стрит, чтобы забрать портфель с деловыми бумагами, которые оставил там на хранение. Как только он его открыл, то сразу понял, что там кто-то рылся.

Через некоторое время после «банковской эпопеи» обыску подверглась и квартира отца в «Белом доме». Обыск, разумеется, был произведен незаконно, без ордера. Его инсценировали как кражу. Вся операция была проведена довольно небрежно. Чтобы замести многочисленные следы, незваные гости украли отцовские ручные часы-будильник, которые он надевал только по ночам. В то же время «воры» не тронули очень дорогой фотоаппарат, лежавший в том же письменном столе, что и часы. «Воры» явно понимали нелогичность своего поведения при этом налете, но ничего не могли поделать, ибо фотоаппарату еще предстояло фигурировать в качестве вещественного доказательства.

Конечно же, при первых признаках слежки отец немедленно сообщил об этом Центру. Естественно, он не мог быть абсолютно уверен в том, что его персоной заинтересовалась именно контрразведка. В те времена по примеру США в Англии стали появляться многочисленные частные сыскные агентства, которые могли установить слежку за любым человеком, лишь бы им платил за это какой-либо клиент. Центр, естественно, тоже не мог знать причин повышенного интереса к личности отца. Поэтому он получил указание немедленно приступить к свертыванию своей работы, хотя целый ряд заданий носил крайне важный характер и не был еще завершен.

Отцу удалось в основном выполнить указания Центра по обеспечению безопасности его помощников и ряда людей, оказывающих, причем отнюдь не из материальных соображений, весьма ценную помощь. Были вовремя свернуты несколько подготовленных или уже частично проведенных операций.

Правда, не все коллеги и помощники отца по работе признавали наличие серьезной угрозы провала. Некоторые пытались убедить его, что лично у них, мол, все в порядке и посему они могут продолжать работать. Каждый подчеркивал, каких трудов стоило ему проникнуть в страну и надежно осесть там. Особенно упорствовал его радист, который доказывал, что почти никогда не встречался с отцом, ибо они работали почти исключительно с помощью безличной связи и поэтому ему ничего, дескать, не грозит. Пришлось напомнить парню, что приказ Центра обсуждению не подлежит…

В те тревожные дни отец работал, как никогда, напряженно. Вот уж когда ему действительно хотелось плюнуть на всю работу по прикрытию, но этого-то как раз и нельзя было ни в коем случае делать. Английская контрразведка должна была быть уверенной в том, что отец ничего не подозревает. А для этого следовало вести себя так, как будто действительно ничего не произошло. Посему отец продолжал регулярно ходить в свою контору, вести переговоры с клиентами, видеться с друзьями и знакомыми.

Среди последних операций, которые отцу предстояло провести, была назначенная на 7 января 1961 года встреча с Хаутоном. На ней отец должен был сообщить агенту, что уезжает на некоторое время из страны и известит его условным сигналом по почте о следующей встрече.

Свидание с Хаутоном было намечено на улице Ватерлоо-роуд, неподалеку от известного английского театра «Олд Вик». В этом районе мало жилых домов, и во второй половине дня по субботам там буквально нет ни души. По дороге к месту встречи отец, как всегда, тщательно проверился. Слежки не было. Оставив автомашину в нескольких кварталах, он подошел к нужному перекрестку за несколько секунд до назначенного времени. Его часы были выверены по радиосигналу. У разведчиков существует железное правило: никогда не опаздывать и не приходить раньше времени ни на одну минуту.

Свернув за угол, он пошел по Ватерлоо-роуд в южном направлении. Вскоре отец увидел Хаутона и, к своему удивлению, Джи, которую он не ждал. Они переходили дорогу прямо перед ним.

Поздоровавшись, отец сразу же сказал им, что уезжает и известит Хаутона по почте о дате и форме следующей встречи. Когда отец начал прощаться со своими помощниками, Джи сунула ему в руку хозяйственную сумку. В ней, сказала она, все, что отец просил принести Хаутона. В эту секунду послышался скрежет автомобильных тормозов…

СУДЕБНЫЕ ИГРЫ.
Леонид Колосов

«В эту секунду послышался скрежет автомобильных тормозов…»

Конон рассказывал мне эпизод своего ареста неоднократно. И всегда волновался, хотя перед ним сидел всего-навсего старый друг со студенческих времен…

Да, это был полицейский автомобиль. Из него выскочили люди в штатском, и один из них надел на руки сэра Гордона Лонсдейла наручники, вырвав у него предварительно хозяйственную сумку с документами, которую принесла на встречу неожиданно пришедшая с Хаутоном Джи… До конца своих дней Конон так и не пришел к окончательному выводу, было ли это случайностью или заранее обдуманным предательством.

…Полицейский автомобиль мчался, не соблюдая никаких правил. Он пересек Вестминстерский мост, пронесся мимо здания парламента и повернул в сторону Скотленд-Ярда. Справа от Лонсдейла сидел полицейский инспектор Фергюссон-Смит и все время держал его руку, видимо, желая проверить пульс.

— Вы что, врач? — спросил его арестованный.

— Нет. Мы везем вас в Скотленд-Ярд, старина, — ответил он.

Впрочем, Фергюссон-Смит оставил руку Лонсдейла в покое. Видимо, он никак не мог понять, почему подопечный ведет себя так спокойно. Привыкнув работать с уголовниками, он, видимо, не понимал, что разведчики в принципе люди из другого теста. Арест или что-либо более скверное может случиться в любой момент и в любом месте.

Поэтому Лонсдейл, отбросив сиюминутные переживания, принялся лихорадочно перебирать в уме все свои действия в эти последние дни, пытаясь просчитать, кого еще могла прихватить контрразведка. В целом он пришел к выводу, что дела в принципе не безнадежные. Его радист уже благополучно покинул страну. Это же удалось сделать и некоторым другим коллегам, на которых арест Лонсдейла мог отразиться самым пагубным образом.

Затем мысли арестованного обратились к предстоящей встрече с противником в весьма невыгодных для него условиях. Лонсдейлу предстояло в первую очередь встретиться со старшим чином английской полиции. Для уголовника он мог быть наверняка грозным противником, а для разведчика, может быть, и

не очень… В принципе картина, которую Лонсдейл нарисовал в своем воображении, оказалась точной копией Дж. — Дж. Смита — суперинтенданта полиции. В правоте своих предположений арестант убедился, как только переступил порог Скотленд-Ярда. Его провели по бесконечным коридорам и лестницам в помещение Особого управления. В этой святая святых британской полиции, занимавшейся только особо важными делами, Лонсдейла прежде всего поразило полное отсутствие дисциплины. Как только арестованный появился на этаже, занимаемом Особым управлением, из всех кабинетов высыпали средние и мелкие чины, уставившиеся на него, как баран на новые ворота. Стало ясно, что арестованный разведчик в этих стенах явление редкое…

Лонсдейла привели в комнату для допросов. Открыв дверь, он увидел, что стол следователя находится слева. Прямо напротив двери было большое окно, выходящее на набережную Темзы, справа от него стоял второй стол. В комнате было еще и кресло, предназначенное, видимо, для арестованного. Некоторое время он стоял посередине комнаты, окруженный сыщиками, продолжавшими держать его за кисти рук, до тех пор пока не появился Дж. — Дж. Смит. Это была первая встреча лицом к лицу. Живое впечатление о противнике лишь укрепило уверенность Лонсдейла, что борьба может быть на равных. Тут Лонсдейл впервые услышал, что арестован по подозрению в шпионаже. До этого никто не сказал ни слова. Смит приказал раздеть и обыскать арестованного.

Обыск продолжался долго. Содержимое всех его карманов было высыпано на стол. После этого Лонсдейлу была возвращена одежда. Дж. — Дж. Смит приказал сложить все, что было вынуто из карманов арестованного, в большой пакет и уже собирался унести его. Но тут Лонсдейл мягко остановил его, потребовав составления описи его имущества и подсчета отобранных денег.

— Разве вы не знаете, сколько у вас было с собой? — невинным тоном спросил Смит.

— Конечно, знаю. Но я хочу, чтобы это было запротоколировано.

Наконец, опись имущества была составлена и показана арестованному. Он сразу же заметил, что одна из пишущих ручек была записана как «шариковая».

— Минуточку. Это ведь не просто копеечный карандаш. Это дорогая вещь.

И Лонсдейл взял свой золотой «паркер» в руки. «Не трогайте ручку!» — завопил Смит с непередаваемым ужасом. Он, несомненно, считал, что эта ручка представляла собой

замаскированное оружие. Тем более что, взяв ручку, арестант совершенно случайно направил ее конец в сторону Смита. Еще секунда — и тот, наверное, бросился бы на пол. Улыбнувшись, Лонсдейл сказал Смиту: «Вы прочитали слишком много детективных романов…»

Наконец, список изъятого имущества был утвержден. Суперинтендант Смит уселся за письменный стол, предложив Лонсдейлу кресло. Начался допрос. С нетерпением арестант ждал его первой фразы. Она была стандартна: «Нам все известно, и в ваших же интересах сделать чистосердечное признание. Поэтому я рекомендую вам рассказать всю правду».

— Великолепно, — ответствовал ему Лонсдейл. — Раз вы обо всем знаете, то к чему нам терять даром время на разговоры? Между прочим, я нахожусь в Англии уже шесть лет. Кстати, по английскому закону я имею право сообщить своему адвокату о моем аресте.

Вскочив из-за стола, Смит заявил, что должен уйти куда-то и когда он вернется, арестованный может звонить адвокату. Вернулся суперинтендант, правда, через семь часов, а это было уже около трех часов утра…

Пока Смит отсутствовал, при Лонсдейле все время дежурили три детектива при оружии, естественно. Они часто сменялись. Некоторые из них пытались завязать с ним разговор. Кто-то стращал последствиями его ареста, кто-то «сочувствовал», кто-то давал «полезные» советы. Применялись, короче говоря, все стандартные приемы психологической обработки арестованного…

Вернувшись незадолго до рассвета, Смит сообщил, что в квартире Лонсдейла произведен обыск. Найдены шифры и деньги, заявил он и снова завел уже успевший надоесть подследственному разговор о том, что в его интересах сознаться и раскаяться. Лонсдейл еще раз повторил, что не будет отвечать ни на один вопрос, пока не увидится со своим адвокатом. Видимо, почувствовав, что даже суперинтендант Особогоуправления не может до бесконечности попирать закон, Смит сказал, что арестованный может позвонить своему адвокату.

Было уже семь часов утра. Адвокат жил за городом, но удалось разыскать его домашний номер в одной из телефонных книг, имевшихся в комнате для допросов. Подошла жена адвоката и сообщила, что господин Хард спит и лучше позвонить ему попозже. Но ей было сказано, что адвокат нужен по исключительно срочному и важному делу. Хард, взяв трубку, сразу же насторожился, когда услыхал, что его клиент находится в Скотленд-Ярде.

— Если вы арестованы, то почему вас держат в Скотленд-

Ярде? — спросил он. — Туда люди могут являться только добровольно. Арестованных должны содержать в камерах предварительного заключения в полицейском участке.

Лонсдейл ответил, что также был весьма удивлен теми действиями, которые полиция совершила с момента его ареста на улице Ватерлоо-роуд. На лице супера Смита, который слушал разговор, появились некоторые признаки смущения, и сразу же после окончания телефонного разговора Лонсдейла усадили в машину и отвезли в полицейский участок на Боу-стрит. Хаутона и Джи вывезли одновременно с ним, но в другой автомашине…

В полицейском участке на Боу-стрит советский разведчик впервые после ареста увидел Хаутона, который держал себя отнюдь не враждебно, как ожидалось. С тех пор Лонсдейл много думал о его поведении и пришел, видимо, к правильным выводам. Прежде всего, Хаутон был крайне удивлен, увидев, что его шеф оказался в том же положении, что и он, ибо думал, что Лонсдейл обладает дипломатической неприкосновенностью и его наказание сведется к высылке из страны. На него, видимо, произвел впечатление тот факт, что шеф шел на такой же риск, как и он сам, причем делал это по собственной воле. Во-вторых, Хаутон был уверен, что его готовность признаться во всем и сотрудничать с полицией обеспечит ему небольшое наказание. На прогулках он говорил другим заключенным, что рассчитывает получить не более трех лет…

Смит потребовал, чтобы все арестованные дали отпечатки своих пальцев. Хаутон и Джи согласились, а Лонсдейл наотрез отказался. Он также не стал ставить свою фамилию на описи вещей, изъятых при аресте. Дело в том, что в эту опись было без согласия задержанного включено содержание хозяйственной сумки Джи, а сумка была вскрыта в его отсутствие. В то же время по профессиональной привычке Лонсдейл внимательно прочитал и запомнил список секретных документов, обнаруженных в сумке. А вот в обвинительном заключении фигурировала только часть этих документов. Поразмыслив, он догадался, что не упомянутыми оказались те документы, которые касались весьма засекреченной американской деятельности в Европе, и в частности в Англии.

Наконец процедура формального предъявления обвинения завершилась. Арестованных отвели в камеры. В дверях каждой из них имелся небольшой люк для передачи пищи. Полиция оставила эти люки открытыми и разместила всю компанию по соседству, видимо, ожидая, что бывшие коллеги будут переговариваться через коридор и разгласят какие-нибудь тайны. Но Хаутон уже успел рассказать все, что мог, и уговорил Джи

сделать то же самое, а Лонсдейл, естественно, молчал…

Утром следующего дня в камере Лонсдейла появился адвокат. Дверь оставалась открытой, а сопровождавший мистера Харда полицейский предупредительно удалился на почтительное расстояние. Арестованный уже несколько лет знал Харда, ибо часто обращался к нему по делам своих фирм. Он был одним из партнеров хорошо известной в лондонском Сити адвокатской фирмы «Стенли и К°». Хард попросил рассказать, в чем дело. Вместо ответа Лонсдейл передал ему копию обвинения. Адвокат внимательно прочитал обвинение несколько раз. При всей его сдержанности он не смог скрыть глубочайшего изумления. Вот это сюрприз! Его знакомый, удачливый бизнесмен, бывший студент Лондонского университета, член Королевской заморской лиги, который не однажды приглашал его в королевскую ложу, арестован по обвинению в шпионаже! У Харда удивленно полезли вверх брови, но вслух он ничего не сказал. Только глубоко вздохнул, подумал несколько минут и медленно произнес: «Все это не так уж страшно. Вас обвиняют в шпионаже, но здесь нет никаких доказательств передачи государственных секретов потенциальному противнику. Поэтому по закону от 1911 года о сохранении государственной тайны ваше дело должно рассматриваться по статье о незаконном сборе материалов, содержащих государственную тайну. Эта статья предусматривает от трех до пяти лет тюрьмы в отличие от 14 лет за шпионаж».

Лонсдейл был в принципе знаком с законом о сохранении государственной тайны и давно уже сам пришел к тому же выводу. Было, конечно же, очень приятно узнать, что у них с адвокатом одна и та же точка зрения. Харду была высказана просьба подыскать опытного защитника, и он обещал это сделать. Что касается Хаутона, то Лонсдейл не считал себя морально обязанным помогать ему, так как слышал, как он сказал Джи, что уже сделал подробные признания и советует ей поступить так же. Было совершенно очевидно, что он уже вовсю сотрудничает с полицией и контрразведкой.

В 10 часов утра на другой день обвиняемых ввели в зал суда, который находился в том же здании. Смит объяснил судье, почему все трое арестованы, и попросил его дать указание содержать всех под стражей на время следствия. Лонсдейл очень внимательно слушал Смита и сразу же заметил, что всех арестантов обвиняют уже не в шпионаже, а в «тайном сговоре с целью нарушить закон о сохранении государственной тайны». «Тайный сговор» — старый термин английского права. Для того чтобы суд нашел обвиняемого виновным, достаточно доказать лишь наличие умысла, намерения нарушить закон. Эта

юридическая уловка применялась английскими королями в их борьбе с крупными феодалами. В течение сотен лет максимальное наказание за тайный сговор составляло один год лишения свободы. В начале пятидесятых годов некий судья, разбирая дело какого-то крупного контрабандиста, заявил, что поскольку тайный сговор основывается на судебных прецедентах, а не на законах, изданных парламентом, то судья может выносить приговор по такому делу по своему усмотрению. С тех пор принято считать, что за умысел — намерение совершить преступление — нельзя вынести более сурового приговора, чем тот, который предусматривается законом за само преступление…

Суперинтендант Смит выступал перед судьей буквально две-три минуты. Судья уже готовился удовлетворить его просьбу содержать арестованных под стражей во время следствия, когда адвокат заявил ходатайство о том, чтобы отпустить Лонсдейла на поруки под залог. Было очевидным, что у подсудимого не было ни малейшего шанса добиться этого. Но с помощью этой уловки можно было вытянуть из Смита нужную дополнительную информацию. Разведка в принципе продолжалась даже здесь. И действительно, судья попросил Смита подробнее осветить дело, чтобы он мог принять решение по ходатайству арестованного. Смиту пришлось описать процедуру ареста, его точное время, обстоятельства и тому подобное, а также сказать, какие имеются доказательства вины задержанных. Для Лонсдейла весьма полезно было получить эти сведения именно в тот момент, хотя уже заранее было ясно, что судья удовлетворит не ходатайство адвоката, а просьбу Смита. Так он и сделал. Он решил содержать всех троих под стражей в течение семи дней.

Троицу отвели во двор и посадили в «черную Марию», которую преступники называют почему-то «мясным фургоном». Каждого человека помещают в отдельную крохотную темную кабинку и доставляют в следственную тюрьму. Разумеется, в Англии к названию каждого такого учреждения добавляют «Тюрьма Ее Величества». Впервые Лонсдейл испытал «королевское гостеприимство» в следственной тюрьме «Брикстон». Это была тюрьма королевы, но отнюдь не королевская тюрьма…

Итак, 7 февраля 1961 года началось предварительное слушание дела. Небольшое помещение суда первой инстанции было до отказа забито представителями прессы. Обвинение против арестованных поддерживал генеральный прокурор сэр Реджиналд Мэннингхем-Буллер, светило британской юриспруденции. Среди английских юристов и иногда даже в прессе его обычно называли «сэр Устрашающий», обыгрывая

фонетическое сходство его фамилии с английским словом «булли» — забияка. Как утверждали знавшие прокурора, в любом деле он шел напролом, как бульдозер, почти целиком полагаясь на внешние эффекты. Так было и в случае Лонсдейла. Но не имея никаких доказательств о его разведывательной деятельности, за исключением тех материалов, которые были захвачены в момент ареста, генеральный прокурор сразу же попал в затруднительное положение. Троицу пришлось обвинить не в шпионаже, а в тайном сговоре нарушить закон о государственной тайне. С точки зрения английской судебной практики это было весьма несолидно.

Именно поэтому даже на предварительном слушании дела в суде первой инстанции обвинение вел сам генеральный прокурор. Защитник Лонсдейла сказал ему, что не помнит ни одного подобного случая в прошлом. Чтобы прикрыть допущенную контрразведкой ошибку, и была привлечена «тяжелая артиллерия» в лице «сэра Устрашающего». В своей вступительной речи генеральный прокурор сделал главный упор на найденные у Лонсдейла шифры и оперативную технику, хотя хранение подобных предметов само по себе не является преступлением. Нетрудно было догадаться, что прокурор делал ставку на западную прессу, рассчитывая, что газетные статьи и фотографии заранее настроят общественное мнение и, главное, будущих присяжных заседателей против обвиняемых. И пресса действительно подняла невероятную шумиху. Сам «сэр Устрашающий», как видно, ничего не имел против — шумное дело служило ему дополнительной рекламой. А реклама нужна не только товарам, но и прокурорам.

В свое время суперинтендант Смит уверял Лонсдейла, что английская контрразведка знала о нем абсолютно все. По его словам, дело было совершенно ясным и предрешенным. Поэтому советский разведчик был немало удивлен, узнав, что обвинение намерено выставить против троицы несколько десятков свидетелей. В Англии, как и везде, известно, что чем больше свидетелей, тем менее обосновано обвинение. Стало очевидно, что ведется нечто вроде генеральной репетиции основного процесса е целью натренировать свидетелей и подготовить английское общественное мнение к беспрецедентным приговорам…

А тогда в завершение слушания дела судья вынес решение о передаче его на рассмотрение в Центральный уголовный суд «Олд Бейли», как его прозвали в Англии по названию улицы, где он расположен.

Защитник сказал, что процесс начнется 7 марта под

председательством судьи Хилберри. Однако за два дня до этой даты было объявлено, что дело решил рассматривать сам верховный судья лорд Паркер. Такой «перехват» сенсационного дела считается неэтичным в английских адвокатских кругах и рассматривается как попытка воспользоваться даровой рекламой в бульварной прессе, подробно и скандально освещающей такие процессы. Как правило, верховный судья занимается исключительно разбором апелляций. Для лорда Паркера тот процесс стал его первым уголовным делом с тех пор, как он был назначен верховным судьей. Не исключено, что лорд взялся за это дело, поскольку не был уверен, что Хилберри справится с поставленной перед ним задачей.

За несколько дней до начала процесса Лонсдейла посетил адвокат Хард. Он был очень возбужден и сразу же сказал, что хочет обсудить с ним очень важное коммерческое дело. Тогда подсудимый подумал, что адвокат имеет в виду судьбу четырех фирм. Но это было не так. Хард получил несколько весьма неожиданных предложений от прессы. Казалось, буквально все газеты жаждут опубликовать мемуары советского разведчика и готовы уплатить за них баснословные деньги. Выслушав Харда, Лонсдейл попросил его забыть об этом деле. Однако утром следующего дня Хард снова был у своего подзащитного. Оказывалось, что его отказ лишь увеличил ажиотаж, царивший среди газетчиков. Теперь предлагали уже десятки тысяч фунтов стерлингов. По существующим правилам Хард получил бы солидные комиссионные, если бы подобная сделка была заключена. Но Лонсдейл разочаровал Харда, сказав, что ему не нужны деньги, ибо по тюремным правилам он не имеет права приобретать ничего, кроме газет, книг и журналов, и поэтому не видит надобности в «побочных заработках». Однако и этот довод не произвел на адвоката никакого впечатления. Тогда подзащитный привел еще один довод, сказав, что, отрицая предъявленное ему обвинение, он не желает давать материалы для обвинителей. Хард рассмеялся. «Какой вы чудак, — воскликнул он. — Да разве кто-нибудь рассчитывает, что вы напишете правду? Газете требуется лишь ваша подпись, а «мемуары» они выдумают сами». Дня через два Хард снова был у Лонсдейла: «Гордон, я принес вам потрясающее предложение». Оказалось, одна из газет была готова заплатить ему две с половиной тысячи фунтов за одно лишь «право первой руки», то есть право сделать первое предложение в случае, если советский шпион все-таки решит в будущем писать мемуары.

— Но ведь я не собираюсь ничего писать…

— Тогда тем более надо принять хотя бы этот задаток. Газета

прекрасно знает, что идет на немалый риск, но считает, что игра стоит свеч.

Лонсдейлу предстояли большие судебные издержки, ибо защита обошлась в 4 тысячи фунтов стерлингов, и он в конце концов решил воспользоваться заманчивым предложением газеты. Впоследствии, когда уже был на свободе, он решил написать книгу о своей разведывательной деятельности. Отрывки из нее Лонсдейл, уже Конон Молодый, и предложил газете, выплатившей ему тогда изрядную сумму. Ее риск таким образом оправдался.

Суд над троицей начался 13 марта 1961 года. В отношении Лонсдейла исход дела был вроде бы предрешен. Защитники заверяли, что он будет приговорен к максимальному наказанию, предусмотренному законом об охране государственной тайны в мирное время, то есть 14 годам заключения в тюрьме…

Верховный судья лорд Паркер восседал на своем месте с холодной и высокомерной улыбкой на бескровных, плотно сжатых губах. В его репликах, которые он бросал всем, особенно обвиняемым, сквозило нескрываемое презрение. Он даже не говорил, а изрекал, мало напоминая гордого служителя Фемиды. Исключение составляли лишь те моменты, когда он торжественно удалялся из зала суда в своей затянутой в талии и расклешенной книзу мантии, которая покачивалась на его бедрах, как юбка. Не менее экзотическое впечатление производил и генеральный прокурор в длинном белом парике и черной мантии. Это была пышная инсценировка, в которой главные роли исполняли лорд Паркер и «сэр Устрашающий». После некоторых осложнений с коллегией присяжных (один из защитников отклонил из состава присяжных заседателей всех женщин) началось судебное разбирательство. Генеральный прокурор развернулся вовсю. Для него это был, безусловно, эпохальный день. Как потом выяснилось, действительно через некоторое время он был произведен в лорд-канцлеры. Будущий лорд бойко читал по бумажке заготовленную заранее обвинительную речь и в нужные моменты с нескрываемым самодовольством демонстрировал различные вещественные доказательства.

Затем наступила очередь ставшего тогда уже знаменитым суперинтенданта Дж. — Дж. Смита из Скотленд-Ярда. Но произошла какая-то странная перемена в его манерах и поведении. Голос звучал робко и неуверенно. Он сильно смахивал на школьника, не успевшего вызубрить урок. Впрочем, поведение Смита тоже нашло свое объяснение. Оказалось, что Смиту предстояло вскоре уйти в отставку, и он рассчитывал заработать на громком деле Орден Британской империи и повышение до

чина главного суперинтенданта. Но на свою беду Смит подзавалился на этом решающем для него экзамене. Вскоре после процесса его уволили из полиции без повышения и без награды. Показания Смита были заранее продуманы, но подвели свидетели, которые оказались плохо подготовленными, да и вещественные доказательства были не столь вещественными, как хотелось бы этого генеральному прокурору.

Наконец, начался допрос. Первым давал показания Хаутон, и чем больше он говорил, тем хуже оборачивалось дело для него самого. Из его показаний стало ясно, что он знает своего шефа значительно дольше, чем полгода, как думало обвинение. Напрашивался элементарный вывод — раз он работал с Лонсдейлом более длительный период, значит, мог передать ему больше секретных материалов. Затем он признал, что предлагал себя Смиту в качестве свидетеля, чтобы дать показания против остальных обвиняемых. Короче говоря, он хотел спасти свою шкуру, выступая против Лонсдейла и против своей возлюбленной Джи. Вряд ли он не понимал, что его показания могли повредить только Джи. Советского разведчика он знал не как Гордона Лонсдейла, а как Алекса Джонсона, капитана второго ранга американского военно-морского флота. В своих показаниях Хаутон утверждал, что начал передавать материалы после зверского избиения его какими-то «лондонскими громилами». Опасаясь-де за свою жизнь, он и согласился выполнять просьбы капитана. Впрочем, он ничего не мог ответить на вопрос судьи, почему он не искал защиты у полиции. Его нелепые измышления ни на кого не произвели впечатления. У всех в общем-то сложилось мнение, что в своих показаниях он врал от начала до конца.

Мисс Джи также решила давать показания. Ее допрос занял день с небольшим. Оба подсудимых в общей сложности выступали в течение трех дней. Она рассказала душещипательную историю о том, как любовь к Хаутону и надежда, что он женится на ней, заставили ее встать на неверный, как она теперь поняла, путь. Впрочем, может быть, оно так и было в действительности. Но верховный судья пришел к иному выводу. Тем не менее Джи удалось доказать, что акции и ценные бумаги, обнаруженные при обыске в ее доме, она приобрела задолго до того, как узнала о существовании Лонсдейла…

Сам же главный подсудимый решил не давать никаких показаний. Ему было совершенно ясно, что они не принесут пользы и к тому же смогут привести к перекрестному допросу со стороны генерального прокурора и его «младших» по всем аспектам его деятельности в Англии в течение шести лет. А это

вряд ли было бы целесообразно.

За день до окончания процесса адвокат Хард сообщил, что Лонсдейла очень хотел бы видеть представитель газеты «Пипл», которая уже выплатила 2500 фунтов в надежде, что он напишет для нее свои мемуары. Газете удалось добиться встречи с под судимым, вопреки тюремным правилам. По словам Харда, эта воскресная газета с тиражом более пяти миллионов экземпляров пользуется большим влиянием и располагает огромными средствами. А в условиях Запада это означает, что перед ней открыты все двери. Лонсдейл сказал Харду, что согласится повидаться с представителями газеты, если ее редактор даст письменное обязательство не разглашать содержание будущей беседы и даже самого факта встречи. Такое письменное обязательство было получено. В один из перерывов в судебных заседаниях Лонсдейла отвели в помещение для свиданий на нижнем этаже Центрального суда. К стене этого помещения было пристроено несколько будок, чуть побольше телефонных. Он зашел в одну из них и присел на скамейку. Перед ним было небольшое окошко с армированным стеклом. За стеклом находилась такая же будочка. Через минуту в ней появился мужчина небольшого роста. Его лицо показалось Лонсдейлу знакомым. Оказалось, что это главный репортер «Пипл» Кен Гарднер, фотография которого регулярно появлялась в этой газете. Он слыл мастером выискивания всевозможных сенсационных и скандальных дел. Поскольку на встречу отвели всего пять минут, Гарднер сразу же приступил к делу. Он спросил, намерен ли советский шпион написать мемуары. Тот ответил, что вряд ли.

— Мы ведь заплатили бы вам колоссальные деньги! — воскликнул Гарднер. — Какой смысл отказываться!

— В моем положении деньги-то, в общем, не очень и нужны.

— Что вы?! Ведь у вас есть семья или другие родственники. Мы доставим деньги чистоганом в любую точку земного шара и передадим их любому лицу по вашему указанию. Позаботьтесь о своих детях! Мы вложим деньги в самые надежные ценные бумаги, и к вашему выходу из тюрьмы вы будете очень богатым человеком.

Если бы не жесткий регламент встречи, Гарднер, видимо, еще очень долго уговаривал бы своего «клиента», но взглянув на часы, сказал:

— Наше время истекает. Можно задать вам два вопроса?

— Пожалуйста, но только помните, что вы пока не имеете права публиковать мои ответы.

— Первый вопрос. Сегодня присяжные заседатели вынесут

свое решение. Как вы настроены: оптимистически или пессимистически?

— Ни так и не этак.

— А как же?

— Реалистически.

— А как это понять?

— Вы присутствовали на всех заседаниях суда. Понимайте, как хотите.

— Второй вопрос. Кто ваша самая любимая женщина?

— Моя жена… А вы ожидали другого ответа?

Процесс подходил к концу. Верховный судья несколько часов кряду резюмировал весь процесс для присяжных заседателей, чтобы «помочь» им прийти к правильному решению. Он всячески подчеркивал обстоятельства, действовавшие не в пользу обвиняемых, и ловко обходил стороной все слабости обвинения. При этом он с максимальным эффектом использовал интонацию. Все, что говорило в пользу троицы, упоминалось с иронией, а то и с сарказмом. Малейший довод против обвиняемых преподносился многозначительным, зловещим тоном, как бы напоминающим присяжным заседателям, что они ч*уть было не погубили Великобританию. Богатством интонаций и тембровых оттенков лорд Паркер мог потягаться с любым актером. К сожалению, стенограмма не передает интонации, и на бумаге его резюме для непосвященного человека выглядит почти объективным.

Наконец, присяжные ушли совещаться. Зал суда опустел, обвиняемых отвели в камеры. Минут через сорок их снова повели в зал суда. Лонсдейл был удивлен, что присяжные так быстро вынесли решение. Оказалось, он ошибся… Видимо, среди присяжных возникли разногласия и их главный попросил верховного судью разъяснить им, можно ли при обвинении в заговоре принять решение, ЧТО ОДИН из подсудимых невиновен. Ответ Паркера продолжался около получаса. Советский разведчик слушал его с напряженным вниманием, но все же так и не понял смысла: «да» или «нет». Он тут же спросил у своего адвоката, как тот понял верховного судью. Хард неопределенно пожал плечами и сказал, что это очень сложный вопрос.

— Что же могли понять присяжные заседатели, если даже юристы не могут сказать, что означает ответ лорда Паркера? спросил Лонсдейл.

— Да разве мог бы он стать верховным судьей, если бы его ответы были вразумительными, — ответил адвокат.

Подсудимых отвели в камеры минут на тридцать, а затем они вновь поднялись в зал суда. Судья спросил главного из присяжных, пришли ли они к какому-нибудь решению. Тот

ответил утвердительно и тут же зачитал решение. Все обвиняемые были признаны виновными в тайном сговоре с целью нарушения закона о сохранении государственной тайны.

Затем, в соответствии с английскими правилами судопроизводства, снова выступил суперинтендант Дж. — Дж. Смит. Он подробно рассказал о каждом из обвиняемых, а о Лонсдейле сказал следующее: «Нам не удалось установить его подлинную личность. Но, по-моему, он русский, кадровый советский разведчик». В доказательство этого своего умозаключения Смит привел тот факт, что на допросе имярек не ответил ни на один вопрос.

Лонсдейл был третьим по порядку в списке подсудимых, но лорд Паркер начал объявление приговоров с него. По наивности тот счел это благоприятным обстоятельством, так как рассчитывал быть приговоренным к 14 годам тюрьмы. Поскольку начали с него, значит, остальные получат не более чем лет по десять. К сожалению, это было не так.

— Вы, Лонсдейл, — сказал Паркер, — явно кадровый разведчик. Это опасная профессия, и, принадлежа к ней, человек должен быть готовым, а вы, несомненно, готовы, серьезно пострадать в случае провала. Более того, я считаю, что в данном случае именно вы были руководителем всех обвиняемых. Вас нашли виновным в правонарушении по обычному праву, и в этих случаях нет установленного максимального наказания, однако никакое наказание не может быть чрезмерным для данных обстоятельств. Я убежден, что данный тайный сговор длился много месяцев, и посему вы отправитесь в тюрьму на двадцать пять лет.

Зал ахнул, хотя в нем находились видавшие виды журналисты всего мира. Адвокат Хард тут же сообщил Лонсдейлу, что он «вошел в историю английского права», ибо до этого в соответствии с законом об уголовном правосудии от 1948 года считалось, что суд не может вынести приговора на срок более 20 лет… По 20 лет, в свою очередь, получили супруги Крогеры, по 15 — Хаутон и Джи.

Через несколько дней после окончания суда Лонсдейл спросил Харда, чем он объясняет столь суровый приговор. Подумав, Хард сказал: «Видите ли, сейчас у нас везде и во всем наблюдается инфляция! Растут цены, повышаются сроки наказания и так далее…»

Двадцать пять лет. Четверть века… Невозможно было сразу осознать это. Где-то подсознательно Лонсдейл-Молодый почувствовал некоторое облегчение, что суд, наконец, позади. Сразу же после объявления приговора всех троих отвели в

камеры, расположенные под залом суда. Дверь камеры захлопнулась. И только поздно вечером их привезли в тюрьму «Уормвуд скрабе». А через несколько минут Молодый уже спал без сновидений. Видимо, сказались утомление и нервное напряжение предыдущих дней. В половине седьмого утра его разбудил звон колокола. Подъем. Начинался обычный тюремный день, каких, согласно приговору, ему предстояло провести здесь чуть больше девяти тысяч. Перспектива далеко не заманчивая. Пытаясь представить себе, что такое четверть века, Молодый обнаружил, что четверть века назад он был еще мальчишкой. А через 25 лет будет уже, как принято говорить, глубоким стариком. В общем-то не очень веселая перспектива… Можно, конечно, понять тех, которые решают «сэкономить» десяток тысяч дней в этих условиях и, как говорят англичане, «присоединяются к большинству», то есть кончают жизнь самоубийством вскоре после осуждения… Да, он понимал этих людей. Но не разделял их воззрений по этому поводу.

О том, как разведчик провел свои дни в тюрьме, лучше всего, конечно, расскажет он сам. Полистаем записки Молодого…

В ТЮРЬМЕ НЕ СКУЧНО.
Конон Молодый

К своему пребыванию в тюрьме я относился философски. Причины для этого были. Я считал и всегда буду считать, что разведывательная работа дает больше шансов сесть в тюрьму, чем любая другая. От сумы да от тюрьмы не отказывайся… Тоже правильно сказано. И потом, в тюрьме, как нигде, есть время подумать о самой древней проблеме — добре и зле.

Два с половиной месяца, проведенные в следственной тюрьме «Брикстон», дали мне неплохое общее представление об английской карательной системе. Поэтому обстановка в тюрьме «Уормвуд скрабе» не стала полной неожиданностью. Главное — суметь приспособиться к повседневному режиму данного заведения, и тогда жизнь в нем может стать даже терпимой. В принципе все тюрьмы похожи одна на другую. В одних почище, в других немного погрязнее. В одних кормят плохо, в других почти что хорошо. Где-то работают по 10–12 часов в день, где вовсе не работают. И все-таки трудно представить себе что-либо более своеобразное, чем английская тюремная система.

Многие руководители департамента тюрем и британские министры внутренних дел уверяли, что цель тюремного заключения в Англии — перевоспитание человека, совершившего преступление. Однако условия, существующие в тюрьмах, приводят к прямо противоположным результатам. На бумаге все выглядит неплохо. Ну, например, заключенные в возрасте до 21 года должны содержаться отдельно от остальных. Люди, впервые попавшие в тюрьму, так называемые «звезды», должны быть отделены от рецидивистов. «Звезды», заключенные на срок до четырех лет, при хорошем поведении должны направляться в тюрьмы «открытого типа» в сельской местности. Получившие более четырех лет должны содержаться в специальных центральных долгосрочных тюрьмах, коих имеется, однако, только две на всю Англию. Людям с определенными психическими отклонениями или пороками положено пребывание в отдельных тюрьмах, изолированно от всех остальных заключенных, под особым наблюдением…

Однако все эти правила остаются на бумаге, впрочем, как и у меня на родине. Молодые заключенные, общаясь с рецидивистами, быстро совершенствуются в приемах преступной деятельности. В одной из тюрем были раскрыты тайные, но активно функционировавшие курсы медвежатников. На курсах

изучались новейшие методы вскрытия сейфов. Обучение вел маститый специалист этого дела. Слушатели платили «профессору» табаком, который с успехом заменяет в тюрьме деньги. Известно много случаев, когда преступники еще в тюрьме договаривались о своем следующем «деле», которое обделывали, едва выйдя на свободу.

Вопреки правилам, только что родившиеся «звезды» содержатся вместе с матерыми рецидивистами, которые оказывают на них весьма пагубное влияние. Среди «звезд» немало таких, которые совершили мелкие преступления, то есть случайно оступившиеся люди. При надлежащей воспитательной работе их можно вернуть к честному труду. Но, попав в тюрьму на два-три месяца, человек заводит связи с преступным миром и часто бесповоротно вступает на путь преступлений. Что касается специальных тюрем для «звезд», то они всегда переполнены и это служит предлогом для оправдания систематического нарушения тюремных правил о раздельном содержании различных категорий заключенных.

Большинство английских тюрем построено по типовому проекту: от круглого центра, как спицы от колеса, расходятся четырехэтажные крылья здания. Таких крыльев бывает от трех до шести. В каждом крыле расположено по 250–300 камер. На территории тюрьмы имеется множество дополнительных построек барачного типа, то есть мастерские, баня, прачечная, котельная, санчасть и тому подобное. Департамент тюрем тоже должен думать о прогрессе. При мне, во всяком случае, английские тюрьмы продвинулись вперед и достигли стадии самоокупаемости. В них имеются мастерские — ткацкие, сапожные и швейные. На тюремных фермах выращивают капусту и картофель. В одной из тюрем, например, даже изготавливалось мыло. В другой имелось издательство, публикующее тюремные правила и всевозможные предупреждения о грозных последствиях, которые влекут за собой нарушения тюремной дисциплины. Даже щетки для мытья параш делаются тут же в тюрьме. В последнее время появилась и более квалифицированная работа, то бишь разборка пришедшей в негодность телефонной аппаратуры и извлечение из нее цветных металлов.

За время пребывания в различных английских тюрьмах довелось познакомиться со многими уголовниками. Прежде мне не приходилось общаться с этим своеобразным миром, и я с большим интересом изучал свое новое окружение. Трудно найти какую-то одну общую черту, характерную для всех преступников. Прежде всего, я отметил бы незначительность, даже

бессмысленность преступлений, за которые зачастую попадают в тюрьму в Англии. Помню одного парня, который вернулся в тюрьму буквально через несколько дней после освобождения. Я расспросил его, как это случилось. Он отве-тил, что, придя домой, не застал там никого. Ему очень захотелось выпить. Не теряя времени попусту, он взломал свой газовый счетчик. В счетчике оказалось 25 шиллингов, которые тут же были пропиты. Когда он вернулся домой, его уже ждала полиция, которую вызвала жена. Судья приговорил его к пяти годам лишения свободы. Смешно и грустно. Естественно, далеко не все преступления незначительны. Достаточно вспомнить всемирно известное ограбление почтового поезда, когда преступникам удалось похитить два с половиной миллиона фунтов стерлингов. Один из организаторов этого преступления сидел в соседней камере со мной. Я еще вернусь к встрече с этим гением преступного мира…

Вечерами, когда я вытягивался на своей отнюдь не комфортабельный койке в тюремной камере и мне хотелось отвлечься, я размышлял о своей семье. Как они там? От этих мыслей я неизменно переходил к анализу своей работы. Война вспоминалась редко, главным образом тогда, когда я хотел убедить себя, что бывало в жизни и намного труднее. И все же на память в общем-то больше приходили эпизоды из оперативной работы в Штатах и Англии. Анализируя пережитое в десятый и сотый раз, я находил новые точки зрения на отдельные моменты своей деятельности. Меня прежде всего интересовало, какие ошибки я допустил, что именно могло способствовать неудаче или недостаточно полной удаче тех или иных заданий. Признаюсь, что там, в камере, я находил новые ответы на эти вопросы. Возникал новый, более глубокий анализ удач и провалов. Впрочем, у меня не было повода испытывать угрызения совести. Конечно, мне было досадно, что события так обернулись. Но я выполнил свой долг. Годы работы в разведке приучили меня к опасности, риску. Возможность ареста и наказания я считал частью своей работы. Поэтому, когда оказался в тюряге, сохранил достаточное душевное спокойствие. Было жаль, что работа приостановилась на весьма интересном этапе из-за глупой в общем-то ошибки, связанной с предательством, которое проворонили наши коллеги по соцлагерю…

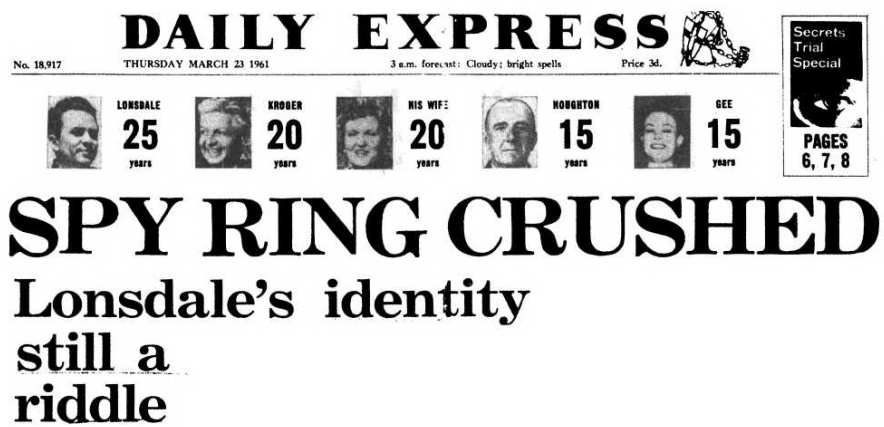
Об английских тюрьмах написано немало книг. Многие из авторов изучали их, что называется, изнутри. Чтение подобных книг вызывает известный интерес. В основном они написаны объективно, особенно о том, как калечит людей английская тюремная система. Кстати, в тюремных библиотеках можно найти немало подобных книг, и у меня было достаточно времени, чтобы

внимательно изучить их. Они дают довольно полную картину тюремной жизни, и вряд ли есть необходимость дополнять их. Тем не менее приведу некоторые собственные впечатления.

Самой поразительной особенностью английских тюрем, безусловно, является полное отсутствие в них нормальных санитарных узлов. Каждое утро начинается с выплескивания параш. Эта ежедневная процедура одинаково ненавистна как заключенным, так и тюремщикам. Правда, разница заключается в том, что рано или поздно заключенные все-таки выходят на свободу и возвращаются в лоно цивилизации. Тюремщики же участвуют в этой операции каждый день своей трудовой жизни. А это составляет не менее четверти века, если они хотят дослужиться до пенсии. После выплескивания параш можно умыться. Для этого у каждого заключенного имеется кувшин с холодной водой и таз, в котором моется все — лицо, ноги, все тело и даже пол в камере. Впрочем, как я узнал позже, у нас на Колыме бывало еще хуже.

SONO LA SPIA ROSSA

Советский разведчик впервые увидел своего годовалого сына Трофима, когда нелегально приехал в «отпуск» в Москву. 1959 г.



DAILY EXPRESS

No. 18,917 THURSDAY MARCH 23 1961 3 a.m. forecast: Cloudy; bright spells Price 3d.

Secrets Trial Special

PAGES 6, 7, 8

LONSDALE 25 years

KROGER 20 years

HIS WIFE 20 years

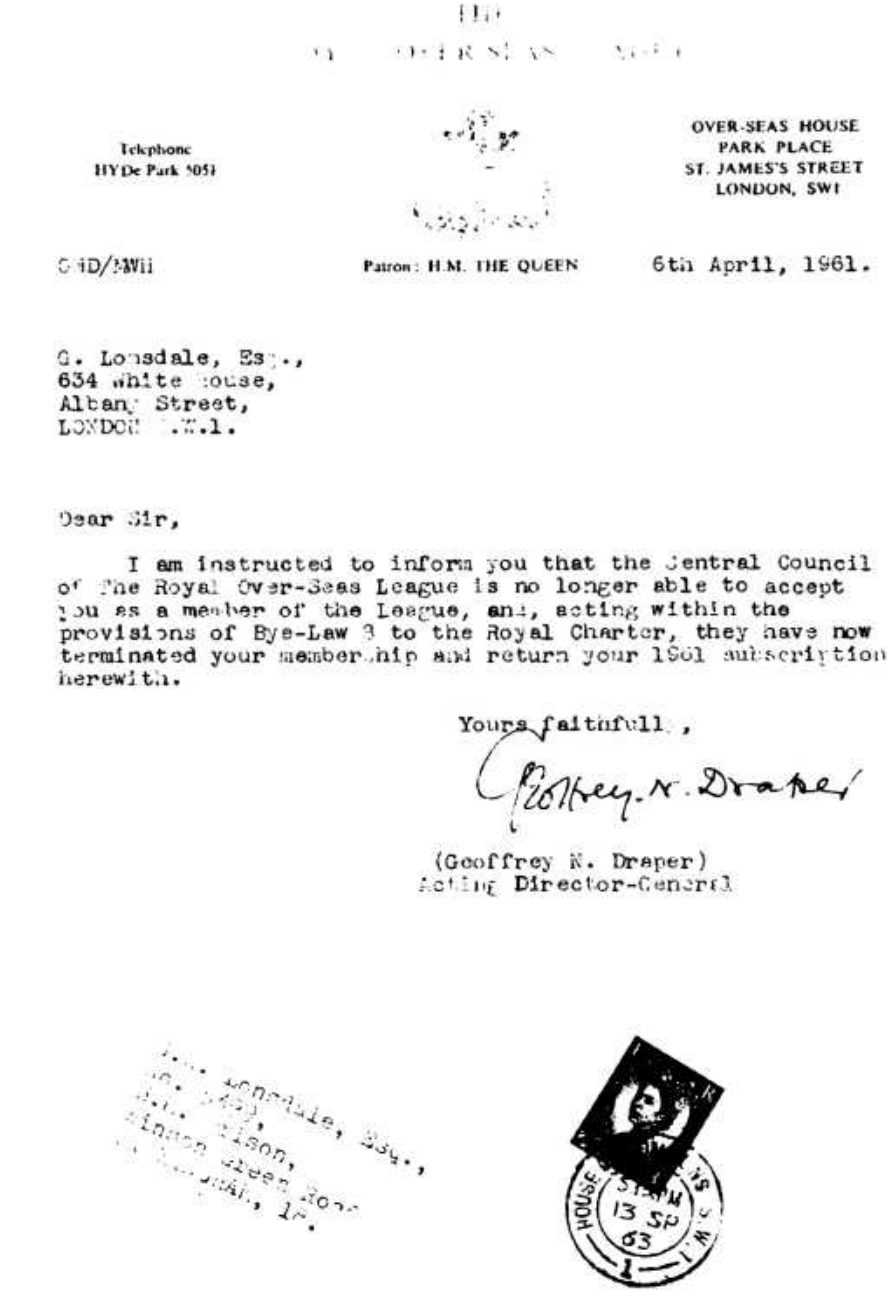
HOUGHTON 15 years

GEE 15 years

SPY RING CRUSHED

Lonsdale's identity still a riddle

Сенсационное сообщение британской газеты «Дейли Экспресс» о приговоре за шпионаж советскому разведчику Лонсдейлу, его коллегам Крогерам и агентам Хаутону и Джи



OVER-SEAS HOUSE
PARK PLACE
ST. JAMES'S STREET
LONDON, SW1

Telephone
HYDe Park 5051

Patron: H.M. THE QUEEN

6th April, 1961.

G. Lonsdale, Esq.,
634 White House,
Albany Street,
LONDON N.W.1.

Dear Sir,

I am instructed to inform you that the Central Council of The Royal Over-Seas League is no longer able to accept you as a member of the League, and, acting within the provisions of Bye-Law 3 to the Royal Charter, they have now terminated your membership and return your 1961 subscription herewith.

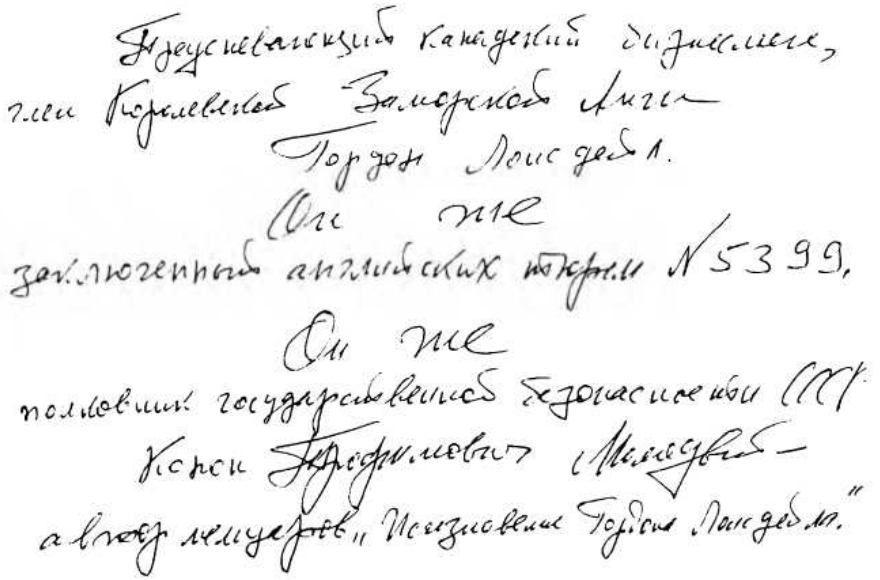
Yours faithfully,

Geoffrey N. Draper

(Geoffrey N. Draper)
Acting Director-General

Извещение Королевской лиги об исключении из оной «дорогого сэра Лонсдейла» в связи с тем, что он оказался… советским шпионом

Фотография с удостоверения полковника Внешней разведки


Я, действительный кандидат дипломатической,
член Королевского Географического
Общества Лондона.
Он же
двуязычный английских текстов № 5399,
Он же
полковник государственной безопасности СССР
Конон Трофимович Молодый —
автор мемуаров "Исповедник Ордена Ланселота."

Собственноручный отчет Конона Молодого о всех своих ипостасях

Конон Молодым у Вечного огня в Волгограде. 1967 г,

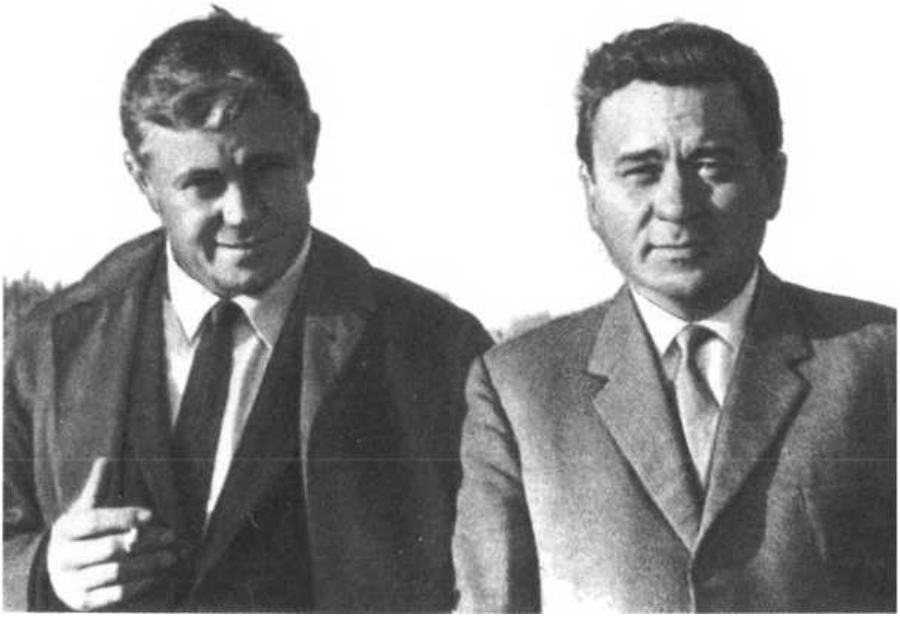
«Пикник» в лесу. Крайний слева — К. Молодый, крайний справа — артист В. Тихонов

Друг разведчика Леонид Колосов (*справа*) с заместителем главного редактора «Известий» Григорием Ошеверовым

Конон Молодый *(в центре)* в Москве, среди коллег

Разведчик на прогулке

В день чекиста. 1967 г.



Донатас Банионис с прототипом своего героя в перерыве между съемками к/ф «Мертвый сезон»

Конон Молодый в день Победы с друзьями

Маленький Трофим с мамой Галей. Фотографировал отец

Вся семья в сборе: папа, мама, Трофим и Лиза

Трофим и Лиза Молодые. Отец еще жив…

Трофим Молодый с женой Татьяной и сыном Кононом

Питер и Хелен Крогеры с сыном и внуком шефа

Трофим Молодый — начальник погранзаставы

Внук разведчика — тоже Конон Трофимович Молодый

Как-то на прогулке я обратил внимание, что в стенах тюрьмы через определенные промежутки проходят вертикальные полосы более светлого кирпича. При случае я спросил одного из надзирателей, что это такое. Он ответил, что полвека назад какой-то гуманный министр внутренних дел, поглядев раз на выплескивание, дал указание оборудовать камеры унитазами и водопроводом. В порядке эксперимента это было сделано как раз в бирмингемской тюрьме. Устройства эти представляли собой несомненный шаг вперед. Правда, они часто засорялись и доставляли немало хлопот тюремной администрации. При первом удобном случае тюремные власти заявили, что эксперимент себя не оправдал. Камеры были возвращены в свое первобытное состояние. А от всего нововведения остались лишь полосы более свежего кирпича в местах, где проходили трубы.

Выплескивание было неприятной, но весьма кратковременной операцией. Гораздо более серьезным испытанием был постоянный холод в камере. Тюремные правила

упорно игнорируют тот факт, что в Англии ежегодно бывает зима. Одни и те же куртки и брюки заключенные носят круглый год. Ни головного убора, ни перчаток им не положено. Дополнять выдаваемую арестантскую форму личным имуществом не разрешается. Поэтому зимой в английских тюрьмах можно наблюдать занятную процессию легко одетых людей, которые рысцой гуляют по кругу, непрерывно потирая руки и растирая уши. Я, естественно, переносил холод лучше других в силу своей российской закалки и за время пребывания в тюрьме ни разу не простудился. Переносить холод в камере гораздо труднее. По утрам я делал физзарядку, а затем большую часть времени проводил за чтением или переводом книг. При температуре близкой к нулю долго находиться в сидячем положении было невозможно. Впервые я столкнулся с этой проблемой в Бирмингеме, куда меня перевели из Манчестера в декабре 1961 года. Расспросив надзирателей, я выяснил, что теоретически тюрьма отапливается горячим воздухом, который подается в камеру через отдушину над дверью. Через вторую отдушину, во внешней стене камеры, подавался свежий воздух. Сие я сразу же заметил, ибо оттуда всегда дуло. Решив, что лучше страдать от недостатка свежего воздуха, чем умереть от холода, я тут же заложил внешнюю отдушину куском картона, который нашел во время прогулки.

Пища в английских тюрьмах снискала себе печальную славу во всем уголовном мире Европы, хотя, насколько мне известно, никто не умер с голоду в тюрьме в тот период, когда я жил за казенный счет. Еда состояла из овсянки, картошки и хлеба. Человек с нормальным здоровьем может прожить около года на подобном рационе без заметного ущерба для здоровья. Тех, кто провел в тюрьме более длительный срок, можно узнать сразу. Первое, что бросается в глаза, это мертвенно-бледные, почти прозрачные руки и уши. Заключенные не всегда худеют, некоторые даже прибавляют в весе, видимо, из-за малоподвижного образа жизни. Еда состоит в основном из крахмалистых веществ, физической нагрузки, по существу, нет, ибо труд в тюрьме нетяжелый. Однообразный рацион особенно сильно сказывается на пожилых людях. Впрочем, опытные рецидивисты говорили мне, что несколько месяцев нормального питания, как правило, восстанавливают здоровье. Я за все время пребывания в тюрьме потерял около десяти килограммов. Примерно через полгода после выхода из тюрьмы мой вес восстановился, и я почувствовал себя совсем здоровым. Посему еще раз спасибо надзирателям, которые помогали мне выжить. Вообще в английских каталажках были тюремщики, чье мнение

обо мне отличалось от воззрений их начальников. Кое-кто из них не боялся проявлять свои симпатии на деле. У меня в камере, например, стояла не обычная для английских тюрем металлическая рама, на которой спят заключенные, а настоящая пружинная кровать. Ее подарил мне один дружелюбно относившийся ко мне тюремщик. Не буду называть его фамилии, разумеется…

— Послушайте, Лонсдейл, — сказал он однажды, зайдя в мою камеру, — если хотите, я могу дать вам пружинную кровать. Правда, она из камеры смертников. Возьмете?

— Конечно! Давайте ее сюда. Только без покойника…

Через несколько минут кровать стояла в моей камере. Оказывается, очередной смертник пытался покончить жизнь самоубийством и находился в очень тяжелом состоянии. Были приняты все меры для спасения жизни с тем, чтобы его можно было потом повесить по всем правилам. Лечащий врач счел необходимым поместить его на новую кровать. В тюрьме оказалось лишнее роскошное ложе. И вот благодаря симпатиям смотрителя оно досталось мне…

Камера смертников имелась во всех основных английских тюрьмах. Судья зачитывал смертный приговор, надев на голову специальную черную шапочку. Сразу же после этого осужденный ставил. ся под особое наблюдение. В камере с ним круглосуточно находились два тюремщика. При камере были все удобства цивилизации: ванная комната, уборная и кухня. На прогулки осужденного выводили только тогда, когда все остальные заключенные уже были заперты в своих камерах. Виселица находилась тут же, в соседней с камерой комнате.

Утром перед казнью заключенному предлагали завтрак по его выбору и при желании даже стакан спиртного. Затем на него неожиданно набрасывали мешок, специальными ремнями затягивали руки по швам. Несколько шагов, и он уже у виселицы. Палач накидывал на шею петлю и нажимал кнопку. Срабатывал гидравлический люк, в который проваливался казненный. Петля устроена так, что она сразу ломает шею. Говорят, что смерть наступает мгновенно. При казни присутствуют начальник тюрьмы, тюремный священник, врач и несколько официально приглашенных лиц. После вскрытия тело помещают в фанерный ящик и хоронят на территории тюрьмы, предварительно засыпав его негашеной известью. На время захоронения тюремное кладбище со всех сторон огораживают брезентом, чтобы никто не узнал, где точно похоронен казненный. Выдавать тело родственникам не разрешается. Время казни объявляют заранее. В момент казни в тюрьме поднимается невыносимый гвалт.

Большинство заключенных отмечает это событие нечеловеческими воплями, криками, дикими стуками в дверь. Ну, а в принципе все это не так уж страшно. Мне надо было быть готовым и к этому…

…В начале мая была рассмотрена моя апелляция. Ее, как и следовало ожидать, начисто отвергли. Нужно помнить, что нас судил сам верховный судья Англии, он же председатель апелляционного суда. На следующий вечер меня вывели из камеры и доставили на вещевой склад, где выдали новую форму. Я спросил тюремщика, чем это вызвано. Он ответил, что понятия не имеет. Мне выдали комплект специальной формы с тремя большими квадратными заплатами белого цвета. Одна на левой стороне груди, другая — на левой коленке, третья — в сгибе правого колена. Это означало, что меня поставили под так называемый особый надзор. Обычно это делают с теми заключенными, которые бежали или пытались бежать из тюрьмы. Как состоящий под особым надзором, я был помещен в специальную камеру с дополнительными замками на двери и решетками на окне. Всю ночь в камере горел свет. Каждые 15–20 минут в глазок заглядывал тюремщик. На ночь у меня отбирали всю одежду. Пока я находился в «Уормвуд скрабе», меня ежедневно, кроме воскресенья, переводили в новую камеру. Впрочем, это было в некотором роде и развлечением. Вместо того чтобы сидеть в своих одиночках, мы, «особонадзорные», с шумом и гамом менялись камерами, перенося с собой все, в том числе и мебель, то есть стул, подставку для кувшина, зеркало и матрац. Это вносило некоторое разнообразие в наш режим. Специально приставленный ко мне тюремщик сопровождал всюду, даже в баню. В этом было свое преимущество, так как вместо обычных двадцати минут я мог мыться сколько угодно. Дело в том, что, пока я наслаждался душем, мой телохранитель спокойно сидел в предбаннике, попивая чай со старшим надзирателем бани. А, как известно, для англичан чаепитие почти священный обряд, которому они могут предаваться сколько угодно.

На следующее утро после перевода меня под особый надзор я попросил записать меня на прием к начальнику тюрьмы. Часов в одиннадцать утра меня — вывели из камеры и доставили в кабинет начальника, или «губернатора», тюрьмы, как его называют в Англии. Я спросил его, почему со мной обращаются так же, как с заключенными, внесенными в список лиц, совершивших «попытку к бегству», хотя я не предпринимал никаких подобных попыток. Губернатор любезно пообещал мне выяснить все обстоятельства и сообщить о результатах. Это обещание, подобное бесчисленным другим обещаниям,

полученным мною в тюрьме от английских официальных лиц, не было выполнено. Мне пришлось несколько раз обращаться к нему, пока он, наконец, не сообщил, что меня взяли под особое наблюдение по личному указанию министра внутренних дел, который ничем не мотивировал это свое указание. Я посчитал это указание актом определенной дискриминации и неоднократно посылал свои протесты всем, кому только возможно, начиная от «моего» члена парламента, то есть члена парламента от округа, в котором я жил в момент ареста, и кончая аж самой королевой.

По тюремным правилам, я должен был бы остаться в «Уормвуд скрабе» и дожидаться своей очереди для перевода в крыло долгосрочников, где условия были несколько лучше. Долгосрочники-«звезды» поступают туда со всех концов Англии. Но меня почему-то перевели из Лондона в Манчестер. Условия там были неизмеримо хуже, чем в «Уормвуд скрабе». Во всяком случае все заключенные были едины во мнении о том, что это худшая тюрьма в Англии. Там я занимался в основном шитьем почтовых мешков из парусины. Работа эта, прямо скажем, однообразная. Судя по всему, английское почтовое ведомство создало стараниями заключенных запас мешков, которого должно хватить до конца текущего столетия…

Тюремные правила строго ограничивают возможность для заключенного жаловаться на тюремную администрацию. Это неудивительно, учитывая условия, царящие в английских тюрьмах. Разрешается подавать петиции министру внутренних дел, писать члену парламента и, наконец, выступать с устными жалобами перед специальной судейской комиссией, которая посещает тюрьмы раз в месяц. Заключенному разрешается писать члену парламента только после получения от министра внутренних дел отрицательного ответа на его петиции. Когда вопрос, поднимаемый заключенным в жалобе, является совершенно бесспорным, а министр не желает удовлетворить ходатайство, министерство внутренних дел старается как можно дольше тянуть с ответом, чтобы не давать возможность заключенному написать члену парламента. Вступает в действие так называемая «красная лента», то есть бюрократическая волокита, проволочки и тактика оттяжек. Через два года после того как попал в тюрьму, я неожиданно узнал, что существует неписаное правило, по которому заключенный может написать члену парламента и, минуя министра внутренних дел, сразу же после обращения к уже упомянутой мною судейской комиссии.

Опыт показал, что обращение к судейской комиссии совершенно бесполезно, так как в состав этой комиссии входят судьи первой инстанции, назначаемые министром внутренних

дел. В демократической Англии никому так и не пришло в голову, что судей следовало бы выбирать. Поскольку судьи не только назначаются министром внутренних дел, но и подвластны ему, было бы неразумно рассчитывать на их помощь в борьбе против дискриминации, проводимой их высокопоставленным шефом. Узнав об этом неписаном правиле, я сразу же перестал подавать петиции министру и начал обращаться только к судейской комиссии. Свои устные заявления этой комиссии я обычно заканчивал словами: «Я знаю, что вы не удовлетворите мою просьбу, и обращаюсь к вам только для того, чтобы иметь право написать члену парламента. Я еще вчера написал это письмо, в котором упоминаю, что безуспешно обращался к вам. И я отправлю это письмо, как только выйду, от вас». В Англии совершенно не принято говорить прямо, без обиняков. Подобные заявления крайне раздражали слушающих меня судей, тем более что через несколько минут они действительно неизменно сообщали мне, что не могут удовлетворить моего ходатайства.

К июлю 1961 года я уже успел получить отказ министра внутренних дел освободить меня от особого режима и, таким образом, получил право жаловаться члену парламенту. Я долго размышлял, выбирая подходящего адресата. Из газет мне было известно, что примерно пять членов парламента проявляют большой интерес к условиям содержания заключенных и нередко помогают им. Так как я собирался жаловаться на члена правительства консерваторов, то разумнее было обратиться к члену парламента, находящемуся в оппозиции, то есть к лейбористу. В конце концов я решил написать известной лейбористке госпоже Барбаре Касл. По мнению большинства опытных заключенных, с которыми я советовался, только у нее могло хватить смелости выступить в мою защиту. Оказалось, что это далеко не так. У г-жи Барбары Касл не хватило смелости. Вот ее ответ от 14 июля 1961 года:

«Уважаемый господин Лонсдейл!

Благодарю Вас за письмо. К сожалению, я получаю так много писем из тюрем Ее Величества, что теперь могу заниматься делами лишь тех заключенных, которые раньше жили в моем избирательном округе. Поэтому я вынуждена просить Вас обратиться с Вашим делом к члену парламента Вашего округа.

Искренне Ваша

Барбара Касл».

Оставалось лишь- последовать совету госпожи. Касл. Я попросил своего адвоката переслать мое письмо члену парламента от моего избирательного округа. Им оказался некий Джеффи Джонсон-Смит, консерватор и один из самых молодых

членов парламента того созыва. Мне было суждено вступить с ним в длительную и, в общем, почти безрезультатную переписку. 16 сентября я получил от него написанное от руки письмо следующего содержания:

«Уважаемый господин Лонсдейл!

Как только я получил Ваше письмо, пересланное мне госпожой Барбарой Касл и с целью избавить Вас от необходимости писать мне, поскольку мне известно, что Вам разрешено посылать ограниченное число писем, я сам написал господину Майклу Харду с просьбой подтвердить, являетесь ли вы моим избирателем. Господин Хард, который был в отъезде, сейчас сообщил мне, что вы действительно мой избиратель. Настоящим письмом я хочу сообщить Вам, что займусь Вашим делом с властями.

Искренне Ваш

Джеффи Джонсон-Смит».

Однако добрые намерения Джонсона-Смита быстро иссякли. Его обращение к властям не принесло мне сколько-нибудь ощутимой пользы. Не следует думать, что я питал иллюзии по поводу возможности достижения каких-либо улучшений в режиме моего тюремного содержания, ибо прекрасно сознавал, что все нарушения тюремных правил в отношении меня производились по инициативе министра внутренних дел. Моя переписка преследовала двоякую цель. Во-первых, документально доказать, что в отношении меня проводится систематическое нарушение тюремных правил и инструкций. Во-вторых, ничто так не поддерживает, на мой взгляд, морального духа и сил попавшего в трудное положение человека, как борьба с противником. К тому же неуклюжие увертки властей, безуспешно пытавшихся выдать черное за белое, зачастую страшно забавляли меня. А это важный фактор в скучном тюремном существовании…

Чтобы не занимать внимание читателей всеми перипетиями моих посланий, могу сказать, что я, как правило, получал отказ по всем пунктам. Впрочем, однажды в одном из традиционных отказов было упомянуто, что вопросы о моем переводе в центральную тюрьму и разрешении посещать вечерние занятия «находятся на рассмотрении». В конце ответа министр сообщал мне, что разрешает подать на него жалобу королеве. Видимо, для министра это было неплохой, хотя и довольно-таки окольной возможностью обратить внимание Букингемского дворца на рвение, которое он проявляет. Я не питал никаких иллюзий относительно результатов моей жалобы королеве, хотя эта дама должна была бы быть снисходительной ко мне. Ведь я когда-то

был членом Королевской заморской лиги, патронессой которой она состоит. Более того, она почти ежегодно обедала с членами лиги. Жалобу королеве я послал, помнится, 10 марта. В ней были изложены мои претензии к полиции и контрразведке. Я также обвинил министра внутренних дел в укрывательстве преступников, укравших у меня деньги и имущество. Ответ королевы был сравнительно быстрым. Прошло всего лишь 38 дней. Нельзя не пожелать, чтобы министры Ее Величества брали с нее пример и не тянули с ответами по восемь месяцев. Ответ Букингемского двора цитирую по памяти, так как он был только зачитан мне. Итак:

«Ваша жалоба была изложена королеве, но поскольку министр внутренних дел не сделал никаких рекомендаций, королева не дала никаких указаний». Другими словами, круг замкнулся. Жалоба на министра внутренних дел не дала никаких результатов, так как министр не сделал никаких рекомендаций в отношении жалобы на него самого.

В январе 1963 года, после того как мне отказали в разрешении дать задание своим адвокатам передать Джонсону-Смиту необходимые сведения, я предложил достопочтенному члену парламента навестить меня в тюрьме. При личной встрече, писал я, он узнает много интересного, о чем мне не разрешается писать. В своем ответе Джонсон-Смит полностью игнорировал мою просьбу о личной встрече с ним. В общей сложности я предлагал ему это пять раз, и он ни разу не среагировал на эти предложения. Я обвинил его в том, что он увиливает от этого вопроса, что ему не хватает мужества открыто отказать мне в моей просьбе. Уважаемый член парламента молча проглатывал различные обидные для него намеки и продолжал упорно обходить этот щекотливый вопрос.

Примерно в это же время моя жена обратилась к министру внутренних дел Англии с просьбой разрешить ей переслать мне продовольственную посылку. При этом она ссылалась на долгий срок моего заключения, а также на недостаток витаминов и жиров в тюремном рационе. Пять месяцев она терпеливо ждала ответа, а я тем временем бомбардировал Джонсона-Смита просьбами заставить министра внутренних дел дать какой-либо ответ на письмо жены. Убедившись, что министр не собирается ей отвечать, жена решила, как говорится, взять быка за рога и отправила мне эту посылку, что называется, де-факто. Ее прибытие вызвало в тюрьме переполох, о котором я узнал через свои «криминальные», связи в тот же день. Прошла неделя. Меня вызвал начальник тюрьмы. Он сообщил, что на мое имя пришла продовольственная посылка, но министр не разрешил ее выдать.

Убедившись, что я не собираюсь реагировать на это заявление, начальник добавил, что я должен сказать ему, как с ней поступить. «Пошлите ее журналисту мистеру Фреду Снеллингу», — ответил я. Через неделю Фред, а он был знаком мне, сообщил, что получил посылку, а в августе 1963 года он написал мне, что в Англии снимают фильм «Сеть шпионов», который в ближайшее время должен выйти на экран. В основу фильма была положена наша история. Меня должен был играть специально приглашенный для этой цели канадский актер. Зная нравы буржуазной прессы и кинематографа, я легко мог представить себе, что это будет за фильм. Формально для выпуска в Англии фильма о реальном и живущем человеке требуется его разрешение. На заключенных это положение распространяется лишь теоретически, особенно если у них нет родственников на воле. Я решил сделать все, что было в моих силах, чтобы либо не допустить выхода фильма на экран, либо как-то повлиять на его сценарий.

На следующий день после получения письма Фреда я подал петицию с просьбой разрешить мне проконсультироваться по этому вопросу с моим бирмингемским адвокатом. Указывая, что выпуск фильма ожидается в самом ближайшем будущем, я просил дать мне незамедлительный ответ. Прождав безрезультатно две недели, я вновь прибег к услугам Джонсона-Смита, чтобы подтолкнуть министра. Прошло еще три недели, и я начал думать, что получу ответ уже после выхода фильма. Поэтому решил написать своим адвокатам и попросить их подготовить соответствующие материалы для встречи со мной. Вскоре я получил ответ, в котором мне было отказано в свидании с адвокатом. Однако мне разрешалось написать ему по всем вопросам, связанным с кинокартиной. Я сразу же написал своему адвокату и киностудии^ которая ставила фильм. В своем письме студии я решительно протестовал против того, чтобы кто-нибудь изображал меня в фильме и использовал мое имя в сенсационных целях, и угрожал передать дело в суд. Как это ни странно, хотя, быть может, вполне закономерно, я получил ответ от адвокатской фирмы, представляющей интересы кинокомпании. В ответе говорилось: «Наши клиенты действительно сняли фильм, рассказывающий о событиях, связанных с вашим судебным процессом… События, которые касаются конкретных лиц, во всех своих основных деталях основываются на неопровержимых фактах».

К этому времени в газетах уже появились сообщения о том, что фильм выйдет на экран в конце октября. Фактически фильм вышел лишь через шесть месяцев после этого срока. Как

оказалось впоследствии, после моего письма студия была вынуждена подвергнуть фильм «чистке» и он был сокращен на пятнадцать минут. Все; вырезанные сцены в основном касались вымышленных эпизодов из моей личной жизни. Это, конечно, в значительной степени снизило интерес зрителей, которые привыкли видеть на экране «клубничку». Многие мои знакомые, видевшие фильм, высказали единодушное мнение, что в своем окончательном варианте он поражал лишь своим занудством. «Нужно обладать огромным талантом, — писала одна из газет, — чтобы ухитриться выпустить столь скучный фильм о столь интересном деле». В заключение остается только упомянуть, что «Сеть шпионов» была выпущена студией «Британский лев», которая субсидируется правительством. Посему напрашивается вывод о том, что фильм был запущен с благословения, если не по прямому указанию, английского правительства и имел своей целью как-то подлатать серьезно подорванный авторитет английской контрразведки…

Находясь в тюрьме, я некоторое время не сталкивался лицом к лицу со своим главным противником, то бишь с британской контрразведкой, хотя незримо она присутствовала в каждой тюрьме, в которой побывал. Не только присутствовала, но и давила на меня, пытаясь заставить сдаться. Моя борьба с контрразведкой продолжалась и за тюремной решеткой, в условиях, значительно менее благоприятных для меня. Уже во время суда контрразведчики в принципе поняли, что поторопились с моим арестом и упустили возможность раскрутить объем моей секретной работы если не полностью, то во всяком случае шире, чем это им удалось. Осознав ошибку, они усердно пытались исправить ее. Им не давала покоя мысль о том, что человек, буквально начиненный секретными сведениями, находится в их руках, но ничего не говорит. Как хотелось им подобрать ко мне ключи или отмычки!

Служба безопасности не давала мне расслабляться ни на минуту. Сначала это меня не слишком раздражало. Ведь тюремная жизнь скучна и однообразна, а неуклюжие телодвижения противника немного веселили и, конечно же, вносили элемент разнообразия в монотонность тюремных будней. Но со временем эти шпионские игры начали раздражать… После окончания процесса я не без интереса ожидал первого хода противника. Что этот ход будет сделан, я не сомневался. Но как и когда? Не тратя слишком много времени на эти догадки, я занялся выработкой линии своего поведения. Пожалуй, не стоит раскрывать ее даже теперь. Скажу только, что в целом линия эта оказалась правильной, иначе я не написал бы своих заметок,

которые, надеюсь, когда-нибудь увидят свет в своем первозданном варианте.

Не прошло и месяца, как контрразведка сделала свой первый ход. В апреле 1961 года меня посетила госпожа Бейкер. Она была одним из пяти партнеров в фирме по производству и продаже электронных замков, тех самых, что получили Большую золотую медаль на выставке в Брюсселе. Это был ее второй визит для обсуждения вопроса о моем выходе из фирмы. Обычно такие встречи проходили в отдельной комнате в присутствии тюремщика. На этот раз меня «по ошибке» провели в зал, где происходила встреча нескольких десятков заключенных с их родственниками и друзьями. Также «случайно» моей экс-партнерше по бизнесу удалось занять скамейку в стороне ото всех этих людей. Обсудив наши коммерческие дела, она сказала, что хотела бы поговорить со мной по очень важному вопросу.

— Пожалуйста. Чем могу служить?

— Несколько дней назад я получила извещение из министерства обороны. Меня просили зайти туда в определенный час и день, позвонив предварительно по телефону.

— Видимо, это касается меня. Иначе вы не стали бы рассказывать мне это.

— Совершенно правильно. Меня провели в кабинет к джентльмену в штатском, который назвался Элтоном. Представившись сотрудником контрразведки, он попросил меня рассказать все, что говорил мне «мистер Лонсдейл» во время предыдущего свидания в тюрьме.

— Ясно, вы, видимо, заметили, что наше прошлое свидание длилось почти час вместо положенных двадцати минут. Кстати, это заслуга Элтона. Поблагодарите его за это, если увидитесь с ним еще раз.

— Да? Но скажу вам честно, я была возмущена столь гнусным предложением и заявила Элтону, что намерена рассказать об этом происшествии вам. И вы знаете, к моему удивлению, Элтон отнюдь не возразил против этого и даже попросил передать вам, что у него есть весьма заманчивые предложения, которые могут сделать вас богатым человеком.

— А почему бы и не поговорить с ним? Я всегда готов обсудить заманчивые предложения. Пусть только он не думает, что я соглашусь на предательство. Что же касается денег, то я в них не нуждаюсь.

Мы расстались. Дня через два меня посетил адвокат Хард, близко знакомый с госпожой Бейкер. Он спросил меня, что я думаю о предложениях контрразведки.

— Да ничего не думаю, — ответил я. — Во-первых, еще не

было предложений. А главное, чего я хочу, это чтобы госпожа Бейкер ясно дала понять Элтону, что я не собираюсь покупать свою свободу ценою измены. Если же у Элтона есть другие предложения, то я готов их обсудить.

Прошло несколько недель. За это время власти успели перевести меня на особый режим. Элтон не появлялся. По-видимому, это входило в план психологической подготовки моей особы к встрече с ним. Меня явно пытались «размягчить». Однажды утром последовал вызов заместителя начальника тюрьмы. Он сообщил, что меня хочет видеть джентльмен из службы безопасности. В крыле для свиданий с адвокатами царило необычайное оживление. За приготовлением места встречи следил главный надзиратель. Окна и стеклянные двери были завешены плотной бумагой. Было сделано все, хотя и неумышленно, чтобы привлечь к этой «тайной» встрече внимание всех тюремщиков и заключенных. По моей просьбе на встрече присутствовала госпожа Бейкер. Мне хотелось иметь свидетеля, способного и желающего удостоверить, что встреча действительно произошла. Не успели мы с ней обменяться несколькими словами, как дверь торжественно распахнулась. В комнату вошел типичный английский чиновник. Котелок, черный пиджак. Брюки в полоску. Туго свернутый черный зонтик. Лицо его озаряла лучезарная улыбка. А потом, внимательно приглядевшись к моему гостю, я аж вздрогнул от изумления, ибо сразу же узнал в нем того Элтона, с которым однажды познакомился на вечеринке у канадского дипломата Тома Поупа, когда учился в Лондонском университете. Когда госпожа Бейкер еще в апреле упомянула фамилию «Элтон», мне и в голову не пришло, что этот тот самый человек, с которым я встречался однажды в июле 1956 года.

Познакомив нас, госпожа Бейкер сразу же ушла. Элтон раскрыл свой черный служебный портфель, вынул из него какую-то фотографию и книгу и передал их мне. На фотографии, которая, по его словам, была найдена у меня на квартире, красовался сам Элтон со своей супругой.

— Скажите, пожалуйста, откуда у вас взялась эта фотография?

— Я сфотографировал вас и вашу жену в начале июля 1956 года в гостях у Тома Поупа.

— А что вы сделали с этим снимком?

— Как что сделал? Увидев вас в компании с политическими разведчиками и поговорив с вами, я понял, что вы отнюдь не простой государственный служащий, и направил эту фотографию со всеми вашими данными туда же, куда направил все остальные

фотографии, снятые в тот вечер.

— От меня требовали объяснений, каким образом эта фотография оказалась у вас на квартире. Теперь я смогу, наконец, объяснить это.

— Пожалуйста. У меня лично нет никаких возражений…

Криво усмехнувшись, Элтон пожал плечами. Нелегко было ему забыть этот неприятный эпизод в служебной карьере. Беседа еле вязалась. Поговорили об общих знакомых, присутствовавших тогда на вечеринке у Поупа. Затем Элтон передал мне книгу Беллока и Миллера «Шпионская сеть», поздравив меня с тем, что мое имя отныне прочно вошло в историю разведки.

Тюремные правила не разрешают заключенным читать книги, в которых упоминаются их имена. По-видимому, власти опасаются, как бы их подопечные не возомнили слишком высоко о себе. В данном случае мне предоставлялась особая привилегия, в надежде, видимо, на то, что, увидев свое имя напечатанным черным по белому в книге, я приду в восторг и расскажу что-нибудь экстраординарное, чтобы поддержать и продлить сенсацию. Возможно, Элтон надеялся, что я займусь исправлением в книге ошибок ее авторов. Они, естественно, были, эти ошибки, вызванные дикой спешкой при ее издании. Она вышла в свет немногим более чем через месяц после окончания процесса. К сожалению, качество книги было обратно пропорционально быстроте, с которой она была издана…

Но вернемся к Элтону. После вежливой вступительной болтовни он, наконец, перешел к делу.

— Скажите, пожалуйста, господин Лонсдейл, вы готовы договориться с нами о чем-либо?

— Конечно. Если ваши предложения окажутся приемлемыми. Я готов отвечать на вопросы, которые касаются только меня самого, и ни на какие другие. Кстати, никаких денег мне не надо.

Элтон принялся объяснять, что, когда он говорил о деньгах госпоже Бейкер, он имел в виду какую-нибудь пенсию, которая избавила бы меня от финансовых затруднений в будущем.

— К чему мне ваша пенсия? Я не собираюсь оканчивать свои дни на Западе.

— Боже мой! Неужели вы думаете вернуться домой? Да ведь вас немедленно отправят в соляные копи.

Я в шутливой форме порекомендовал Элтону не пугать меня и больше думать о своей пенсии. Он слегка побледнел, видимо, думая, что у меня имеется какой-либо неизвестный доселе компромат на него. Я усмехнулся и добавил, что если бы меня интересовали деньги, то, не становясь изменником, смог бы в любое время получить от английских газет за свои мемуары куда

больше, чем все, что могла бы предложить британская контрразведка. Тут я затронул больное место Элтона. В последующих беседах с ним я выяснил, что у него четверо детей и он с трудом сводит концы с концами, хотя родители и оставили ему небольшое состояние. Бедный Элтон никак не мог взять в толк, как это завалившийся разведчик отказывается от дополнительного заработка.

Довольно беззлобно мы препирались еще некоторое время. Я старался найти какую-то приемлемую точку соприкосновения, чтобы провести то, что я уже прозвал про себя «операция Элтон». Припертый к стене, он был вынужден признать, что не может обсуждать никаких конкретных предложений. Тогда я прервал беседу, предложив моему знакомцу явиться тогда, когда у него будет что обсуждать. На этом мы и расстались. Честно говоря, пытаясь выжать из Элтона какие-то предложения, я ожидал услышать от него идею обмена меня на какого-либо человека, в котором были бы заинтересованы англичане. Но противник пока не созрел для этого. Во всяком случае, пока не созрел…

Недели через две после знаменательной беседы меня перевели в манчестерскую тюрьму. Прошло около месяца, и Элтон появился снова. На этот раз вручил мне книгу о моих злоключениях с весьма оригинальным названием. «Советская шпионская сеть» — так называлась эта книга, которую написал некий автор, пришедший к финишу вторым. Поскольку название «Шпионская сеть» было уже использовано, он решил изменить его, добавив одно слово. Как видно, Элтон считал появление этой книги единственным предлогом для приезда в Манчестер, ибо ничего нового он мне так и не сказал. Быть может, рассчитывал, что я сам начну выдвигать какие-то предложения. Я спросил, когда он сможет сказать мне что-нибудь конкретное, но не получил от него никакого вразумительного ответа. При этом Элтон сослался на необходимость обсудить этот вопрос не только с министром внутренних дел, но с генеральным прокурором, верховным судьей и чуть ли не с королевой…

В конце октября или начале ноября 1963 года Элтон вновь появился в Манчестере. И снова привез очередную книгу о нашем деле. Это была «Война изнутри» Комера Кларка. Я не без сарказма заявил ему, что он пока выполняет лишь функции рассыльного книжного магазина. И снова повторил, что со мной бесполезно разговаривать, пока не будет каких-либо конкретных предложений. Элтон ответил, что предложения все еще согласовываются в высших сферах. Он же приехал, боясь, как бы я не подумал, что он бездействует. Затем он, как бы невзначай, сказал, что их служба долго билась над расшифровкой каких-то

таинственных записей в найденной у меня записной книжке. Записи состояли из набора цифр и китайских иероглифов. Контрразведка привлекла к их расшифровке профессоров математики, видных синологов и криптографов. После десяти месяцев упорной работы, они будто бы сумели, наконец, разрешить эту сложную проблему. «Служба, — сказал Элтон, — использовала полученные таким путем данные. Все прекрасно сработало». Мой собеседник явно намекал на то, что контрразведка сумела-де установить связь с кем-то из моих коллег. Элтон, видимо, ожидал увидеть ужас на моем лице. Но, к его разочарованию, ужаса у меня на лице не было…

Уже не было никаких сомнений в том, что Элтон ездит не для того, чтобы вручать мне книги. Его цель заключалась в том, чтобы попытаться выведать у меня что-нибудь новенькое. Ведь контрразведка была крайне раздосадована, не найдя у меня на квартире никаких полезных для нее адресов, фамилий, мест и условий встреч, которые мрг-ди бы вывести на след моих коллег. На той встрече Элтон пытался создать впечатление, что благодаря моей небрежности им удалось обнаружить кого-то из моей сети… Нужно было видеть его лицо, когда я лишь усмехнулся в ответ на его «ужасное» известие. Люди, которых имел в виду Элтон, тоже читали газеты и давно уже приняли все необходимые меры после моего провала. К тому же я был убежден, что никакие эксперты не могли решить мою головоломку. Я пользовался произвольной системой кодирования своих записей. Расставаясь с бедолагой, я повторил, что нам не о чем говорить с ним до тех пор, пока он не привезет мне конкретные предложения.

В начале декабря в жизни Элтона наконец-то настал великий день. Когда я пришел на свидание с ним, он приветствовал меня радостной улыбкой. Как только я закрыл за собой дверь, Он воскликнул:

— Наконец-то я добился результатов! — и торжественно протянул мне красивую папку, прошитую голубой шелковой лентой.

Я раскрыл ее. В ней было три страницы отпечатанного на машинке текста.

— Что это? — спросил я широко ухмыляющегося Элтона.

— Наши конкретные предложения. Уверен, вы будете довольны. Поверьте, добиться этого было нелегко.

С первой страницы в глаза бросался поставленный в правом углу трехсантиметровыми буквами красный штемпель: «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО». Это уже было интересно. За время работы в Англии я, признаться, видел немало документов с подобным интригующим штампом. Но никто из деятелей

британских специальных служб не преподносил их мне на блюдечке с голубой каемочкой, а в данном случае в папке с голубой лентой. Они доставались совершенно иным путем и, надо сказать, отнюдь нелегко. Столь удобным и вполне официальным путем я получал совсекретные документы противника впервые. Не часто это случается даже с «мастером шпионажа», как окрестила меня западная пресса.

Внимательно читал я этот удивительный документ. В нем было сказано, что соответствующие инстанции согласились сократить срок моего заключения до пятнадцати лет при условии, если я «подробно и правдиво» отвечу на вопросы, перечисленные в этом документе. Служба безопасности будет решать, можно ли считать мои ответы полными и правдивыми. Как всегда, английские власти хотели выступать и в этом деле в роли обвинителей, судей и присяжных одновременно. Читая вопросы, я понял, что их составитель или составители имели весьма смутное представление о разведывательной работе вообще и о моей деятельности в частности.

Прочитав три страницы, я вернул папку Элтону.

— Дело не пойдет, старина. Ваши предложения я считаю смешными. Во-первых, глупо предполагать, что я выдам какие-либо служебные тайны. Ведь с самого начала я сказал, что буду отвечать только на вопросы о самом себе. Во-вторых, я рассчитываю быть на свободе гораздо раньше, чем через двадцать пять или пятнадцать лет.

— Чего же вы хотите?

— Уж во всяком случае не сидеть пятнадцать лет в этой вонючей дыре.

— Наше правительство не может ни освободить, ни обменять вас в настоящее время. Американцы поднимут вой, что мы заигрываем с коммунистами, а этого у нас никто не может себе позволить.

— Все это глупости. Увидите, что пройдет еще немного времени, и сами американцы обменяют советского полковника Абеля на своего шпиона Пауэрса.

А Элтон продолжал твердить, что этому не бывать. Я не стал спорить с ним, но мне еще до ареста было известно, что первые шаги по организации этого обмена уже предпринимались. Отвлекаясь немного, не могу не упомянуть о том, чта ОД‘ нажды рано утром, еще до подъема, тюремщик отпер мою камеру и сообщил мне, что только что слышал по радио весть об обмене Абеля на Пауэрса. Конечно, мне очень хотелось послать моему «крестному отцу» поздравительную телеграмму, но было абсолютно ясно, что тюремные власти не разрешат мне это

сделать. Кстати, Элтон считал обмен нереальным, ибо поведение Пауэрса с точки зрения Центрального разведывательного управления было «предательским». Он не уничтожил свой самолет, не убил себя и разболтал все, что знал. А потом Элтон неожиданно спросил меня:

— А вы согласились бы встретиться с представителем ЦРУ? Это было бы в ваших интересах. Ведь правительство знает, что ваша деятельность была направлена главным образом против США, а не против Англии. Это, возможно, поможет вашему освобождению.

До сих пор мне так и неясно, действовал ли Элтон тогда в соответствии с полученными им указаниями или же импровизировал на ходу. Он явно не ожидал моего негативного ответа на предложения его службы. Кстати, и мое полное равнодушие к выдвинутой им идее переговоров с ЦРУ поставило Элтона в тупик. Мне-то было абсолютно ясно, что ему поручили попытаться добыть сведения о моей работе не только в Англии, но и в Америке.

И вот тогда мой «куратор» сделал попытку запугать меня.

— Американцы, возможно, потребуют вашей выдачи им, поскольку вы работали против США до переезда в Англию, — мрачно буркнул Элтон. — Во всяком случае, вас передадут американцам после того, как вы отбудете свой срок заключения в Англии. Вам было бы гораздо лучше отбывать два наказания сразу.

Элтон в данном случае забыл один немаловажный факт. В США разведчика могут посадить на электрический стул даже в мирное время. Но это сделало бы невозможным отбывание приговора в английской тюрьме по первому сроку. Посему я сказал Элтону, что предпочитаю отбывать приговоры не торопясь, один за другим. На этом мы расстались. Операция «Элтон», затеянная британской контрразведкой, провалилась. С другой стороны, в ходе этой операции мне удалось узнать много интересных деталей о причинах моего провала, а также о степени осведомленности британской контрразведки о деятельности моей группы.

Как ни странно, время в тюрьме бежит быстро. Отдельно взятый день тянется бесконечно долго, но все дни настолько похожи друг на друга, что я всегда удивлялся, когда внезапно приходило воскресенье. Дни тянулись нудно, недели летели быстро, а месяцы еще быстрее. Этот парадокс, видимо, имеет какое-то психологическое объяснение. Отрадой была прогулка. В бирмингемской тюрьме заключенные на особом режиме гуляли вместе со всеми заключенными. Это позволяло мне общаться с

теми, с кем я хотел. Обычно я гулял с Доналом Мэрфи, членом Ирландской республиканской армии. Его приговорили к пожизненному заключению за участие в налете на военный арсенал в районе Лондона. Как и всех ирландцев, а их в тюрьме было очень много, Донала все звали Пэдди. В тюрьме он был уже седьмой год. Ему едва исполнилось 30 лет, а волосы у него были совсем седые. Он потерял все зубы и успел нажить язву желудка. Держался молодцом. Его уважали не только все заключенные, но и тюремщики. При налете на арсенал никто не был ни убит, ни ранен. Когда Пэдди отбыл три года, ему разрешили, в соответствии с тюремными правилами, приобрести батарейный радиоприемник. Во время прогулок мы обычно обсуждали радиопередачи, которые он прослушал за предыдущий день, а также обменивались книгами, журналами, газетами…

За время отсидки в тюрьме мне довелось встретиться со многими интересными людьми. Чтобы написать обо всех знакомых мне профессиональных преступниках, потребовалась бы целая книга, а быть может, и несколько. Взять, например, Чарльза Вильсона (о котором я уже обещал рассказать), одного из руководителей знаменитого ограбления почтового поезда в августе 1963 года, которое вошло в историю криминалистики Англии как «ограбление века». Процесс над участниками ограбления, или, вернее, теми из них, кого удалось поймать полиции, закончился лишь в начале апреля 1964 года. Кстати сказать, судили их не за вооруженное ограбление, за которое законом предусмотрено максимальное наказание 14 лет тюремного заключения. Власти обвинили участников налета на поезд в тайном сговоре совершить вооруженное ограбление. Казалось бы, о каком сговоре могла идти речь, когда было совершено само ограбление? Однако в Англии настолько глубоко традиционное уважение к закону, что в особо скандальных случаях закон обходят. Используя это юридическое шулерство, суд приговорил большинство участников ограбления к 30 годам тюрьмы… Вильсон появился в- бирмингемской тюрьме незадолго до моего освобождения и был помещен в соседнюю со мной камеру. Он был сразу же переведен на особый режим. Даже прогулки он совершал о́тдельно от других заключенных. Держался он очень независимо, даже мужественно, особенно если учесть, что многие уголовники совершенно теряли человеческий облик, будучи приговоренными к нескольким годам тюрьмы. Глядя на него, я часто думал, что он мог бы добиться очень многого в жизни, избери он иной жизненный путь. Кстати, я знал, что Вильсон был лишен права получать почту. Поэтому я собирал для него газеты с откликами на приговор суда по его и его

сотоварищей делу. Через несколько дней мне удалось передать их ему. Он уже успел узнать, кто я. Поэтому, едва мы познакомились, он спросил:

— Слушай, тяжело отбывать такой безумный срок, как двадцать пять лет?

— Ты в тюрьме не первый раз и прекрасно знаешь, как здесь гнусно! Однако терпеть можно. А о сроке я стараюсь не думать. К тому же ведь всякое может случиться…

Вильсон согласился со мной. Как раз на следующий день меня отвезли менять в Западный Берлин, а в начале августа того же года из тюрьмы исчез Вильсон! Лишь в конце января 1968 года он был обнаружен и арестован в Канаде, а затем депортирован в Англию. Не знаю, жив ли он еще. Кстати, больше в шутку, чем всерьез мы договорились с ним встретиться, когда освободимся из тюрьмы, на Красной площади в Москве и пожать друг другу руки. «Я обязательно найду тебя, Лонсдейл, — сказал Чарльз, — и мы выпьем с тобой по стакану водки прямо рядом с вашим Мавзолеем, где лежит Ленин». Смешно, не правда ли? Хотя все в нашей жизни может случиться…

КАК МЕНЯЮТ ШПИОНОВ.
Леонид Колосов

Как меняют шпионов? Примерно одинаково во всех странах. Случается это довольно редко, а проходит процедура, как правило, скучно. Много формальностей и взаимной подозрительности. Иногда этой акцией бывают удовлетворены обе стороны, иногда одна, а чаще всего никто. Подумайте сами: сколько мороки предстоит сотрудникам обеих секретных служб. Черт знает, что мог наговорить их подопечный, находясь в чужой тюрьме. Что скрыл, а что выдал… Поди проверь! Захватывающе эта операция смотрится только в кино, я опять возвращаюсь к уже упоминавшейся киноленте «Мертвый сезон». Напомню, что там тоже меняют советского разведчика Ладейникова (который вроде бы должен был являться прообразом Конона Молодого) на его иностранного коллегу. На экране просто цирк. Тревожная музыка, лихой разворот новеньких автомашин (тогда в моде была «Волга»), на которых приехала многочисленная группа советских «товарищей», радостные возгласы, слезы и сопливые поцелуи своих, родных коллег. Когда мы смотрели вместе с Кононом эту киноабракадабру, вернее, ее финал, мой друг сказал только одно слово: «Бред»… На самом деле все происходило по-другому.

В начале ноября 1962 года Конон прочитал в газетах сообщение, которое сыграло определенную роль в его дальнейшей судьбе. Это была в общем-то небольшая заметка об аресте по обвинению в шпионаже Гревилла Винна, который часто ездил в Советский Союз и другие социалистические страны под видом коммерсанта, одновременно занимаясь шпионажем. Он был, скорее всего, не профессиональным разведчиком, а агентом британской секретной службы. Английские газеты печатали очень невразумительные сообщения об этом случае. Ясность внесла газета «Правда», которая все разложила по полочкам. Колону удалось достать родную газету, и тогда-то у него впервые мелькнула мысль о возможности обмена. Кстати, английский журналист Марк Блум в своих статьях о Молодом уверял, что тот якобы говорил, что стоит трех Виннов и что ему, «мастеру советского шпионажа», неудобно быть обмененным на такую мелкую сошку… Кстати, обсуждая позже возможность подобного обмена, английские газеты писали, что не в интересах Англии отдавать акулу за кильку или кита за пескаря. Ну а Конон Молодый думал иначе. Любой человек, побывавший с тюрьме, знает, что каждый заключенный дорого бы дал, чтобы выйти

оттуда любыми средствами. Поэтому реноме совершенно не волновало Конона. Он считал, что речь идет об обмене двух людей, которые в отличие от скота не имеют рыночной цены. Важно было, чтобы процесс пошел…

В какой-то момент Конону стало ясно, что английские власти вскоре предпримут, по крайней мере, еще одну попытку хоть что-нибудь выжать из него. На этот раз в их руках находилась весьма привлекательная приманка в виде действительной возможности обмена, при условии что советский разведчик «расколется». Молодый думал об этом, но решил вообще отказаться обсуждать какие-либо условия с кем бы то ни было. В конечном итоге вопрос обмена был прерогативой Центра, а Конону было ясно, что если английская внешняя разведка сумеет убедить свое правительство в необходимости выручить Винна, то обмен произойдет независимо от желания контрразведки «поработать» с Молодым еще какое-то время.

Где-то в середине января 1963 года Молодого вызвал начальник тюрьмы, и между ними состоялся короткий разговор.

— Лонсдейл, мне только что звонили из Лондона. С вами хотят увидеться некие высокопоставленные джентльмены. Мне поручили узнать ваше мнение о встрече. Что мне им передать?

— Благодарю вас. Но у меня нет никакого желания видеть джентльменов…

Диалог, таким образом, закончился, едва успев начаться. Однако ровно через день Конона вновь вызвали к начальнику тюрьмы. Действо происходило утром. На этот раз его не ввели в кабинет, начальник сам вышел в коридор.

— Джентльмены прибыли. Они просят передать, что в ваших же интересах увидеться с ними.

— Я уже сказал, что не хочу видеть никаких джентльменов…

— Подождите меня здесь, я еще раз поговорю с ними.

Начальник тюрьмы вернулся в свой кабинет. Все двери были заперты, на почтительном расстоянии стояли два тюремщика. Видимо, им заранее приказали стоять подальше, чтобы они не могли слышать, что именно говорит своему арестанту начальник тюрьмы. Прошло минут десять. Вероятно, по мнению джентльменов, этого времени было достаточно, чтобы Молодый успел одуматься. Начальник тюрьмы снова вышел к нему.

— Лонсдейл, это очень важные люди. Они приехали сюда из Лондона специально, чтобы поговорить с вами. Они просили передать, что хотят сказать вам нечто крайне важное для вас.

— Они могут ездить, куда им заблагорассудится.

Им за это платят. Я же не намерен видеться с ними.

Начальник тюрьмы вновь принялся убеждать Молодого

изменить свое решение. Несколько раз он говорил, что разговор может иметь для него решающее значение. В ответ он слышал его однообразное «нет». Наконец тюремщику надоел бесполезный диалог и он приказал отвести своего подопечного в камеру.

В полдень его повели за обедом. После войны в английских тюрьмах ввели систему самообслуживания. Заключенные идут на кухню, где получают обед, разливаемый в глубокие металлические подносы, разделенные переборками на три части. Обед забирают в камеры. После обеда камеры отпираются и подносы выставляются прямо на пол за дверью.

По дороге в камеру Молодого перехватил главный надзиратель.

— Вас срочно хочет видеть губернатор.

— А куда мне девать поднос с обедом?

— Отдайте его тюремщику. Потом получите новый.

На этот раз Конона провели в другую комнату, где его поджидал начальник тюрьмы.

— Джентльмены все еще надеются увидеться с вами… Вы не передумали?

— Нет, не передумал.

— Тогда они просят вас принять письмо. Его содержание мне неизвестно. Вы возьмете его?

— Давайте.

Письмо было кратким и конкретным:

«Уважаемый мистер Лонсдейл! Мы хотели обсудить с Вами:

а) Возможность Вашего освобождения в будущем году.

б) Ваш возможный обмен на британского подданного.

Заинтересованы ли в том, чтобы обсудить с нами эти вопросы?»

Подпись была неразборчивой, видимо, не без умысла… Утверждают, что первая ласточка не делает весны. Но Молодый воспринял эту ласточку как предвестницу возможного освобождения. Посему он попросил губернатора передать джентльменам, что готов обсудить упомянутые ими вопросы, но только в присутствии адвоката, господина Харда, чтобы иметь свидетеля разговора… Однако джентльмены не захотели разговаривать при свидетеле. Видимо, характер предложений джентльмен нов был таков, что они не захотели говорить в присутствии кого бы ни было. Было ясно, что это — последняя попытка контрразведчиков любыми правдами и неправдами выудить у советского шпиона интересующие их сведения. У них оставался один-единственный козырь. Это его свобода. Но Молодый был полон решимости не идти ни на какую сделку…

А несколько месяцев спустя жена Конона Молодого, Галина,

сообщила ему, что направила советскому правительству просьбу обменять Гревилла Винна на мужа. Она была почему-то уверена, что советское правительство удовлетворит эту просьбу. Ее надежды неожиданно оправдались. Галина сразу же написала об этом госпоже Винн. Сообщив ей о благоприятном ходе дела, она попросила ее со своей стороны обратиться по этому вопросу к английскому правительству, поскольку была убеждена, что и английское правительство захочет помочь Винну в его беде.

Осталось тайной, что именно предприняла госпожа Винн. Возможно, решающую роль сыграли советы, которые ей дал муж, когда она посетила его в Москве в марте 1964 года. Во всяком случае, 9 апреля 1964 года Конону Молодому стало понятно, что английское правительство приняло решение об обмене. В тот день, вскоре после обеда, его неожиданно отвели к начальнику медицинской службы тюрьмы. Заключенный в принципе ни на что не жаловался и не мог сначала понять, почему начальник решил лично осмотреть его. Тем более что тот никогда не занимался этим и, по существу, был в общем-то не врачом, а администратором. Медицинский осмотр был первым с момента ареста Молодого в январе 1961 года, продолжался более часа и велся с предельной тщательностью. В конце осмотра начальник медчасти довольно долго беседовал с заключенным. По характеру беседы тот понял, что он пытается определить состояние его психики… Прежде чем уйти, Конон спросил, почему его вдруг решили подвергнуть столь тщательному медицинскому осмотру. Немного смутившись, врач после минутного колебания ответил, что решил осмотреть всех осужденных на длительный срок. Таких заключенных в бирмингемской тюрьме было менее десятка, и советский разведчик знал их всех. Поэтому до конца дня ему удалось установить, что, кроме него, никого к врачу не вызывали. Вот тогда-то он и понял, что, по всей вероятности, пришла пора складывать вещи и готовиться в путь…

А теперь несколько замечаний о работе английской контрразведки, так сказать, со стороны. Когда Конона арестовали, газеты были полны самыми фантастическими версиями о том, как знаменитой МИ-5 удалось напасть на след советского разведчика и захватить его. Даже верховный судья в конце процесса, как известно, особо поздравил службу безопасности с «блестящей работой». Все это было, конечно же, лишь дымовой завесой, чтобы прикрыть естественные промахи в работе английской контрразведывательной службы. Кстати, она сама сообщила прессе о том, что первым, мол, сигналом к началу операции послужило беспробудное пьянство Хаутона, показавшее, что он живет не по средствам. Будто бы местная полиция

заинтересовалась им случайно, в ходе расследования анонимных писем, которые Хаутон якобы от кого-то получал. Газеты даже печатали интервью с каким-то придурковатым полицейским из провинции, который первым заподозрил неладное в поведении Хаутона и дал сигнал контрразведчикам. А эти бравые ребята за несколько месяцев обнаружили «осиное гнездо» и распутали все дело. Так все выглядело в газетах, и служба контрразведки была представлена в наилучшем свете.

В действительности все было совершенно не так. Конон Молодый спокойно и без помех проработал в Англии шесть лет. Если бы не предательство и не беспечность нашей советской секретной службы, занимавшейся нелегалами, мой друг работал бы в Великобритании и по сей день. Конон даже мне не назвал этого предателя и не рассказал об ошибках своих коллег. Не хотел, видимо, усложнять и без того непростую свою жизнь в Москве. Я расскажу об этом сам, поскольку знаю все или почти все о причинах провала своего друга.

Итак, в 1961 году из тогдашней Польской Народной Республики сбежал в Соединенные Штаты оперативный сотрудник польской разведки Михаил Голеневский, который был завербован американскими спецслужбами. Среди агентурных связей Голеневского, которые он выдал ЦРУ, числился уже известный читателю английский офицер Гарри Хаутон, который работал в службе безопасности посольства Великобритании в Варшаве и «зашибал деньгу» не только на спекуляциях, но и на продаже полякам известных ему секретов. Был предателем, короче говоря. После окончания загранкомандировки Хаутон поступил на службу в одно из подразделений британских военно-морских сил в Портленде. Он привлек внимание связников Бена-Лонсдейла-Молодого Морриса и Леонтины Коэн (они же, как уже известно читателям, Питер и Хелен Крогеры) и был завербован, тем более что любовницей Хаутона оказалась референт той же военно-морской базы Элизабет Джи, имевшая доступ к совершенно секретным документам, касающимся установки и эксплуатации ядерных двигателей на подводных лодках. Бен работал с Хаутоном и Джи под «крышей» американского офицера в «штатском» и платил немалые деньги за ценнейшую информацию…

Американские разведчики тем временем сообщили своим британским коллегам ориентировку на Хаутона. Так, на всякий случай, в порядке обмена информацией, английская контрразведка разыскала вернувшегося на родину Хаутона и установила за ним профилактическую слежку. И вдруг неожиданная и абсолютно случайная удача. Были зафиксированы

тайные встречи Хаутона с неким сэром Гордоном Лонсдейлом… А потом сенсационный провал советского разведчика-нелегала. Кстати, когда Гарри и Джи были арестованы, оба в один голос твердили на допросах, что работали за деньги на американцев и не видели особого греха в продаже британских секретов их главному союзнику…

Я уже сказал о том, что в провале Конона Молодого в немалой степени была виновата наша служба. Это мое мнение. И оно находит подтверждение в мемуарах генерал-лейтенанта Павла Судоплатова, озаглавленных «Разведка и Кремль».

Павел Судоплатов — это бывший начальник печально известного «Бюро № 1 МГБ СССР», специалист «номер один» по мокрым делам, как выражаются уголовники. Он пишет о провале не только Коно-на Молодого, но и его «крестного отца», Абеля-Фишера, что тоже немаловажно для нашего повествования. Читаем: «Во время пребывания Фишера в Москве, приехавшего в отпуск, Абакумов или, кажется, Молотов подняли вопрос о розыске Орлова (предатель, бывший сотрудник ОГПУ, сбежавший в Америку. — *Авт.). Я* решительно возражал, напомнив, что Центральный комитет запретил нам его преследовать. Кроме того, Орлов сразу заметит слежку и любые попытки наших агентов найти подходы к его родственникам. Мысль об использовании Фишера для поисков Орлова подал Коротков (кодовое имя «Длинный») — в свое время предполагалось, что он будет помощником Орлова по руководству агентурной сетью во Франции, и ему было известно о планах использования Фишера в качестве радиста у Орлова, так и нереализованных в 30-е годы… Позднее именно Коротков стал виновником провала Фишера. В 1955 году он в качестве помощника направил к Фишеру агента Рейно Хейханнена. Тот любил выпить и, растратив оперативные средства, нарушил правила конспирации, а когда его решили отозвать в Москву, остался в Америке и выдал Фишера (Рудольфа Абеля)…

Абель жаловался, что его используют в качестве музейного экспоната и не дают настоящей работы. То же самое говорил и Конон Молодый…

Абель рассказал мне историю своего ареста. Когда он попытался забрать тридцать тысяч долларов, спрятанных на явочной квартире в Бруклине, так как ему было приказано отчитаться за них перед Центром. Мы оба решили, что было неразумно возвращаться за деньгами… Но он боялся, что если не вернет деньги, то его заподозрят в том, что он их присвоил…

Лонсдейл (кодовое имя «Бен») был не меньше Абеля возмущен тем, что Центр связал его с агентом, работавшим в

странах восточного блока под дипломатическим прикрытием. Это являлось нарушением элементарных правил конспирации, запрещавших нелегалу-резиденту вступать в прямой контракт с лицами, которые в силу длительного пребывания в странах Варшавского Договора автоматически находились в сфере постоянного наблюдения контрразведки своей страны».

Что же, вряд ли у кого возникнут подозрения в отношении объективности покойного «специалиста № 1» по мокрым делам в МГБ СССР. Ему незачем было врать…

А теперь продолжим историю обмена моего друга на агента британских спецслужб.

Утром 21 апреля 1964 года сразу же после завтрака Конона отвели в баню. Едва он успел раздеться, как в баню вбежал тюремщик Берджес. Он заведовал тюремной «приемной», где происходило оформление заключенных при поступлении в тюрьму и при выходе из нее. Увидев своего подопечного в костюме Адама, он крикнул, чтобы тот срочно одевался и шел к начальнику тюрьмы. Быстро одевшись, Молодый прошел с ним в свою камеру. По дороге Берджес сказал, чтобы Молодый как можно быстрее собрал свое имущество. Зайдя в камеру, он увидел, что у Конона много книг, банок с сахаром, маргарином и прочим барахлом, которое накопилась за время заключения. Под кроватью Конона хранился картонный ящик, который он припас сразу же после медицинского осмотра. Имущество было сложено. Не задерживаясь, оба направились в «приємную». Там Молодый переоделся, перевязал веревкой ящик с книгами, который принес из своей камеры, и другой, хранившийся вместе с одеждой в «приемной». Затем ему выдали «ценности». Он расписался в их получении и был очень доволен, что в свое время проследил, чтобы эти предметы были зарегистрированы в описи отобранных у него вещей. Все-таки память об «английском» периоде жизни. После этого Берд-жес отвел Конона в кабинет начальника тюрьмы мистера Харриса. Помимо него, в кабинете находились еще двое. Один из них оказался важным чином из министерства внутренних дел. Другой незнакомец назвался представителем бирмингемской полиции. Ему, оказывается, было поручено сопровождать Молодого до самолета.

Харрис представил всех друг другу. Представитель министерства внутренних дел сказал, что у него есть пакет, который должен быть вскрыт только в присутствии Молодого. Достав из кармана большой конверт, он демонстративно сломал сургучные печати. Внутри был другой конверт, поменьше, который он передал начальнику тюрьмы. Этот тоже показал печати и вскрыл конверт. Затем он принялся читать довольно

длинный документ, написанный на принятом в Англии официальном жаргоне, о котором сами англичане говорят: «К чему писать одно слово, когда его можно заменить пятью». Содержание бумаги сводилось к тому, что в соответствии с тюремными правилами от марта 1964 года господину Гордону Лонсдейлу предоставляется временное освобождение. Его доставят на базу королевских военно-воздушных сил в Западном Берлине и обменяют на британского подданного. Если по какой-либо причине обмен не состоится, советского разведчика доставят обратно в Соединенное Королевство и он добровольно отдаст себя в руки тюремных властей…

Закончив читать этот документ, начальник тюрьмы показал подпись заместителя министра внутренних дел. При этом он сказал, что счастлив поздравить бывшего заключенного с освобождением и желает удачи. Остальные тоже присоединились к нему.

Наконец, наступило для Молодого время начать путь к свободе. Старший полицейский чин, который должен был сопровождать его до самолета, извиняющимся голосом сообщил, что ему приказано надеть на освобожденного арестанта наручники, хотя он сам не видит в этом никакой необходимости в данных обстоятельствах. Конон попрощался с начальником тюрьмы Харрисом, поблагодарив за человечное отношение к нему. Харрис промолчал в ответ и лишь пожелал счастливого пути. Напоследок он пожал своему бывшему подопечному руку и неожиданно сказал по-русски: «До свидания»…

В тюремном дворе Молодого усадили на заднее сиденье одной из ожидавших там машин. С двух сторон от него сели полицейские в штатском. Один — старший чин, а другой сравнительно молодой сыщик, к которому Конон был прикован наручниками. Рядом с шофером пристроился один из руководящих работников английской контрразведки. Автомобиль со всей компанией выехал через тюремные ворота. За воротами к ним присоединилась вторая машина. Заметив это, Молодый спросил старшего полицейского:

— Неужели вы действительно думаете, что я брошусь назад и попытаюсь ворваться в вашу тюрьму?

— Я этого не думаю, — ответил тот. — Вторая машина сопровождает нас на случай поломки нашего автомобиля. Мы должны прибыть на аэродром точно в назначенное время.

Машина мчалась по хорошо знакомым Молодому местам. Когда съехали с автострады, он понял, что его везут на военный аэродром Нортхолт. На аэродром въехали через специальные ворота с надписью «Для особо важных лиц». Моторы ожидавшего

самолета военной транспортной авиации уже были запущены и работали на малых оборотах. Автомашина подъехала прямо к трапу. Водитель достал из багажника два ящика с имуществом Конона и отнес их в самолет. А в салоне его ждали новые телохранители — двое здоровенных парней в штатском. Контрразведчик снял с Молодого наручники и, передав его «штатским», удалился из самолета. Дверь самолета закрыл полковник королевских военно-воздушных сил. Не успели оттащить трап, как моторы взвыли и лайнер стал выруливать на взлетную дорожку. В салоне появился полковник. Встав по стойке «смирно», он отрапортовал Молодому о маршруте и продолжительности полета, а также об ожидавшей в пути погоде. По-видимому, он ничего не знал и думал, что Конон действительно «особо важное лицо». Один из телохранителей принялся украдкой махать ему рукой, пытаясь остановить его рапорт. Но все было безуспешным. Отрапортовав до конца, полковник предложил выпить кофе, пока будет приготовлен обед. Молодый с удовольствием выпил чашку настоящего кофе, с нетерпением ожидая обещанного обеда…

Примерно через три часа после вылета самолет приземлился на авиабазе Гатов в английском секторе Западного Берлина. Охранники нервничали все больше и больше. Старший предупредил Молодого, что они вооружены и имеют приказ стрелять, если «сэр попытается бежать». Бормоча что-то о том, что приказ есть приказ, старший телохранитель вновь надел на Конона наручники перед тем, как он вышел из самолета. В это время в кабине появился и полковник, у которого чуть было не отвалилась челюсть от одной мысли, что он прислуживал заключенному…

…Ну а потом автомобиль с Молодым и компанией миновал западноберлинский контрольный ίιρο-пускной пункт и, не останавливаясь, въехал в нейтральную зону. Было пять часов двадцать пять минут утра, а обмен был назначен на пять тридцать. Машина прибыла на пять минут раньше срока. Пришлось немного подождать. Дымка рассеивалась. Ровно за тридцать секунд до назначенного времени поднялся шлагбаум на границе Германской Демократической Республики. Оттуда выехала автомашина. Она развернулась и остановилась на левой стороне шоссе. С англичанами была достигнута договоренность считать середину шоссе условной границей. Там даже была проведена белая линия длиною в несколько метров. Из подъехавшей машины вышел один человек. Молодый сразу же узнал его. Это был один из старых коллег по разведке. Он приблизился к машине с очень важным выражением на лице и

сделал вид, что впервые увидел Молодого. Из другой машины на противоположной стороне шоссе вышли четыре человека. Среди них был и Винн. Он выглядел усталым и вроде бы немного испуганным, а может быть, это только показалось Молодому…

Участники обмена с обеих сторон построились лицом друг к другу вдоль осевой линии шоссе. Советский консул произнес слово «обмен» на русском и английском языках, и Конон оказался в машине, где уже сидели свои. Автомобиль умчался на территорию Германской Демократической

Республики. Миновав домик пограничного контрольного пункта, он остановился. Из багажника вынули чемоданы Винна и отнесли их за шлагбаум, чтобы обменять на багаж Молодого… Потом моему другу даже отвели десяток минут, чтобы зайти в местный магазинчик и истратить имевшиеся у него английские фунты, выданные при освобождении…

Конон рассказывал мне, что, прибыв на Родину, он был счастлив, ибо наивно полагал, что выполнил свой долг до конца. Но важно было, чтобы это поняли и его коллеги. А поняли не все и не во всем. В Лондоне, когда его покидал Молодый, стояла ясная погода, а вот в Москве его ждал туман, который, увы, зависел не только от матери-природы. Об этих московских туманах расскажет сын Конона Молодого…

МОСКОВСКИЕ ТУМАНЫ.
Трофим Молодый

Я, естественно, не помню, как меня зачинали. Этого никто не помнит. Ни отец, ни мать мне об этом никогда не рассказывали. Сам я высчитал, учитывая нормальный девятимесячный период инкубации, что произошло сие в июле 1957 года, когда папа находился в «липовом» отпуске и отдыхал с матерью в Варшаве.

Для меня до сих пор остаются не до конца ясными взаимоотношения отца с матерью. Он женился на ней, так сказать, по «наводке» своей матери и моей бабки Евдокии. Может быть, потому, что Галя была соседкой по квартире и на глазах бабки прошла вся жизнь этой девушки, которая уже успела выйти замуж, развестись и родить дочку Лизу, ставшую затем моей единоутробной сестрой. К тому же Галя работала в институте протезирования у бабушки, где преподавала в школе интернате для детей-инвалидов, и не вызывала никаких подозрений в отношении своего трудолюбия. Свадьбу сыграли очень быстро, безо всякой помпы и показухи. Отец уже был разведчиком-нелегалом. Возможно, что такой вариант устраивал всех, в том числе и руководство отдела «С» КГБ СССР, «нелегал ки», как его называли. После свадьбы батюшка отбыл в «длительную и очень высокооплачиваемую командировку в Китай», где, как объяснили моей маме, были очень плохие жилищные условия, и посему ей, мол, лучше оставаться в Москве. Итак, родился я в Москве 19 апреля 1958 года. А последний раз отец побывал дома через год после моего появления на свет и после этого до самого ареста в 1961 году он Все продолжал и продолжал «работать в Китае», и мама Галя в это по наивности своей, а может, по необходимости верила. И чтобы закончить мои раздумья на эту тему, скажу еще, что брак отца с матерью был все-таки странным. Двое молодых супругов видятся один раз в году. Ну, насколько я знаю, папа имел возможности преодолевать сексуальное одиночество. Матери, видимо, было трудней. Одно могу сказать, как перед Богом. Отец любил маму. Может, потому, что редко видел ее, а вероятнее всего, из-за меня.

Как мы жили? По свидетельству моих ближайших родственников, сначала очень плохо. Когда отец стал «китаистом», вся наша славная семья из семи человек размещалась в крохотной двухкомнатной квартирке в доме на Новоостаповской улице Пролетарского района. Дом был действительно пролетарским типа знаменитых «хрущевок»,

только из красного кирпича. Обитали в нем мама Галя, ее дочь и моя единоутробная сестра Лиза, родная сестра матери Вера со своим мужем художником Кривоноговым, их сын Юра и бабушка Женя, то есть мама моей матери. В общем, настоящая «коммуналка» в двухкомнатной квартире. Правда, жили дружно. Драк из-за ванны и очередей в туалет вроде бы не было. Художник Кривоногое, известный своими батальными картинами об Отечественной войне, большую часть времени проводил в мастерской или в Студии Грекова, где обучал будущих живописцев. Остальные тоже бегали по своим делам. И все же, когда отец приехал посмотреть на своего годовалого отпрыска летом 1959 года, он после своих «лондонских университетов», о которых никто, естественно, не знал, пришел в шоковое состояние из-за наших жилищно-бытовых условий. Как значительно позже стало известно, он сбегал тайно на Лубянку и пристыдил свое начальство. Нас быстренько расселили. Мама, сестра Лиза, я и бабушка Женя получили отдельную двухкомнатную квартиру в кагэбэшном доме № 7 на Фрунзенской улице неподалеку от набережной Моск-вы-реки, а остальная троица осталась на прежней квартире. И вот тогда-то настала спокойная и довольно сытая жизнь.

В четыре года меня определили в детский сад. В принципе повезло всем, ибо детский сад находился во дворе нашего дома. Посему через некоторое время я стал самостоятельно ходить в садик и возвращаться из него без сопровождающих. В садике мне почему-то больше нравились девочки. Первый раз я безумно влюбился сразу в двух. Одну звали Кариной, другую Мариной. Они были старше меня, но позволяли целовать себя в щечки. А потом между ними произошла ссора на почве ревности ко мне.

Скандал закончился тем, что они меня побили, объединившись в антимужскую коалицию. А потом я сам стал самым отъявленным забиякой. Девочки меня этому научили.

…Матери рассказали всю правду об отце только в 1961 году, когда он был арестован в Лондоне. Но я, конечно, ничего не знал. Помню, однажды спросил у матери:

— А где мой папа?

— Он работает далеко-далеко…

— А когда он приедет?

— Не знаю…

— А почему?

— Такая у него работа, сынок.

— Дурацкая у него работа.

Мама заплакала, а я испугался и перестал спрашивать… И вот наступил апрель 1964 года. Отметили мой день рождения. Я

получил подарки, а мать вдруг исчезла. Неожиданно исчезла. Пришел домой из детского сада. Сидит моя сестра Лиза. Она была старше меня на одиннадцать лет. Значит, ей семнадцать, а мне шесть. Спрашиваю, где мама. А Лиза улыбается, молчит. Я начал плакать…

— Не реви, Трошенька. Мама уехала встречать папу!

— Ой, а что я скажу папе? Я его ни разу не видел…

— Скажи: «Здравствуй, папа! Я очень рад тебя видеть!»

— Здравствуй, папа! Я очень… А чего дальше?

— Чего, чего! Я очень рад тебя видеть.

Повторил. Все вроде правильно. Стали ждать.

Молча. Но я кожей чувствовал, что Лиза тоже нервничает. То садится, то встает. И вдруг звонок. Мы бросились к двери. Открыли. Входят двое. Мама взяла меня на руки, расцеловала и заплакала. А рядом с ней дядя. По идее мой папа. Худой, бледный, измученный какой-то, но улыбающийся. Берет меня из рук матери, прижимает к себе и весело так говорит:

— Молодой человек, а вы меня признаете?

А я вдруг растерялся и все забыл, что надо говорить. А говорить надо. И тут я почему-то перешел на официальный тон:

— Вы знаете, а я знаком с вашей мамой.

Отец как захохочет, а я заревел как оглашенный, от счастья конечно…

Вслед за отцом и матерью вошли какие-то люди. Это были, естественно, сопровождавшие их чекисты. Помню, что были картонные коробки с книгами и какие-то вещи. Чужие дяди скоро уехали, и тогда началось семейное торжество. Не помню, как оно проходило, потому что я заснул мертвым сном после пережитых треволнений. Пробуждение было радостным. «Приехал папа, такой любимый и такой таинственный. Но зато сегодня можно не идти в детский сад! Пусть Каринка с Маринкой поволнуются». Однако реальность оказалась несколько иной. Когда я умылся, оделся и позавтракал, папа посадил меня на стул напротив себя и этак серьезно спросил:

— А что у тебя сегодня по плану, сынок?

— Ничего…

— То есть как ничего?

— Ну, детский сад…

— Раз по плану детский сад, то нужно план выполнять.

И тут я сразу понял, что папа человек серьезный и с ним не забалуешь. Пошел в детский сад, а когда пришел, вся квартира была прибрана. Тут-то и понял, что меня вытурили, чтобы не мешал разбираться… Первое, что бросилось в глаза, — это красивая ваза, наполненная какими-то квадратиками в цветастых

обертках.

— Что это, папа?

— Жвачки, Трофим.

— Это конфеты такие?

— Нет, не конфеты, но похоже. Их надо жевать, но не глотать.

— А сколько можно жевать?

— Да сколько хочешь, пока не надоест…

Мне понравились квадратики. Особенно потому, что, после того как дожуешь жвачку до исчезновения вкуса, ее можно приклеивать к чему-нибудь. К ножке стола, например, или стула. На другой день я взял с собой жевательные резинки в детский сад. Первым, кого я угостил заморской диковинкой, были мои пассии — Карина и Марина. Карине, которая была не такой зловредной, я сказал, что после жевания остатки резинки надо выплевывать. А Маринке ничего не сказал, и она ее проглотила. Сейчас мне стыдно за эту подлянку.

А потом потянулись обычные дни, то радостные, то печальные. Отец уходил на работу, но не каждый день. И все свободное время проводил за пишущей машинкой. Печатал, складывал листы в папку, то в одну, то в другую. Иногда что-то рвал. Помню, разорвав очередной отпечатанный лист, сказал: «Не поймут товарищи». Иногда вскакивал среди обеда или ужина и бежал к машинке. Или что-то вспоминал важное, или светлая идея приходила…

Сделаю здесь маленькое отступление. Еще когда папа сидел в британской тюрьме, к нему обратилось известное английское издательство «Невил Спиармен Лимитед» с просьбой написать шпионские мемуары, имея в виду длительный «творческий» отпуск советского разведчика-нелегала. Отец ответил тогда, и об этом он многократно рассказывал, что такие мемуары он сможет подготовить, только вернувшись на Родину. Когда это произошло через три года, вместо двадцати пяти, издательство напомнило о своей просьбе. Вопрос о мемуарах, насколько я знаю, решался аж на уровне Политбюро. И отец получил благословение свыше при условии, что весь возможный гонорар уйдет на нужды советской разведки. Так появилась на свет книга «Двадцать лет в советской секретной службе. Мемуары Гордона Лонсдейла», не раз процензурированная нашими товарищами из разных ведомств, а посему представляющая собой сплошное вранье, но тем не менее изданная и переизданная во многих странах… Как-никак известное имя и детективный сюжет. А тут не так давно навестил меня корреспондент Би-би-си, который делал фильм об отце. Оглядев мою скромную квартирку, он удивленно произнес:

— Неужели вам отец ничего не оставил? Ведь за свои

мемуары он должен был получить более сотни тысяч долларов. Это по тем временам были очень большие деньги.

— Нет, почему же, — ответил я, гордо подняв голову. — Отец оставил мне подержанную «Волгу», а свой гонорар он отдал на развитие детских садов.

Корреспондент удивленно посмотрел на меня и произнес сакраментальную фразу:

— Ох уж, эти мне русские!

Отец действительно не получил ни цента. Все деньги осели на каких-то неизвестных мне счетах. А ведь я мог бы приобрести на них вполне приличную квартиру уже для моей семьи.

Кстати, о квартире. Ровно через месяц после возвращения отца нам по решению высокого начальства с Лубянки улучшили жилищные условия. Дали аж трехкомнатную квартиру на 3-й Фрунзенской, дом № 4. Через некоторое время мама, которая ушла с работы, чтобы заняться вплотную семьей, начала «европейский» ремонт, наняв рабочих со стороны. И вдруг в один из дней подходит к ней бригадир и говорит: «Мадам, мы тут вскрыли плинтуса и одну стену, а там сплошные провода, как на телефонной станции». Мать срочно позвонила отцу — он в этот день был на работе в центральном аппарате внешней разведки — и с испугом поведала о ремонтных «находках». Приехал папа, посмотрел на открытие, почмокал языком и позвонил «компетентным товарищам». Приехала целая бригада, тоже все осмотрела и тоже почмокала губами. Потом «старшой» бригады сказал:

— Извините, Конон Трофимович! Мы просто забыли, что эта квартира в свое время была «кукушкой» и предназначалась для другого человека.

Затем они все демонтировали и удалились…

Время летело быстро. Иногда у нас собирались друзья отца. Приходил и Абель, дядя Рудольф, как я его называл. Был он всегда грустен и чем-то озабочен. Помню, очень испугался, когда батя в поддатни рассказал анекдот о Брежневе. Эту байку до сих пор помню. Приходит, значит, мужик с работы. Усталый и злой. Поужинал чем Бог послал, и к телевизору, естественно. Включает первую программу — на экране тупая физиономия Леонида Ильича, который шамкает: «Дорогие товарищи…» Включает вторую программу, опять Брежнев на трибуне, переключает на третью — опять генсек. В отчаянии включает четвертый канал, учебный. А на экране Юрий Владимирович Андропов, шеф КГБ. Грозит пальцем и говорит строго: «Я тебе попереключаю, товарищ!»

— Да Бог с ним с Брежневым, — сказал печально

Рудольф Иванович после анекдота, — лишь бы войны не было. Не человек делает историю, а история человека.

В конце шестидесятых годов на экраны вышел кинофильм «Мертвый сезон». Мы уже упоминали о нем. И здесь я хочу привести лишь интервью с До-натасом Банионисом, которое взял у актера в середине 90-х известный корреспондент «Комсомольской правды» Николай Долгополов. Правда, начал он не с отца, а с Рудольфа Абеля, который снялся в своего рода «заставке» к кинокартине. Привожу это небольшое интервью полностью. На первый вопрос Банионис отвечает так:

— Я абсолютно честно говорю вам, не знаю об Абеле ничего. Видел его издалека единственный раз на премьере «Мертвого сезона».

— А с его коллегами познакомиться довелось? Ведь были же наверняка у фильма консультанты.

— Я этих консультантов-разведчиков не встречал. Хотя был один: приехал на съемку, когда мы снимали обмен на мосту. Мне этого человека показали и сказали, что это Конон Молодый и якобы я его играю. Он вернулся в Советский Союз и, рассказывали, пишет свои мемуары о том, как работал там. Я Конону говорю: «О Господи, вы совсем не похожи на разведчика». Действительно, он такой не киношный. Конон посмеялся и ответил, что какой бы он был разведчик, если был бы похож. И говорит мне: «Вот вы такой же, как я». Это его замечание стало для меня как бы утверждением, что я смогу сыграть то, что мне приятно: судьбу человека. Но режиссера Савву Кулиша консультировали, контакты и он, и сценарист Владимир Вайншток с разведчиками имели. Потому что, когда я что-то спрашивал, мне отвечали: «Да, твой прототип говорил то-то и то-то».

— И как вам в том фильме игралось? Роль по давним временам была не из обычных.

— Сценарий был написан как боевик. Но так играть я не согласился. Мне показалось, что важнее показать человека, который действительно пережил большие потрясения. Был разведчиком, его поймали, посадили в тюрьму, потом обменяли, и он вернулся. История трагическая. Играть мне было интересно. И мы стали менять сцены, которые были в сценарии. Стали снимать отдельными кусками не то, что написано, а то, что я предлагал: не героическую ситуацию, а судьбу пострадавшего человека, которому трудно, который еще не знает, что его ждет после возвращения домой. Это ближе к жизни и правде. А в «Мертвом сезоне» мне было очень хорошо играть: режиссеры сильные, партнеры тонкие. И героический сценарий мы

переделали в человеческий. Был даже момент, когда после просмотра отснятого материала руководство «Ленфильма» хотело закрыть картину, а меня с роли снять.

— Но почему?

— Дескать, я не героический тип, а простой человек, которого народ не полюбит. Художественный же совет решил оставить все как есть. И потому я вспоминаю «Мертвый сезон» с удовольствием. А был там Абель или Молодый, меня не интересует. Все равно после возвращения на Родину они были засекречены.

…Вот так вот. Действительно, были засекречены. Правда, отец иногда выступал перед коллективами, но всегда в сопровождении «искусствоведа» в штатском, а то и двух, которые иногда давали советы, что и как говорить, а иногда и прерывали на полуслове. Серьезное замечание получил батя после своего общения с коллективом ЗИЛа. Сначала его провели по цехам, где сидели группы курильщиков и отдыхали в неположенное время, а потом он рассказал трудящимся свою липовую биографию, сходную с фильмом «Мертвый сезон». А в заключение сказал:

— Я был бизнесменом и знаю, как работают на Западе. А вот у вас столько курильщиков и бездельников увидел, что удивляюсь. Почему не разогнали половину их к чертовой матери!

Рабочим шутка понравилась. Они даже аплодировать начали. А товарищи забеспокоились:

— Нельзя так, Конон Трофимович! У нас здесь не Запад, а Советский Союз и нет эксплуатации человека человеком…

Самым радостным событием был приезд связников отца Крогеров осенью 1969 года. Их обменяли на агента британских спецслужб Джеральда Брука, завалившегося в Москве. Радости отца не было границ. Он очень переживал за них. И очень любил. И очень надоедал кагэбэшному начальству просьбой вызволить из беды…

Детей у Морриса с Леонтиной не было, несложно догадаться почему. Остались ли в Штатах родственники у Морриса, он не знает. Возможно. Хотя Коэн вышел из семьи эмигрантов, американцы признают его своим: раскопали, что в колледже он был отличным игроком в американский футбол и даже получал спортивную стипендию. Моррис подтвердил, что играл: «Может, поэтому у меня до сих пор так болит и ноет по ночам разбитая в Миссисипи коленка?»

Люди, знающие чету Коэнов достаточно близко по московскому периоду их жизни, рассказывают, что у стариков-разведчиков была идеальная совместимость. Верховодила, правда, Лона, однако решения принимал как в США, так и в

Англии молчаливый Моррис. Лона щебетала по-русски, он же погружался в книги на английском. Теперь сам признался мне, что больше года не читает — отказали глаза.

Известно, что приговор был, по крайней мере внешне, воспринят ими с профессионально сыгранным спокойствием. Крогеры сохраняли его все девять лет мотаний по британским исправительным заведениям.

— Одна тюрьма была омерзительнее другой, — рассказывал дядя Моррис. — Меня переводили из камеры в камеру, перевозили с места на место. Боялись, убегу. Или разложу своими идеями заключенных. Сидел с уголовниками, и люди, с которыми я отказывался сотрудничать, надеялись, что сокамерники сломают «русского шпиона». А я находил с ними общий язык. Видите в уголке на стуле здоровенного медведя? Мне подарил его в тюрьме в день рождения знаменитый налетчик, совершивший «ограбление века». Меня с тем парнем действительно считали особо опасными. И Блейка — тоже (Джордж Блейк — сотрудник британской Сикрет Интеллидженс Сервис, долгие годы передававший ее секреты советской разведке. — *Авт.)*. Нас с Джорджем судили в том же 1961-м, и вдруг мы каким-то чудом или по недосмотру оказались вместе в лондонской тюрьме «Скрабе». Вот кто стал другом до конца жизни. Мы говорили обо всем на свете и находили общий язык, словно сиамские близнецы. Мои 20 лет казались шуткой по сравнению с его приговором в 41 года. И Джордж сбежал. Ничего другого не оставалось. А вот встретились здесь, в Москве. И дружим…

Интересно, не правда ли? Чем дальше в лес, тем больше дров. Может, еще что-нибудь раскопают о Коэнах-Крогерах. Да, их не очень дружелюбно встретили в Москве официальные товарищи. Долго искали им квартиру и нашли что-то весьма и весьма скромное. А потом Крогеров, как мне рассказывали, принял Юрий Владимирович Андропов, поинтересовался здоровьем, затем спросил:

— Ну как, выбрали квартиру?

— Квартиру? — Леонтина рассмеялась. — Какая квартира? Нам ваши товарищи предложили какие-то клетушки. Хуже, чем камеры в британской тюрьме. Разве только решеток нет на окнах.

Юрий Владимирович побагровел, но сдержался и очень медленно произнес, глядя на своих товарищей:

— У нас что, квартир уже нет?

И сразу все стало на свои места. Квартира тут же нашлась. Шикарная квартира на Бронной, в новом доме, где получили квартиры разные знаменитости, в том числе и Юрий Владимирович Никулин, величайший комик, которого любили

все без исключения генеральные секретари и председатели КГБ… Крогеры переехали, устроили новоселье. И, немного забегая вперед, я хочу закончить повествование о них. Когда умер отец, дядя Моррис и тетя Лона захотели поселить меня в своей квартире, ибо очень любили сына своего покойного шефа. И вот тут-то встало на дыбы кагэбэшное начальство. То ли испугались за квартиру, которая достанется невесть кому, то ли еще из-за чего. Много лет спустя один из коллег отца, ныне покойный, объяснил сие событие тем, что, мол, Коэны-Крогеры стали обучать наших будущих разведчиков-нелегалов. Ну и сами понимаете — строжайшая конспирация, да и будущий приемный сын, мол, того… дитя завалившегося нелегала. Да, Крогеров тогда будто бы подменили. Они перестали появляться у нас и не звали к себе. А при случайных встречах отводили глаза в сторону, как бы не узнавали меня. Однажды, когда и дядя Моррис и тетя Лона уже были смертельно больны, их поехала проведать моя жена Таня, в которой они души раньше не чаяли. Она быстро вернулась домой, вся заплаканная.

— Ты знаешь, Трофим, — сказала она, всхлипывая, — они даже не предложили мне сесть, будто увидели впервые.

Ну да ладно, Бог им судья…

…10 октября 1970 года. Мне уже двенадцать с половиной лет. Помню, была суббота, и мы всей семьей вместе с друзьями отца дядей Володей и тетей Милой Романенко (дядя Володя был полковником и работал в одном засекреченном институте по проблемам космоса) решили поехать за грибами. Кто-то сказал папе, что самые грибные места находятся под городом Медынью, что в двухстах километрах от Москвы. Далековато, в общем. Поэтому нас с сестрой после недолгих дискуссий решили не брать. Наверное, еще и потому, чтобы в машине было посвободнее. Мне, честно говоря, тоже почему-то не захотелось ехать. Скучное занятие собирать грибы… ·

Отец завел свою «Волгу», посадил мать рядом, и они поехали за Романенками. Выехали из Москвы за полдень, чтобы переночевать в палатке, а утром пойти по грибы. Как потом рассказывала мама, все шло по плану. На место приехали вечером. Поставили палатку, развели костер, уселись на раскладных стульчиках. Открыли бутылку водки, чтобы выпить по стопке и поужинать. И вдруг отец упал на траву… Началась сильная рвота, и он уже не мог шевельнуть ни рукой ни ногой. Мама наклонилась над ним. У него были ясные глаза, он чего-то все хотел сказать, но парализовало речь. Дядя Володя положил отца на заднее сиденье рядом с мамой. Сам сел за руль, тетя Мила рядом. Выехали на трассу, у первого встречного спросили,

где ближайшая больница. Оказалось, что только в Медыни, ближе нет. Приехали, наконец, в больницу. Отец был без сознания. Заспанный дежурный врач бегал вокруг, не зная, что делать. Решили позвонить в Москву. Мама помнила лишь телефон Рудольфа Абеля. Дозвонились до него. Он очень расстроился, но сказал, что сообщит о случившемся товарищам, чтобы срочно выслали машину с помощью. Было уже за полночь. Врач сказал, что отец мертв… Служебная «Волга» приехала только с оперативным шофером. Ни врача, ни сестры… Маму с тетей Милой посадили в эту машину, а дядя Володя, положив тело отца на заднее сиденье, поехал следом. Привезли мертвого отца в госпиталь на Пехотную. Сделали вскрытие, сказали, что обширный инсульт. Случается, мол, и с разведчиками совершенно непредвиденное….

А потом похороны. Помпезные. С показухой. И памятник за счет КГБ. Мама была в трансе. И потом долго не могла выйти из этого состояния. Пыталась бороться с горем старым дедовским способом. Но от бутылки становилось еще хуже. А дом наш вдруг опустел. Ни Абеля, ни Крогеров, ни артиста Вячеслава Тихонова, ни сценариста Вайнштока, ни кагэбэшных сотоварищей, которые вроде бы дружили с отцом и веселились часто в квартире на Фрунзенской уже без «клопов»… Не нужны мы им стали. Мне определили пенсию за отца в 200 рублей ежемесячно. В 1970 году это, в общем, равнялось средней зарплате государственных служащих. Мама пошла работать на старое место в ЦНИИП (то бишь институт протезирования), но уже не учительницей, а заведующей канцелярией. Впрочем, она начала очень часто хворать и много времени проводила в больницах. Сестра Лиза закончила МГИМО, и ее распределили на работу в тогда мощное внешнеторговое объединение «Международная книга», имевшее своих представителей практически во всех больших и малых государствах за рубежом. Но, увы, она стала невыездной и ей не было смысла оставаться в этом учреждении…

Я закончил десятилетку. Что делать? Извечный вопрос. Кагэбэшные «опекуны» как в воду канули. К точным наукам я пристрастий не имел, техникой тоже увлечен не был. Типичный гуманитарий. Явился в свой районный военкомат. Покрутили меня там, покрутили и направили в Московское Высшее пограничное краснознаменное командное училище КГБ СССР. Тут уж, не скрою, помог один друг отца с Лубянки. Тот, которого я до сих пор помню и уважаю. На третьем курсе я женился. Жила по соседству девушка Таня. Отец у нее фронтовик, мать — бывшая радистка. Хорошая семья. Но не богатая. Впрочем, разве настоящая любовь совместима с расчетом? А когда родился через

год наш сын, которого в честь деда назвали Кононом, все же о деньгах пришлось подумать. И решили мы с Татьяной податься в отдаленные районы, там ведь платили больше. Попросился я в Мурманскую область. И направили меня заместителем начальника погранзаставы неподалеку от поселка Никель, то бишь на советско-норвежскую границу. Дослужился там до начальника заставы. Но богатыми мы не стали. Таня была безработной, а наш сынишка Конон рос не по дням, а по часам. Вернулись в Москву. Тогда в моей судьбе принял участие чудесный человек, истинный друг покойного отца Николай Владимирович Губернаторов, доктор исторических наук и генерал-майор в отставке. Он преподавал в Высшей школе КГБ СССР и помог мне устроиться туда на преподавательскую работу. Дослужился я до майора, стал заместителем начальника курса контрразведки. А потом надоело. Подал, рапорт об уходе, прошел медицинскую комиссию — и гуд бай! Подался в бизнес… Нет, по стопам отца я бы не пошел. И сыну запретил. Одного разведчика в династии Молодых более чем достаточно…

Недавно начальник Службы внешней разведки России генерал Трубников в интервью «Общей газете» сказал о моем отце: «Это был прекрасный, изумительный нелегал, потрясающего таланта. Нельзя сказать, что все наши разведчики — сплошные Кононы Молодые. Он — личность уникальная…»

Потом генерал добавил: «Но я думаю, что пройдет полсотни лет, и мы узнаем, что в конце 90-х работали в разведке люди, по таланту и личным качествам нисколько не уступавшие Молодому…»

Может быть… Но воздайте должное тем, кто покоится на Донском кладбище, не ожидая, когда пройдет еще полвека.

DAILY EXPRE

. 18,917 THURSDAY MARCH 23 1961 3 a.m. forecast: Cloudy; bright spells

LONSDALE
25
years

KROGER
20
years

HIS WIFE
20
years

HOUGH
15
year

SPY RING CR

Lonsdale's identity I

still a riddle

Secrets
Trial
Special

EXPRESS

3 a.m. forecast: Cloudy; bright spells Price 3d.

LONSDALE
25

Secr
Trial
Spec

LONSDALE
25
years

KROGER
20
years

HIS WIFE
20
years

HOUGHTON
15
years

GEE
15
years

PAGES
6, 7, 8

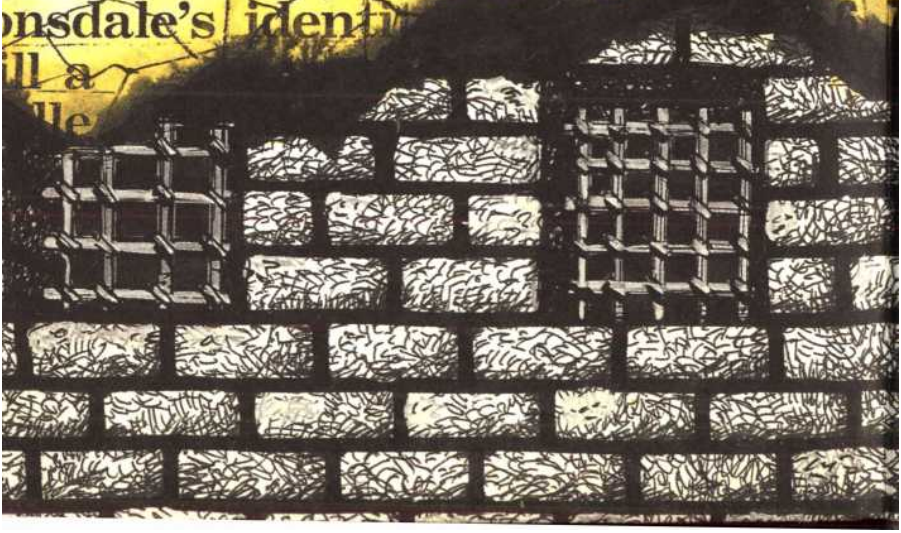
PY RING CRUSHED

PAG

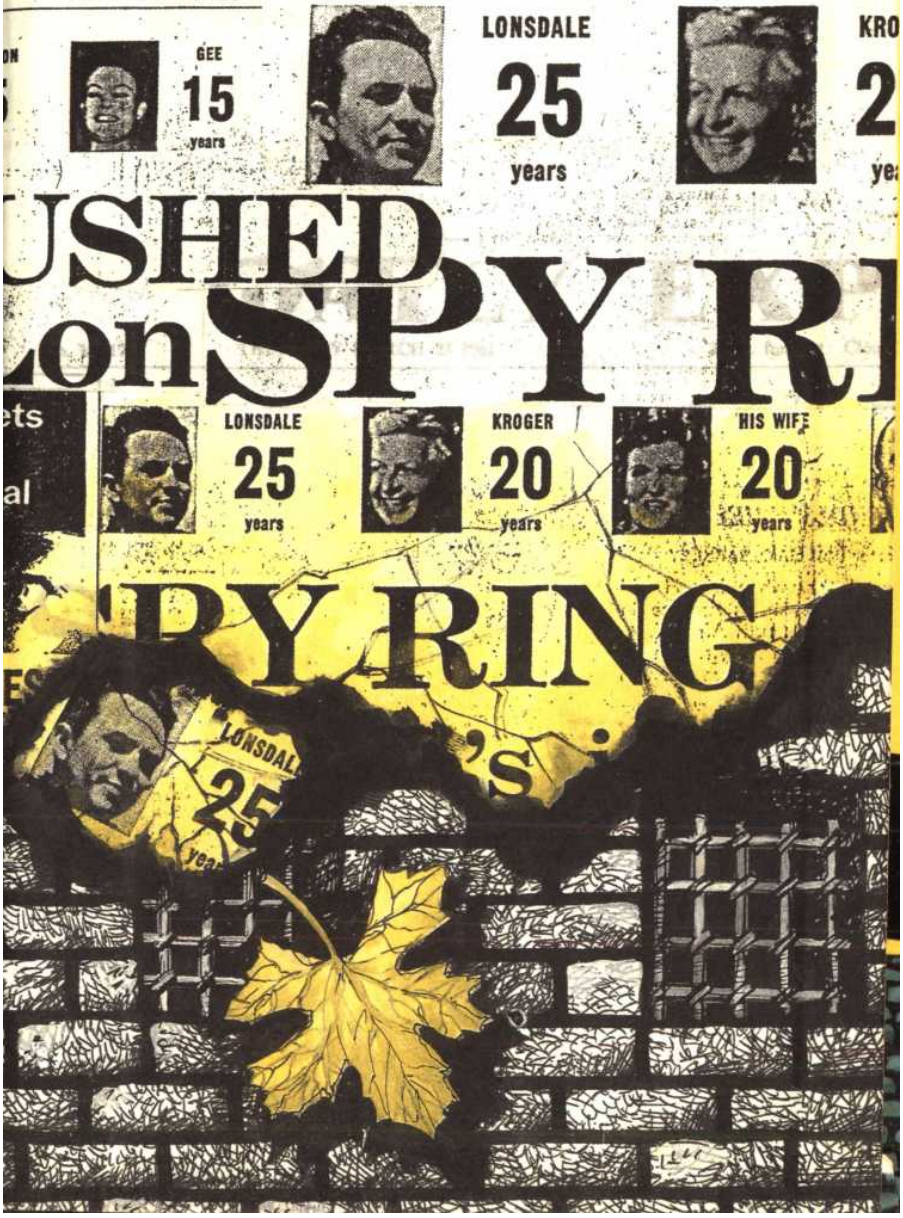
nsdale's identi

ll a

lle



DAIL
SS
Price 3d.
18,917
THURSDAY MARCH 23 1961

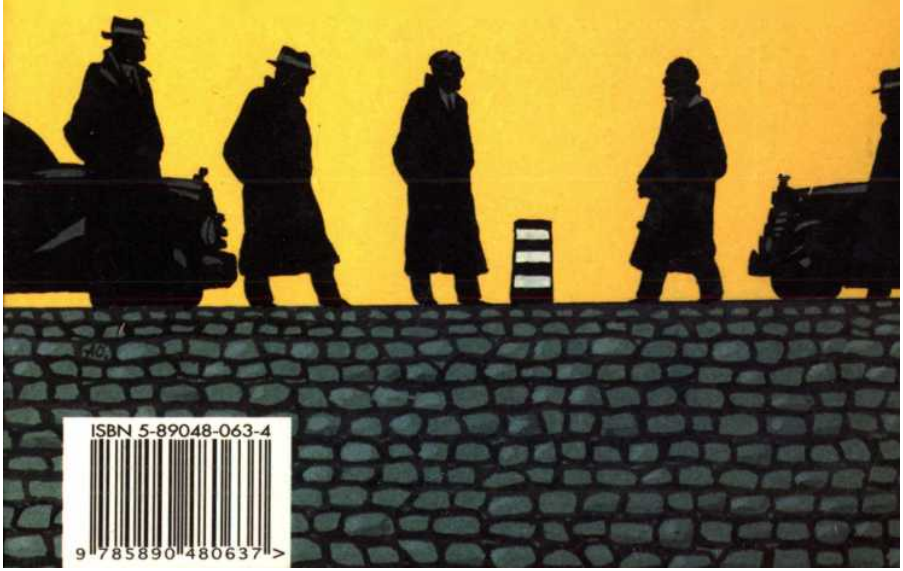


СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Леонид Колосов

Трофим Молодый

Друг и сын героя книги рассказывают правду о сложной судьбе знаменитого советского разведчика-нелегала.



ISBN 5-89048-063-4